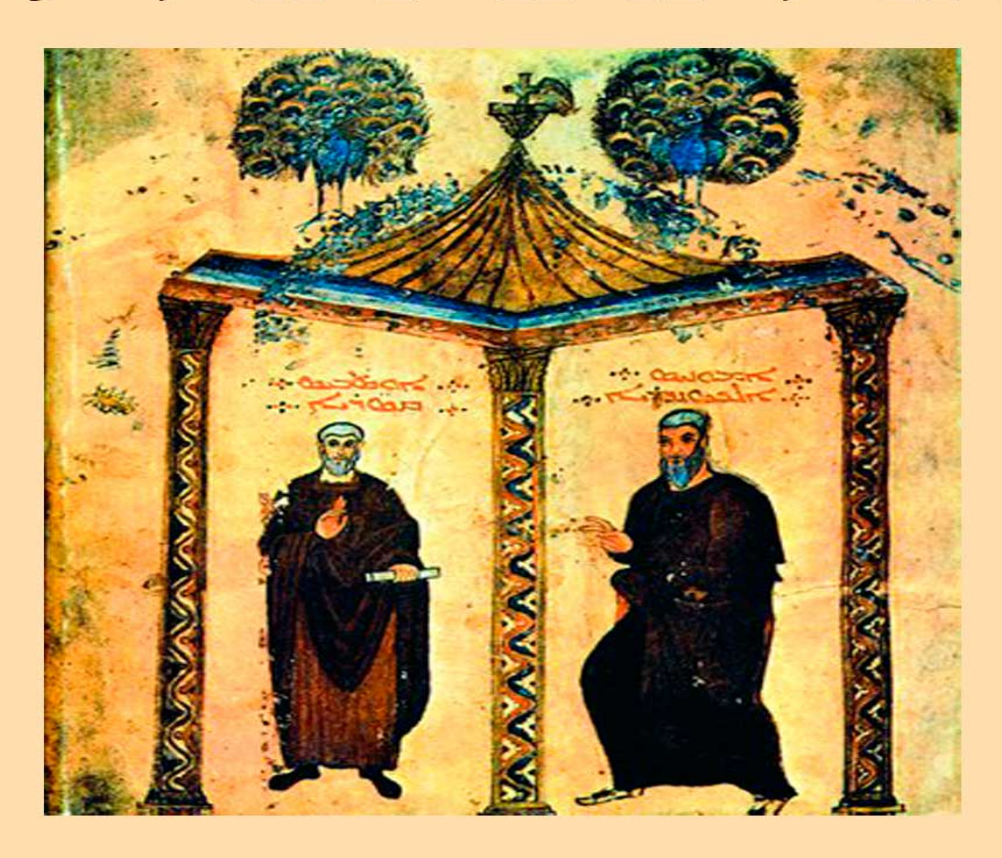

ЕВСЕВИЙ ПАМФИЛ КЕСАРИЙСКИЙ

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

Annotation

Евсевий Кесарийский (Памфил) (около 260 – 339) родился в Палестине, получил образование в училищах Иерусалима и Антиохи. Изучал труды Платона, Филона Александрийского, особенно был подвержен учению Оригена. Несмотря на спорность его догматических воззрений, Евсевий Кесарийский по праву считается отцом церковной истории. Самый известный его труд «Церковная история» посвящен событиям христианского мира до 324 года, в котором были использованы современные многочисленные архивные документы. Примыкает к нему знаменитый панегирик «Четыре книги Евсевия Памфила, Епископа Кесарии Палестинской о жизни блаженного Василевса Константина», а также небольшая работа об истории мучеников: «Книга о палестинских мучениках».

Евсевий Памфил Кесарийский
ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

Об авторе: Евсевий Кесарийский (Памфил) (около 260–339)

Евсевий родился в Палестине, получил образование в училищах Иерусалима и Антиохии. Изучал труды Платона, Филона Александрийского, особенно повлияло на него учение Оригена. Прозвище «Памфил», а точнее «Памфилов» (Εὐσέβιος ὁ Παμφίλου), он получил из-за дружбы с неким пресвитером Памфилом, но затем это прозвище стало восприниматься как его собственное второе имя.

Во время гонения Диоклетиана был одним из руководителей кесарийского огласительного училища, ему удалось спасти ее библиотеку и даже обогатить ее новыми рукописями. Когда начались споры о природе Христа, он скорее по личным, нежели богословским причинам выступил с поддержкой Ария.

На Первом Вселенском Соборе он выступил, предложив в качестве примирительной формулировки использование крещального Символа Веры. Эта инициатива была принята, но сам символ был дополнен термином «единосущный». Евсевий согласился с этим «ради мира церковного», но до конца своих дней склонялся к полуарианству, ходатайствуя перед императором Константином за своих единомышленников.

Несмотря на спорность его догматических воззрений, Евсевий Кесарийский по праву считается отцом церковной истории. Самый известный его труд посвящен истории христианства до 324 года, используя как церковные, так и государственные архивы. Примыкает к нему знаменитый панегирик «Жизнь Константина», а так же небольшие работы об истории мучеников.

Ему принадлежат и богословские труды: «Приуготовление к Евангелию», «Доказательство в пользу Евангелия», «Против Гиерокла», «Извлечение из пророков о Христе», «Богоявление», «Две книги против Маркелла», «Три книги о церковном богословии» и другие.

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

(1) Я поставил себе задачей описать следующие события: преемство святых апостолов; то, что произошло от времен Спасителя нашего и до наших дней; какие и сколь важные дела совершены были, по сказаниям, в Церкви: кто стоял во главе наиболее известных церковных кругов и со славой руководил ими; кто в каждом поколении – устно или письменно – защищал слово Божие; имена, нрав и время тех, кто, жаждав новизны, дошли до пределов заблуждения и, вводя лжеименное знание (гнозис), как лютые волки, беспощадно расхищали стадо Христово; (2) также то, что произошло со всем иудейским племенем сразу же после их заговора против Спасителя нашего; когда и каким образом язычники подняли войну против слова Божия, какую великую борьбу в свое время вели за него мученики, претерпевшие пытки и пролившие свою кровь; затем современные нам свидетельства и благостное милосердие Спасителя нашего ко всем нам. Я начну не иначе, как с изложения Божественного Домостроительства, основание которому положено Господом нашим Иисусом Христом.

(3) Сразу, однако, прошу я у людей благожелательных снисхождения к своей работе: я сознаюсь, что осуществить это обещание в совершенстве и полноте свыше моих сил, ибо я первый берусь сейчас за такое повествование и вступаю как бы на нехоженую и непроторенную дорогу. Молю Бога быть мне путеводителем и силу Христа содействовать мне в работе, потому что не мог я найти никаких следов от людей, шедших до меня по той же дороге, если не считать самых что ни на есть мелких рассказов, в которых всякий по-своему оставил частичное повествование о пройденном им отрезке времени: словно вдалеке высоко поднятые факелы были голоса людей; словно откуда-то сверху со сторожевой вышки нам кричат и указывают, где следует идти и как направлять ход рассказа, не блуждая и в безопасности.

(4) Все, что в их там и сям рассеянных воспоминаниях я сочту полезным для поставленной себе цели, я соберу; словно на лугу духовном, я, как цветы, подбираю у старых писателей нужные мне сведения и стараюсь представить их в историческом повествовании

как нечто цельное. Я буду рад сохранить память о преемстве если и не всех, то наиболее известных апостолов Спасителя нашего в Церквах славных и посейчас не забытых.

(5) Я считаю эту работу своей насущнейшей задачей, потому что, насколько я знаю, ни один из церковных писателей до сих пор не потрудился такое предпринять. Надеюсь, что моя работа будет очень полезна тем, кто внимательно прислушивается к поучительным урокам истории.

(6) Я уже раньше дал в своей «Хронике» краткий очерк событий, подробный рассказ о которых намерен дать сейчас.

(7) Изложение мое начнется, как я уже сказал, с Домостроительства Христова и объяснения Его природы: по глубине и силе она выше человеческого понимания.

(8) Собирающийся писать историю Церкви обязан начать с того часа, когда Христос – от Него удостоились мы получить и свое имя – положил основание своему Домостроительству, более Божественному, чем это кажется многим.

ГЛАВА 2

(1) Природа Христа двойная: одна похожа на голову тела – в ней признаём мы Бога; другую можно сравнить с ногами – Он облекся в нее ради нашего спасения и стал Человеком той же природы, что и мы. Изложение последующих событий будет безукоризненным, если мы расскажем всю историю Слова, начиная с самого высокого и главного; таким образом тем, кто считает, что христианство возникло не раньше вчерашнего дня, будут показаны его древность и Божественность.

(2) Происхождение, достоинство, сущность Христа и Его природу не в силах изъяснить никакое слово, как и говорит Дух Божий в пророчествах: «Род Его кто изъяснит?» Ибо никто не знает Отца, кроме Сына, и никто не знает Сына по достоинству Его, кроме Отца, Его родившего, – Свет премирный, предвечную Мудрость, разумную и сущностную, (3) живое и изначально у Отца пребывающее Слово Бога. Кто, кроме Отца, в чистоте поймет Его, до создания и устроения всего видимого и невидимого первое и единственное Рождение Отца, Архистратига разумного и бессмертного небесного воинства, Ангела великого Совета, Исполнителя мысли Отца, невыразимой словом, вместе с Отцом Создателя всего, второй после Отца Причины всецелого, истинного и Единородного Сына Божия, Владыку, Бога и Царя всего сотворенного, приявшего от Отца господство и силу, а также Божество, могущество и честь, ибо по таинственному богословию Писания: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть»?

(4) Так и великий Моисей, самый древний из всех пророков, описывая по внушению Духа Божия, как была создана и устроена вселенная, учит, что Творец ее и Создатель всего не кому иному, как Христу, именно Божественному перворожденному Слову Своему, поручил создание низших тварей, и представляет беседу Их о создании человека: «Сказал Господь: сотворим человека по образу и подобию Нашему».

(5) За эти слова поручительствует другой пророк, который в своих песнопениях так рассуждает о Боге: «Он сказал, – и сделалось; Он

повелел, – и явилось». Он вводит Отца и Создателя как верховного Владыку, царственным мановением повелевающего, а Слово Божие – вторым по Нем, То Самое, Которое было нам проповедано, Которое исполняет Отеческие повеления.

(6) От самого создания человека все, о ком говорят как о людях особой праведности и благочестия: великий слуга Божий Моисей и окружавшие его, а еще раньше, до него первый Авраам, его дети и те, кто потом явили себя праведниками и пророками, – созерцали Его чистыми умственными очами, узнали и чтили Его, как и следует чтить Сына Божия.

(7) Он же, ничуть не ослабевая в почитании Отца, стал для всех Учителем в познании Отца. Авраам, сидевший под дубом мамврийским, увидел, по словам Писания, Господа Бога в образе обыкновенного человека, но он сразу же простерся перед Ним, как перед Богом, хотя глазами своими видел человека.

Он умоляет Его, как Господина, сознаётся, что не знает, кто Он, говоря такие слова: «Господи, Ты судишь всю землю; не сотворишь ли суд?» (8) Если недопустимо предполагать, что нерожденная и неизменяемая Сущность Бога Вседержителя может, изменившись, принять облик человека или обмануть глаза зрителей видом созданной твари; если нельзя думать, что всё это лживые выдумки Писания, то кто другой мог бы назван быть Богом и Владыкой, судящим всю землю и творящим суд, узренным в образе человека, как не предвечно существовавшее Слово Первопричины всего? О Нем сказано в псалмах: «Послал Слово Свое и исцелил их, и избавил их от погибели».

(9) Моисей ясно отводит Ему второе место после Отца Господа, говоря: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа». Это Слово, явившееся Иакову опять в облике человека, Божественное Писание называет Богом; Он говорит Иакову: «Отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом. И назвал Иаков это место «Вид Божий», говоря: я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя».

(10) Недозволенно подозревать, что в описанных Богоявлениях речь идет о низших ангелах – слугах Божиих: когда кто-либо из них является людям, Писание этого не скрывает; оно не называет

явившихся ни Богом, ни Владыкой, но ангелами, как легко убедиться по множеству свидетельств.

(11) Это Слово преемник Моисея Иисус называет Предводителем небесных ангелов, архангелов и надмирных сил, как предвечно существовавшую Силу и Премудрость Отца, как Того, Кому доверено второе место в царствовании над всем и в управлении всем. Он называет Его Архистратигом воинства Господня, увидев Его снова в обличий и образе человека.

(12) Ибо написано: «И случилось, что Иисус, находясь близ Иерихона, взглянул и видит: и вот стоит перед ним человек, и в руке его обнаженный меч.

Иисус подошел к нему и сказал ему: наш ли ты, или из неприятелей наших?

Он сказал: Я Архистратиг воинства Господня, теперь пришел сюда. Иисус пал лицом на землю и сказал Ему: Владыка, что прикажешь рабу Твоему? И сказал Архистратиг Господень Иисусу: сними обувь твою с ног твоих, ибо место, где ты стоишь, свято».

(13) Из этих самых слов ты поймешь, что это не кто иной, как Тот, Кто вещал Моисею, ибо в Писании сказано ему теми же словами: «Когда Господь увидел, что он идет посмотреть, Господь позвал его из куста, говоря: Моисей, Моисей! Он же сказал: что это? И сказал Господь: не подходи так, сними обувь с ног твоих; место, где ты стоишь, земля святая. И сказал ему: Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова».

(14) А что есть Сущность, бывшая уже до сотворения мира, живая и сущая, помогавшая Отцу и Богу в создании всей твари, именуемая Словом Божиим и Премудростью, об этом, кроме уже приведенных доказательств, можно услышать из собственных уст Премудрости, которая через Соломона очень ясно знакомит нас со своими тайнами: «Я Премудрость, осенившая совет, меня зовут знанием и разумом.

(15) Мною царствуют цари и властители пишут справедливость, мною величаются великие, и мною повелители владеют землей». И добавляет:

«Господь поставил меня в начале путей Своих для дел Своих, предвечно утвердил меня; в начале, прежде чем создать землю, произвести источники водные, основать горы, раньше всех холмов родил Он меня. Когда Он уготовлял небо, я была при Нем; когда Он

размещал непересыхающие источники поднебесные, я трудилась с Ним. Я была, когда Он всякий день радовался; я ликовала всякий час пред лицем Его, когда Он ликовал, закончив создание вселенной».

(16) Итак, что Божественное Слово предсуществовало и являлось, если не всем, то некоторым – об этом вкратце сказано. Почему же не было Оно раньше проповедано всем людям и всем народам, как ныне? Да станет и это ясно.

Люди древних времен не в состоянии были понять премудрое и всесовершенное учение Христово.

(17) Ибо сразу же после первоначальной блаженной жизни первый человек, пренебрегший Божией заповедью, ниспал в эту смертную и тленную жизнь и получил вместо прежнего Божественного наслаждения эту проклятую землю.

Его потомки заполнили всю землю и оказались, за исключением одного-двух, еще худшими; их звероподобное существование было жизнью не в жизнь.

(18) Города, государственное устройство, искусство, науки – обо всем этом у них и мысли не было. Законы, справедливость, добродетель, философия не были им известны даже по имени. Они кочевали по пустыням, как дикие свирепые звери. Прирожденный разум, семена разумного и кроткого в человеческой душе они губили в преизбытке добровольно выбранной порочности, целиком отдавались всяческим гнусностям, то развращая, то убивая друг друга, иногда ели человеческое мясо, осмелились на борьбу с Богом – всем известна борьба гигантов, – замышляли отгородиться от неба стенами и в диком безумии собирались идти войной на Всевышнего.

(19) На них, ведущих себя таким образом, Господь, надзирающий за всем, насылал потоки воды и огня, словно на дикий лес, разросшийся по всей земле; Он искоренял их непрерывным голодом, чумой, войнами, ударами молний, словно приостанавливал этими тяжкими наказаниями страшную, тягостнейшую душевную болезнь.

(20) И когда почти все пребывали, словно в глубоком опьянении, в этом широко разлившемся оцепенении порока и души почти всех людей охватил глубокий мрак, тогда Премудрость Божия, перворожденная и первозданная, предвечное Слово в преизбытке любви к людям стало являться тем, кто в поднебесной, под видом ангелов, а одному-двум друзьям Божиим непосредственно, как это

было возможно для спасительной силы Божией, но не иначе, как в образе человеческом; явиться в другом виде было нельзя.

(21) Когда же в души большинства людей ими брошены были семена благочестия и на земле весь народ, происходивший от древних евреев, обратился к вере, то им, как людям, которые в большинстве своем привыкли вести себя по-прежнему, Бог дал через пророка Моисея образы и символы некоей таинствен ной субботы, посвящение через обрезание и умное созерцание, но без раскрытия смысла этих тайн.

(22) Когда же Закон, данный евреям, стал известен и, как некое благоуханное веяние, распространился среди всех людей, когда у большинства народов через своих законодателей и философов образ мыслей смягчился, нравы вместо диких и свирепых стали кроткими, дружба и взаимное общение породили глубокий мир, когда все люди и народы во вселенной оказались как бы приготовленными и способными познать Отца, тогда вновь Тот же Учитель добродетели – Помощник Отца во всем благим, Божественное и Небесное Слово Божие – явился в начале Римской империи как Человек, ничем не отличающийся по телесному существу от нашей природы, свершил и претерпел все согласно пророчествам, возвещавшим, что придет на землю Богочеловек, совершит дивные дела, научит все народы вере в Отца, говорили они о Его чудесном рождении, Его новом учении, Его дивных делах, об образе Его смерти, воскресении из мертвых и, наконец, о Его Божественном возвращении на небо (23) Пророк Даниил, исполненный Духа Божия, видел Царство Его в конце веков и так описывает свое видение Бога применительно к человеческому пониманию «Я видел, что поставлены были престолы и воссел Ветхий днями Одежда Его была как снег и волосы на голове как чистое овечье руно Престол Его – пламя огня, огненная река проходила пред Ним Тысячи тысяч служили Ему, и тьмы тем предстояли пред Ним. Он воссел судить, и раскрылись книги».

И дальше: «Я глядел, и вот, на облаках небесных шел как бы Сын человеческий; Он дошел до Ветхого днями и приведен был пред лице Ветхого днями. И даны были Ему власть, слава и царство, и все народы, племена и языки служили Ему, как рабы. Власть Его – власть вечная, которая не прейдет, и царство Его не погибнет».

(24) Ясно, что все это относится не к кому иному, а только к Спасителю нашему, Слову Божию, Которое было в начале у Бога; Сыном Человеческим Он называется уже потом, после вочеловечения.

(25) Но так как избранные пророчества о Спасителе нашем Иисусе Христе я собрал в особых записях и свидетельства о Нем убедительно изложил в других книгах, то на данное время сказанного достаточно.

ГЛАВА 3

(1) Сейчас как раз время показать, что имя Иисуса и Христа чтили древние пророки, боголюбивые мужи.

(2) Моисей первый понял, как величественно и славно имя Христа; давая образы, символы и таинственные изображения небесных явлений, согласно речению Господню: «Смотри, всё сделай по образцу, показанному тебе на горе», он, чтобы почтить первосвященника наивысшим доступным человеку образом, называет его Христом. Первосвященнический сан, по мысли Моисея, превышает достоинством своим любое человеческое звание, и, однако, имя Христа придает ему больше чести и славы. Значит, Моисей понимал, что слово «Христос» означает нечто Божественное.

(3) Он же, по внушению Духа Божия, провидя имя Иисуса, счел его достойным особого отличия. Пока Моисей не узнал его, оно не прозвучало среди людей, и Моисей дал его впервые единственному человеку, в котором по некоторому образу и символу узнал своего преемника, ибо после его кончины принял он власть над всем народом.

(4) Преемник Моисея, получивший имя Иисуса, раньше назывался по имени, данному родителями, – Осией. Моисей, назвав его Иисусом, одарил его этим именем как неким почетным даром, более драгоценным, чем царская корона, ибо Иисус, сын Наве, был образом Спасителя нашего и единственный после Моисея, завершив преподанное ему символическое служение, исповедуя веру истинную и самую чистую, получил в наследство кисть.

(5) И Моисей двум людям, выделявшимся среди всего народа добродетелью и славой: первосвященнику и тому, кто после него будет вождем народа, – дал, чтобы почтить их величайшей почестью, имя Спасителя нашего Иисуса Христа.

(6) Ясно, что последующие пророки называли Христа по имени, свидетельствуя в то же время о будущем заговоре иудейского народа и о призвании язычников. Иеремия так говорит об этом: «Дыхание жизни нашей, Христос Господь пойман в ямы их; о Нем же мы говорили: в тени Его будем жить среди народов». И Давид, недоумевая по поводу этих слов, говорит:

«Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное? Восстают цари земные, и правители собрались вместе против Господа и Христа Его». И тут же прибавляет от лица Самого Христа: «Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя. Проси у Меня, и Я дам Тебе народы в наследие Твое и пределы земли во владение Твое».

(7) Не только тех, кого почтили первосвященническим саном и символа ради помазали уготовленным маслом, украсило у евреев имя Христа, но также и царей, которых по указанию Божию пророки помазывали как некие изображения Христа; ибо сами они были прообразом царственной власти единого истинного Христа, Слова Божия, над всем царствующего.

(8) Мы знаем, что некоторые пророки через помазание сами стали прообразами Христа; ибо все они имели отношение к истинному Христу, Божественному, Небесному Слову, единому Первосвященнику мира, единому Царю всей твари, из пророков Отца единому верховному Пророку.

(9) Доказательство тому: никто из тех, кто был древле помазан символически: ни из священников, ни из царей, ни даже из пророков – не обладал такой силой Божественной добродетели, какую явил Спаситель и Господь наш Иисус, единый, истинный Христос.

(10) Никто из них, известных своим достоинством и честью многим поколениям их соотечественников, не дал своим подчиненным от своего преобразовательного имени Христа прозвания христиан. Никому из них подчиненные не воздавали Божеских почестей; никто после их смерти не был расположен охотно умереть за чтимого; никто не вызвал такого потрясения среди всех народов на земле, ибо в их преобразовательной силе не имелось той действенной силы, которая была в истине, явленной Христом.

(11) Он ниоткого не получил символов и знаков Своего первосвященнического сана; Он не вел Своего происхождения по плоти от священнического рода; людское оружие не возвело Его на царский престол, и Он даже не походил на древних пророков. Он не получил от иудеев ни почетной должности, ни первого места, но был украшен от Отца всеми почестями, и не символически, а в действительности.

(12) Не имея ничего из перечисленного нами, Он имеет больше права на имя Христа, чем все остальные; Он единственный, истинный

Христос Божий.

Благодаря Ему мир полон христиан, носящих Его воистину величественное и святое имя. Он передал им не образы и подобия, а добродетель в ее чистом виде и небесную жизнь и сообщил Своим ученикам истинные догматы.

(13) Он был помазан не елеем, приготовленным человеческими руками, но, как и приличествует Божеству, Духом Божиим, причастным к нерожденному Божеству Отца. Об этом учит Исаия, возглашая как бы от лица Христа: «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня; Он послал Меня благовествовать нищим, возвещать пленным освобождение и слепым прозрение».

(14) И не только Исаия, но и Давид говорит, обращаясь ко Христу: «Престол Твой, Боже, во веки веков. Жезл правоты – жезл царства Твоего. Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие; поэтому помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих». Здесь, в первом стихе, слово называет Его Богом, во втором – чествует царским скипетром и (15) дальше, упомянув о Его Божественной и царственной власти, в третьем стихе называет Христом, помазанным не вещественным елеем, но Божественным елеем радости; этим указано на Его избранничество, более значительное и отличающее Его от тех, кто в древности был помазан вещественно и преобразовательно.

(16) И в другом месте тот же Давид объясняет, кто Он, и говорит «Сказал Господь Господу моему, седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» И еще «Из чрева прежде денницы родил Я Тебя Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (17) Этот Мелхиседек введен в Священное Писание как священник Бога Всевышнего; он не был помазан каким-либо умащением, изготовленным руками человеческими, и не получил у евреев священства, унаследовав его по родовому преемству. Потому-то Спаситель наш клятвенно именуется Христом и священником по чину Своему, а не по чину других, получавших символы и образы.

(18) История передает, что Он не был телесно помазан у евреев и не происходил из священнического поколения, но что Он получил Свою сущность от Самого Бога «прежде денницы», т. е. прежде сотворения мира, и что Ему во веки веков принадлежит священство бессмертное и нестареющее.

(19) Великое и явственное доказательство Его не вещественного, но Божественного помазания то, что из всех, прежде живших и ныне живущих, людей во всем мире только Его называют Христом, исповедуют и проповедуют как такового, что под этим именем Его помнят эллины и варвары и что доныне по всей вселенной ученики Его чтут Его как Царя, благоговеют больше, чем перед пророком, прославляют как истинного, единственного Первосвященника Божия и, больше того, как Слово Божие, существовавшее предвечно и приявшее от Отца величайшую честь; поклоняются Ему как Богу.

(20) И что самое удивительное: мы, верующие в Него, чтим Его не только устами и звуком слов, а всем нашим душевным складом; мы предпочитаем исповедание Его самой нашей жизни.

ГЛАВА 4

(1) Я счел необходимым прежде, чем начать свой рассказ, сообщить об этом, чтобы никто не подумал, имея в виду время Его жизни во плоти, что Господь и Спаситель наш Иисус Христос есть Лицо совсем недавнее. А чтобы учение Его не показалось новым и странным, созданным человеком новым, ничем не отличающимся от других людей, вкратце разберемся в этом.

(2) Пришествие Спасителя нашего Иисуса Христа осияло недавно всех людей. И вот появился, по неизреченному предопределению времени, воистину новый народ, не малый, не слабый и осевший не в каком-то уголке земли, но из всех народов самый многочисленный и благочестивый, неистребимый и непобедимый, ибо Бог всегда подает ему помощь. Народ этот у всех почтен именем, происходящим от имени Христа.

(3) Один из пророков, пораженный при виде Его и провидевший будущее оком Духа Божия, восклицает «Кто слышал такое, кто говорил так? Земля один день была в родовых муках, и сразу родился народ». Он же намекает и на будущее его имя «Слуги Мои будут называться новым именем, которое благословится по всей земле».

(4) Хотя, очевидно, мы народ новый и имя христиан действительно недавнее, только что узнанное всеми народами, но жизнь наша и весь наш образ поведения, согласный с догматами благочестия, не недавно придуманы нами, но были соблюдаемы с самого возникновения человечества; древние боголюбивые люди по естественному побуждению жили именно так, что я и докажу следующим образом.

(5) Есть народ не новый, почитаемый всеми за свою древность и всем известный, – это евреи Их рассказы и книги сообщают о мужах, правда, редких и малочисленных, но отличающихся благочестием, справедливостью и всеми прочими добродетелями; одни из них жили до потопа, другие после, например дети и потомки Ноя, а также Авраам, которого сыны еврейские провозглашают своим вождем и прародителем.

(6) Тот, кто назвал бы всех этих людей праведности, засвидетельствованной от самого Авраама и до первого человека, христианами, если не по имени, то по делам их, не погрешил бы против истины.

(7) Это имя обозначает следующее: христианин, познав Христа и Его учение, отличается благоразумием, справедливостью, терпением в жизни, добродетелью, мужеством в благочестии и исповедании единого Бога Вседержителя. Во всем этом они упражнялись не меньше нас.

(8) Они, как и мы, не придавали значения обрезанию; как и мы – соблюдению субботы, также и воздержанию от такой-то и такой-то пищи и прочим запретам. Это впоследствии предписал соблюдать, как некие символы, Моисей. Для христиан все это не имеет значения. Христа Божия они, несомненно, знали: Его видел Авраам. Он давал предсказания Исааку, говорил с Израилем, беседовал с Моисеем и последующими пророками.

(9) Ты поймешь, почему эти друзья Божий были, по слову, о них сказанному, удостоены имени Христа: «Не прикасайтесь к помазанным (Христам) Моим, и не вредите пророкам Моим».

(10) Ясно, что самой древней, самой старой следует считать ту веру, которую обрели Авраам и жившие с ним друзья Божий и которая недавно проповедана всем народам в учении Христовом.

(11) И если, говорят, значительно позже Авраам получил повеление совершать обрезание, то уже до этого засвидетельствована была праведность его через веру, ибо так говорит о нем слово Божие: «Поверил Авраам Богу, и вера эта вменилась ему в праведность».

(12) И этому человеку еще до обрезания явился Бог (это был Христос, Слово Божие) и в таких словах возвестил, что и в будущем таким же образом оправдаются люди: «Благословятся в тебе все племена земные»; и еще: «Будет народ многочисленный и великий, и благословятся в нем все племена земные».

Понятно, что это исполнилось на нас.

(13) Верой в явившегося ему Христа, Слово Божие, оправдался Авраам; он отрекся от суеверия предков и заблуждения прежней жизни, исповедал единого Всевышнего Бога и служил Ему добрыми делами, а не соблюдением Закона, данного уже потом Моисеем.

Такому вот человеку сказано, что в нем благословятся все племена земные и все народы.

(14) Авраамову веру, подтверждаемую делами – а они значительнее слов, – в настоящее время соблюдают по всей вселенной только христиане.

(15) Что же помешало бы нам признать, что и жизнь и вера у нас, живущих после Христа, и у древних друзей Божиих одинакова – не новая и чуждая, а если говорить правду, то, как мы и показали, первая, единственная и правильная вера, переданная нам в учении Христа? Сказанного достаточно.

ГЛАВА 5

(1) И теперь, после этого введения, необходимого для истории Церкви, которую мы собираемся написать, начнем, словно некое странствие, с явления воплотившегося Спасителя нашего. Призовем Бога Отца и Самого Иисуса Христа, Спасителя и Владыку нашего, Небесное Слово Отца, да поможет нам и содействует в изложении истины.

(2) Шел сорок второй год царствования Августа и двадцать восьмой с покорения Египта и смерти Антония и Клеопатры, на которой окончилась египетская династия Птоломеев, когда, согласно пророчествам о Нем, в Вифлееме Иудейском, во время первой переписи в правление Квириния Сирией, родился Спаситель и Владыка наш Иисус Христос.

(3) Об этой переписи при Квиринии упоминает и Иосиф Флавий, знаменитейший из еврейских историков. Тут же рассказывает он о случившемся в это же время восстании в Галилее, о котором в «Деяниях» вспоминает и Лука: «После него в дни переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собой народ, но он погиб, и все доверившиеся ему рассеялись».

(4) В 18-й книге «Древностей» упомянутый писатель в согласии с этим говорит слово в слово так: «Квириний, один из сенаторов, прошедший через все магистратуры и наконец ставший консулом, человек весьма уважаемый, прибыл в Сирию с немногими людьми: кесарь отправил его в качестве судьи для народа и цензора, оценивающего имущество».

(5) Несколько ниже он говорит: «Иуда Гавлонит из города Гамалы вместе с фарисеем Саддоком склонили народ к восстанию, говоря, что оценка имущества не что иное, как прямая дорога к рабству, и призывая народ защищать свободу».

(6) Во 2-ой книге «Истории Иудейской войны» он так пишет о том же:

«Тогда галилеянин, именем Иуда, стал склонять к восстанию своих земляков, укоряя их за то, что они согласны платить дань римлянам и, кроме Бога, признают как господ смертных людей».

Так говорит Иосиф.

ГЛАВА 6

(1) Тогда над народом иудейским получил впервые царскую власть чужеземец – исполнилось написанное Моисеем пророчество: «Не исчезнет правитель из рода Иуды и вождь от чресл его, пока не придет Тот, Кого ожидают народы».

(2) Пророчество это и оставалось неисполненным, пока евреям разрешено было жить под управлением своих же единоплеменников, начиная от самого Моисея и вплоть до царствования Августа, когда впервые власть над иудеями вручена была римлянами чужестранцу – Ироду. А вот что сообщает о нем Иосиф: он был идумеянин по отцу и араб по матери; но Африкан (не кто-нибудь, а хороший историк) говорит, что, по словам тех, кто тщательно занимался его родословной, Антипатр (отец Ирода) был сыном какого-то Ирода из Аскалона, одного из иеродулов в храме Аполлона.

(3) Этот Антипатр еще ребенком был захвачен идумейскими разбойниками, оставался с ними (отец его, человек бедный, не мог его выкупить) и был воспитан в их понятиях. Потом он полюбился Гиркану, первосвященнику иудеев, и от этого Антипатра во времена Спасителя нашего и родился Ирод.

(4) Вот к такому человеку и перешла царская власть над иудеями, когда, согласно пророчеству, чаяние народов было уже при дверях, ибо у них уже не стало своих правителей и вождей, преемственно сменявших друг друга от самого Моисея.

(5) До плена и переселения в Вавилон ими управляли цари, начиная с первого Саула, а затем Давида. До царей ими правили так называемые судьи; они появились после Моисея и его преемника Иисуса.

(6) После возвращения из Вавилона правление у них оставалось аристократически-олигархическим (всем управляли первосвященники), пока Помпей, римский военачальник не осадил Иерусалим и не взял его силой; он осквернил святое место, войдя в Святая святых храма. Аристовула, бывшего в то время по преемству от предков царем и первосвященником, он в оковах отправил вместе с

детьми его в Рим и передал первосвященнический сан брату его, Гиркану, и весь иудейский народ сделал данником Рима.

(7) Гиркан, на котором закончилась преемственная передача первосвященнического сана, был взят в плен парфянами, и народ иудейский был, волей римского сената и императора Августа, впервые, как я и говорил, отдан в руки чужеземца Ирода.

(8) При нем пришествие Христа стало очевидным; согласно пророчествам, ему сопутствовали спасение и призвание, которых ожидали народы. С того времени правителей и вождей, происходящих от Иуды – я разумею происходящих из иудейского народа, – не стало, и сразу же всё смешалось в передаче первосвященнического сана, который по праву переходил от имевшего этот сан к ближайшему его родственнику и преемнику.

(9) Достоверным свидетелем этого будет для тебя Иосиф, который говорит, что Ирод, получив от римлян царскую власть, никогда не ставил первосвященников из древнего рода и отдавал этот почетный сан людям, совершенно неизвестным. Так же, как Ирод, ставил священников его сын Архелай, а после него – римляне, покорившие иудеев.

(10) Он же рассказывает, что Ирод первый держал священную первосвященническую одежду под ключом и своей печатью и не позволял первосвященникам иметь ее при себе. Так же поступал после него Архелай, а после Архелая – римляне.

(11) Да послужат эти слова в подтверждение другого пророчества о явлении Спасителя нашего Иисуса Христа. В книге Даниила после определения точного числа седмин до явления Христа – Вождя (об этом мы рассуждали в другом сочинении) следует предсказание, что по прошествии их помазания у евреев не будет. Это явно исполнилось со времени рождения Спасителя нашего Иисуса Христа. Необходимо было это отметить, чтобы установить точность дат.

ГЛАВА 7

(1) Так как евангелисты Матфей и Лука передают родословную Христа по-разному, то немало верующих считает, что они противоречат одна другой, и каждый, не зная истины, изо всех сил старается придумать объяснение этих мест. Приведем сообщение о них, дошедшее до нас в письме к Аристиду, где недавно упомянутый нами Африкан пишет о согласовании евангельских родословных. Опровергнув мнения остальных, как надуманные и ошибочные, он передает в таких словах слышанную им историю.

(2) «Имена поколений в Израиле исчисляли или по природе, или по закону:

по природе, когда имелось преемство законных сыновей; по закону, когда по смерти бездетного брата его брат своему чаду давал имя умершего. Тогда не было еще ясной надежды на воскресение и будущее обетование считали заодно со смертным воскресением: имя умершего должно было сохраниться навеки.

(3) Поэтому из лиц, упоминаемых в этом родословии, некоторые были законными наследниками своих отцов по природе, другие же рождены были одними отцами, а по имени принадлежали иным. Упоминали же тех и других:

и действительных отцов, и тех, кто были как бы отцами.

(4) Таким образом, ни то, ни другое Евангелие не ошибается, исчисляя имена по природе и по закону. Потомки Соломона и Нафана до того переплелись между собой вследствие «воскрешения» бездетных, вторых браков и «восстановления семени», что одни и те же лица справедливо могли считаться детьми, и мнимых, и действительных их отцов. Оба повествование совершенно правильны и доходят до Иосифа путем извилистым, но верным.

(5) Чтобы сказанное было яснее, я изложу, как произошла эта путаница.

Считая от Давида через Соломона, на третьем от конца месте стоит Матфан, который родил Иакова, отца Иосифа. Согласно Луке, после Нафана, сына Давидова, третьим от конца был Мелхий, сын которого Илий был отцом Иосиф.).

(6) Так как мы поставили себе целью родословие Иосифа, то надлежит показать, почему отцом его называют двух человек: Иакова, потомка Соломона, и Илия, потомка Нафана; каким образом они, Иаков и Илий, были братьями и как отцы их, Матфан и Мелхий, происходя от разных родов, являются дедами Иосифа.

(7) Матфан и Мелхий женились один после другого на одной и той же женщине и родили единоутробных братьев, ибо закон не запрещал женщине незамужней, будь то разведенная или оставшаяся вдовой, выходить замуж за другого.

(8) От Есфы (так, по преданию, называлась эта женщина) сперва Матфан, происходивший из рода Соломона, родил Иакова; когда же Матфан умер, то Мелхий, принадлежавший к роду Нафана, женился на его вдове (он происходил, как я сказал, из того же колена, но из другого рода), от нее имел он сына Илия.

(9) Таким образом мы найдем, что Иаков и Илий, хотя и принадлежали к разным родам, но были единоутробными братьями. Илий умер бездетным, Иаков женился на его вдове и родил от нее Иосифа (это уже третье поколение), который был его сыном по природе (и по Писанию: «Иаков же родил Иосифа»), а по закону – сыном Илия, ибо Иаков, его брат, «восстановил семя ему».

(10) Поэтому нельзя отвергать родословную, его касающуюся. Евангелист Матфей отсчитывает: «Иаков родил Иосифа», а Лука считал по восходящей линии: «Он был, как думала (он еще добавляет), сын Иосифов, Илиев, Мелхиев». Нельзя было обозначить яснее рождение по закону, и Лука, говоря о подобных рождениях, до конца избегает слова «родил», а доходит он в своем перечислении до Адама и Бога.

(11) Всё это не бездоказательно и не произвольно выдумано. Родственники Спасителя по плоти сообщили нам, то ли для прославления себя, то ли поучения ради, но во всяком случае правдивую историю: когда идумейские разбойники вошли в Аскалон, город в Палестине, они вместе с прочей добычей увели из храма Аполлона, построенного близ городских стен, Антипатра, сына некоего иеродула Ирода, и так как жрец не мог дать выкуп за сына, то Антипатр и был воспитан в идумейских нравах. Позднее он полюбился Гиркану, первосвященнику Иудеи.

(12) Отправленный послом в Помпею по делам Гиркана, он испросил для него царскую власть, захваченную его братом Аристовулом. Антипатр и сам был удачлив: его назначили епимелетом Палестины. После его смерти – его коварно убили из зависти к его счастливой участи – должность эту унаследовал его сын Ирод, которого позже, по декрету сената, Антоний и Август поставили царем над иудеями. Сыновья его – Ирод и прочие – были тетрархами. Это события, о которых сообщено и в истории греков.

(13) До сих пор в архивах хранились родословные и еврейские, и древних прозелитов, например Ахиора Аммонитянина и Руфи Моавитянки, а также выходцев из Египта, породнившихся с евреями. Ирод, у которого не было ничего общего с народом израильским, в досаде на свое низкое происхождение, велел сжечь списки родов, думая, что он покажется знатным, если никто не сможет по народной записи возвести свой род или к патриархам, или к прозелитам, или к так называемым гиорам – чужестранцам, породнившимся с евреями.

(14) Только немногие, хранившие память о своем роде, сберегли свои частные родословные, или запомнив имена предков, или имея их списки. Они гордились тем, что сохранили память о своем благородстве. В их числе были и вышеупомянутые деспосины – их называют так по причине их родства с семьей Спасителя. Уроженцы иудейских селений – Назарета и Кохабы, они разбрелись по остальному краю и составили упомянутую родословную на основании «Книги Дней», как могли.

(15) Так это или нет, но лучшее объяснение, по-моему, да и по мнению всякого благоразумного человека, вряд ли найдется. Его мы и будем держаться, хотя оно и не подтверждено свидетельствами, ибо нет лучшего или более верного, Евангелие же по крайней мере истинно во всем».

(16) В конце того же письма Африкан добавляет: «Матфан, потомок Соломона, родил Иакова. По смерти Матфана Мелхий, потомок Нафана, родил от той же женщины Илия; значит, Илий и Иаков были единоутробными братьями. Илий умер бездетным; Иаков восстановил семя его и родил Иосифа, который был его сыном по природе и сыном Илия по закону. Таким образом, Иосиф был сыном того и другого».

(17) Так говорит Африкан. Если же такова родословная Иосифа, то и Мария должна была происходить из одного с ним колена, ибо, по закону Моисееву, не дозволялось вступать в брак лицам разных колен. Предписывалось брать жену из того же города и из того же родства, чтобы наследство не переходило от одного колена к другому.

На этом закончим.

ГЛАВА 8

(1) Когда Христос родился, согласно пророчествам, в Вифлееме Иудейском в указанное нами время, Ирод – вследствие расспросов пришедших с востока волхвов: «Где находится новорожденный Царь Иудейский? Мы видели звезду Его, по этой причине отправились в такое путешествие и возымели сильное желание поклониться Рожденному, как Богу» – весьма встревожился этим событием; считая, что его власти грозит опасность, он расспросил у законоучителей народа, где ожидают рождения Христа. Узнав, что по пророчеству Михея в Вифлееме, он издал указ, повелевавший перебить в Вифлееме и окрестностях грудных младенцев и детей, начиная от двух лет и младше, в соответствии со временем, которое точно указали волхвы. Он считал вполне естественным, что Иисус разделит горькую участь своих сверстников.

(2) Но Дитя предупредило его замысел: родители Его заранее узнали о том, что будет, и увезли Его в Египет. Так учит нас святое Евангелие.

(3) Стоит узнать, какое наказание постигло Ирода за его преступление перед Христом и Его сверстниками. Сразу же, без малейшего промедления, суд Божий еще при жизни постиг его, как бы заранее показывая, что он получит, расставшись с жизнью.

(4) Государство как будто благоденствовало, но дом свой он омрачил непрерывными несчастьями: убийством жены, детей, родственников, наиболее близких по крови и самых дорогих. Невозможно сейчас описать эти события, но рассказ о них затмил бы любую трагедию. Подробно рассказывает о них Иосиф в своей «Истории», где речь заходит об Ироде.

(5) Сразу же после покушения на Спасителя нашего и на других младенцев настиг его бич Божий и гнал до самого конца. Стоит послушать самого этого писателя. В 17-й книге «Иудейских древностей» он в таких словах описывает конец его.

(6) «Болезнь Ирода усиливалась: Бог взыскивал за его беззакония. То был слабый огонек, тлевший в нем; при ощупывании большого воспаления нельзя было обнаружить, а оно как раз и усиливало его

внутреннюю болезнь. У него было страшное желание что-нибудь съесть, и ничем нельзя было ему помочь; язвы во внутренностях, особенно в прямой кишке, и воспаление ног, полных прозрачной жидкости, жестокие боли.

(7) В паху такое же состояние; мужской член гнил, и в нем завелись черви.

Дышать он мог только выпрямившись, и от его частого и тяжелого дыхания шло тяжелое зловоние. Все его члены стягивали невыносимо сильные судороги.

(8) Люди, вдохновенные Богом, которым дано все мудро провидеть, говорили, что Бог взыскивает с царя за множество его нечестивых дел».

Вот что рассказывает упомянутый нами писатель в названном сочинении.

(9) А во 2-й книге «Истории» он сообщает сходные сведения и пишет так:

«Всё его тело охватила болезнь, расторгавшая его многоразличными страданиями. У него была скрытая лихорадка, невыносимый зуд по всей коже; постоянные боли в прямой кишке; опухоль ног, как у больного водянкой; воспаление в паху; гниющий член, в котором завелись черви. Кроме того, тяжелое астматическое дыхание и судороги во всех членах; люди вдохновенные называли эти болезни казнью.

(10) Он же боролся с этими мучениями, держался за жизнь, надеялся на выздоровление и искал способы лечения. Переправившись через Иордан, он пользовался теплыми водами Каллирое, которые текут в Асфальтовое озеро; сами по себе они пресные и пригодны для питья.

(11) Врачи решили разогреть его тело, погрузив в ванну, полную теплого оливкового масла, но с ним случился обморок, и глаза у него закатились.

Слуги подняли крик; от их крика он пришел в себя. Отчаявшись в выздоровлении, он велел раздать простым воинам по пятьдесят драхм и большие суммы начальникам и друзьям.

(12) Он вернулся в Иерихон в настроении мрачном. Готовый угрожать едва ли не самой смерти, теперь он замыслил дело еще более преступное. Собрав знатных людей из каждого селения по всей Иудее,

он велел запереть их в так называемом ипподроме (13) и, призвав свою сестру Саломею и ее мужа Александра, сказал им: «Я знаю, что иудеи будут праздновать мою смерть, но в моих силах заставить других оплакивать меня и блистательно справить мои похороны, если только пожелаете исполнить мои распоряжения: всех этих находящихся под стражей людей велите, как только я испущу дух, окружить воинами и перебить: пусть вся Иудея и каждый дом оплакивает меня, хотя бы и против воли».

(14) Несколько ниже Иосиф говорит: «Снова мучимый желанием есть и припадками кашля, он решил предупредить судьбу. Взяв яблоко, он попросил нож, ибо любил есть, разрезая пищу на куски. Затем, оглянувшись, не помешает ли кто, поднял правую руку, чтобы поразить себя».

(15) Этот же писатель рассказывает, что перед самой смертью он приказал убить своего сына (это был уже третий, после двух, умерщвленных еще раньше) и тут же скончался среди тяжких страданий.

(16) Таков был конец Ирода, понесшего справедливое наказание за избиение в окрестностях Вифлеема и за злой умысел против Спасителя нашего.

После смерти Ирода ангел явился во сне Иосифу, жившему в Египте, и велел ему встать и вместе с Младенцем и Его Матерью вернуться в Иудею, ибо умерли искавшие погубить Дитя. К этому евангелист добавляет: «Услышав же, что Архелай царствует вместо Ирода, отца своего, Иосиф убоялся идти туда; но получив ответ во сне, пошел в пределы Галилейские».

ГЛАВА 9

(1) Согласно с Евангелием и упомянутый историк говорит о воцарении Архелая после Ирода и рассказывает, как тот по завещанию его отца, Ирода, и по решению кесаря Августа получил по наследству царскую власть над иудеями, как он через десять лет лишился власти, а братья его, Филипп и Ирод Младший, вместе с Лисанием получили свои тетрархии.

(2) Тот же Иосиф в 18-й книге своих «Древностей» рассказывает, что на двенадцатом году царствования Тиверия (он наследовал власть после Августа, правившего 57 лет) управление Иудеей было поручено Понтию Пилату.

Управлял он ею целых десять лет, почти до смерти Тиверия.

(3) Этим явно изобличается подложность «Записок», составленных совсем недавно против Спасителя нашего; уже время, обозначенное в заглавии, изобличает лживость этой выдумки. Они относят спасительные страдания Спасителя, которым преступно подвергли Его иудеи, к четвертому консульству Тиверия, приходящемуся на седьмой год его царствования, но если верить Иосифу, то Пилат в то время еще не управлял Иудеей. Иосиф в названном сочинении прямо указывает, что Тиверий назначил Пилата прокуратором Иудеи в двенадцатый год своего царствования.

ГЛАВА 10

(1) Тогда-то, по евангелисту, в пятнадцатый год царствования кесаря Тиверия и в четвертый управления Пилатом Иудеей, когда тетрархами остальной Иудеи были Ирод, Лисаний и Филипп, Спаситель и Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, на тридцатом году Своей жизни пришел креститься к Иоанну и положил начало благовестию.

(2) По словам Священного Писания, время Его учительства укладывается в годы, когда первосвященниками были Анна и Каиафа. Оно началось в первосвященство Анны и продолжалось до первосвященства Каиафы, – это промежуток меньше четырех лет.

(3) С этого времени нарушены были постановления закона, касавшиеся служения Богу, которое было пожизненным и переходило преемственно от отца к сыну. Римские власти ставили первосвященниками то одного, то другого, и никто в этой должности больше года не оставался.

(4) Иосиф рассказывает, что после Анны и до Каиафы сменилось четыре первосвященника. В той же книге «Древностей» он пишет так: «Валерий Грат сместил Анана и объявил первосвященником Измаила, сына Фаби, но спустя короткое время убрал и его и объявил первосвященником Елеазара, сына первосвященника Анана.

(5) По прошествии года сместил и его и передал сан первосвященника Симону, сыну Камифа. И он удержал свое звание не больше года; преемником его стал Иосиф, прозванный Каиафой».

(6) Итак, время учительства Спасителя нашего продолжалось неполных четыре года, и в течение этих четырех лет четыре первосвященника – от Анны до Каиафы – несли свое служение. Что Каиафа был действительно первосвященником в год спасительных Страданий, об этом свидетельствует Евангелие. Оно и вышеприведенные замечания, с ним согласные, указывают время учительства Христова.

(7) Спаситель и Владыка наш вскоре после начала Своей проповеди призвал двенадцать апостолов; только их, среди прочих Своих учеников, особо почтил Он именем апостолов. Затем избрал Он

еще семьдесят, которых послал по двое пред лицем Своим во всякое место и город, куда хотел идти Сам.

ГЛАВА 11

(1) Святое Евангелие сообщает, что вскоре Ирод Младший обезглавил Иоанна Крестителя. Иосиф пишет о том же, называя по имени Иродиаду; на ней, жене брата, женился Ирод, разведясь со своей первой, законной женой (она была дочерью Ареты, царя Петреи). Ирод отобрал Иродиаду от живого мужа.

(2) Она виновата в смерти Иоанна и в войне с Аретой, считавшим, что его дочь оскорблена. На этой войне, в одном из сражений, говорят, погибло все войско Ирода: это было ему наказанием за гибель Иоанна.

(3) Тот же Иосиф признает, что Иоанн был человеком праведнейшим и крестил людей; свидетельство его согласуется с тем, что написано в Евангелиях. Рассказывает он, что Ирод по вине той же Иродиады лишился царства, вместе с ней отправлен в далекую ссылку и осужден жить в галльском городе Виенне.

(4) Об этом написано в 18-й книге «Древностей», где об Иоанне сказано дословно так: «Некоторые из иудеев думают, что погубил Бог войска Ирода по всей справедливости, наказывая его за смерть Иоанна, называемого Крестителем.

(5) Ирод убил его – человека достойного, убеждавшего иудеев упражняться в добродетели, быть справедливыми друг к другу и благочестивыми пред Богом и тогда уже приходить креститься. Он считал, что креститься стоит не для того, чтобы вымолить отпущение грехов, а ради чистоты телесной, когда душа еще раньше очищена праведностью.

(6) Вокруг него собирались люди, воодушевленные его словами. Ирод же, боясь, как бы он, обладая такой силой убеждения, не поднял мятежа (казалось, что по его совету люди сделают все), решил, что гораздо лучше предупредить события и убить Иоанна, не дожидаясь мятежа, а не каяться потом, если случится переворот. Заподозренный Иродом, он в оковах был отправлен в Махерунт – об этой тюрьме мы говорили раньше – и там убит».

(7) Рассказав об Иоанне, Иосиф в том же сочинении так говорит о Спасителе нашем: «В это же время жил Иисус, человек мудрый, если следует называть Его человеком. Он творил дела удивительные и учил

людей, с удовольствием принимавших истину. Он привлек к Себе многих иудеев и многих эллинов.

(8) Это был Христос. По доносу первых у нас людей Пилат осудил Его на распятие, но те, кто с самого начала полюбили Его, остались Ему верны; на третий день Он явился им живой: пророки Божий предрекли это и множество других Его чудес. И доныне не исчез род христиан, называющих себя так по Его имени».

(9) Вот что рассказывает нам писатель из самих же евреев в своем сочинении об Иоанне Крестителе и о Спасителе нашем. Куда же укрыться сочинителям «Записок» от обличении в бесстыдстве?

Довольно об этом.

ГЛАВА 12

(1) Имена апостолов Спасителя известны из Евангелий каждому; списка же семидесяти учеников никакого нигде нет. Одним из них был, говорят, Варнава, которого особо упоминают и Деяния, а также Павел в Послании к Галатам.

Был, говорят, из них и Сосфен, вместе с Павлом писавший коринфянам.

Климент в 5-й книге своих «Очерков» (Hypotyposes) рассказывает, что Кифа, о котором Павел говорит: «Когда (Кифа) пришел в Антиохию, я прямо воспротивился ему», был тезкой апостолу Петру и одним из семидесяти.

(3) По преданию, и Матфий, причисленный к апостолам вместо Иуды, и тот, кто вместе с ним почтен был жребием, удостоились призвания в число семидесяти. Говорят, одним из них был и Фаддей; его историю, до нас дошедшую, я вскоре сообщу.

(4) Поразмыслив, ты увидишь, что у Христа было больше семидесяти учеников. Павел свидетельствует, что по Воскресении Христос явился сперва Кифе, затем двенадцати, а после них сразу более пятистам братьям, из которых иные, по его словам, умерли, но большинство в то время, когда он составлял свое Послание, были живы.

(5) Потом, по его словам. Он явился Иакову – одному из тех, кто слывут братьями Спасителя. И наконец, так как, кроме двенадцати, в подражание им, было еще много апостолов, среди которых находился и Павел, он добавляет: «а затем явился всем апостолам». Вот что об апостолах.

ГЛАВА 13

(1) История Фаддея такова. Божественность Владыки и Спасителя нашего Иисуса Христа, прославляемая среди всех людей за свою чудотворную силу, привлекла тьмы людей даже из чужих, очень далеких от Иудеи стран, которые надеялись на исцеление болезней и разных страданий.

(2) Поэтому и царь Авгарь, славно управлявший народами по ту сторону Евфрата, но мучимый болезнью, излечить которую было не в силах человеческих, узнав об имени Иисуса и Его чудесах – о них согласно свидетельствовали все, – решил умолять Его, послав гонца с письмом и просьбой об избавлении от болезни.

(3) Спаситель не внял тогда его просьбе, но удостоил особого письма, в котором обещал прислать одного из Своих учеников излечить его болезнь и вместе спасти его и всех его близких.

(4) Обещание это было вскоре выполнено. После Воскресения Христа из мертвых и Вознесения Фома, один из двенадцати, по внушению Божию отправляет Фаддея, принадлежавшего к числу семидесяти учеников Христовых, в Эдессу благовествовать учение Христово. Он выполнил все, что обещал Спаситель наш.

(5) Имеется письменное тому свидетельство, взятое из архивов Эдессы, которая была тогда столицей. Среди государственных документов, сообщающих о событиях древних и современных Авгарю, сохраняется с того времени и доныне следующий рассказ. Нет, кажется, ничего интереснее этих писем, полученных мной из архива и переведенных слово в слово с сирийского.

Копия письма, написанного топархом Иисусу и отправленного в Иерусалим со скороходом Ананией:

(6) «Авгарь, сын Ухамы, топарх, шлет приветствие Иисусу, Спасителю благому, явившемуся в пределах Иерусалимских. Дошел до меня слух о Тебе и об исцелениях Твоих, что Ты творишь их без лекарств и трав. Ты, рассказывают, возвращаешь слепым зрение, хромым хождение, очищаешь прокаженных, изгоняешь нечистых духов и демонов. Ты излечиваешь страдающих долгими болезнями и воскрешаешь мертвых.

(7) Слушал я все это о Тебе и усвоил умом одно из двух: или Ты Бог и, сойдя с неба, творишь такие чудеса, или Ты Сын Божий, творящий чудеса.

(8) Поэтому я и написал Тебе и прошу Тебя: потрудись, приезжай ко мне и болезнь мою исцели. Слышал я еще, что иудеи ропщут на Тебя и против Тебя злоумышляют. Город мой очень маленький, но почтенный, и его нам двоим хватит».

(9) Вот что и как писал Авгарь, когда Божественный свет лишь немного озарил его. Но нужно выслушать и письмо Иисуса, посланное к нему через того же письмоносца. Оно не многословно, но исполнено силы. Вот его текст:

Ответ Иисуса топарху (Авгарю) через скорохода Ананию:

(10) «Блажен ты, если уверовал в Меня, не видев Меня. Написано обо Мне:

видевшие Меня не уверуют в Меня, чтобы неувидевшие уверовали и ожили. А что ты приглашаешь Меня к себе, то надлежит Мне исполнить здесь всё, ради чего Я послан; а когда исполню, то вознесусь к Пославшему Меня. Когда же вознесусь, то пошлю к тебе одного из учеников Моих, чтобы он исцелил болезнь тою и даровал жизнь тебе и тем, кто с тобой».

(11) К этим письмам присоединено было следующее, написанное тоже по-сирийски:

«После Вознесения Иисуса Иуда, прозванный Фомой, послал (к Авгарю) апостола Фаддея, одного из семидесяти. Придя, он остановился у Товии, Товиева сына. О нем прослышали и сообщили (Авгарю), что тут апостол Иисуса, как тебе было обещано.

(12) И начал Фаддей силой Божией врачевать всякую болезнь и всякую немощь, так что все изумлялись. Когда же (Авгарь) услышал о великих и чудесных делах его, пришло ему на ум, что это как раз тот, о котором Иисус писал:

«Когда же вознесусь, то пошлю к тебе одного из учеников Моих, чтобы он исцелил болезнь твою».

(13) Позвал он Товию, у которого Фаддей остановился, и сказал: «Слышал я, что какой-то могущественный человек остановился у тебя. Приведи его ко мне». Товия, вернувшись к Фаддею, сказал: «Топарх (Авгарь) позвал меня и велел привести тебя к нему, чтобы ты исцелил его». И Фаддей сказал: «Иду, я ведь к нему и послан в силе».

(14) На другой день на рассвете Товия, взяв Фаддея, отправился к Авгарю.

Когда он вошел, то Авгарю, перед которым стояли первые люди страны, явилось великое знамение на лице апостола Фаддея. Видя это, Авгарь поклонился Фаддею до земли. Все стоявшие вокруг изумились, потому что не видели знамения, которое явилось одному Авгарю.

(15) Он спросил Фаддея: «Поистине ли ты ученик Иисуса, Сына Божия, Который сказал мне: «Пошлю тебе одного из учеников Моих, который вылечит тебя и дарует тебе жизнь»?» И Фаддей сказал: «Так как ты крепко уверовал в Пославшего меня, то я и послан к тебе. И если будешь веровать в Него, как веришь, то исполнятся желания сердца твоего».

(16) И Авгарь сказал ему: «Я так уверовал в Него, что взял бы войско и перебил бы иудеев, которые Его распяли, если бы не помешала мне римская держава». И Фаддей сказал: «Господь мой исполнил волю Отца Своего и, исполнив, вознесся к Отцу».

(17) Говорит ему Авгарь: «И я уверовал в Него и в Отца Его». И говорит Фаддей: «Поэтому во имя Его возлагаю на тебя руку мою». И как только он сказал это, как Авгарь исцелился от болезни и страданий своих.

(18) Изумился Авгарь: что слышал он об Иисусе, то на деле свершилось на нем через Его ученика Фаддея, который исцелил его без лекарств и трав, и не его только, но и сына его Авда, болевшего подагрой. Тот тоже, подойдя к Фаддею, упал ему в ноги и был исцелен молитвой и прикосновением руки.

Фаддей исцелил много их сограждан, творил великие чудеса и проповедовал слово Божие.

(19) Потом Авгарь сказал: «Ты, Фаддей, делаешь все это силой Божией, и мы сами изумлены. И потому, прошу тебя, расскажи мне о пришествии Иисуса, как оно произошло, о могуществе Его и о том, какой силой творил Он все, о чем я слышал».

(20) И Фаддей сказал: «Сейчас я ничего не скажу, так как я послан проповедовать слово во всеуслышание. Но завтра созови мне всех твоих граждан, и я буду им проповедовать и посею в них слово жизни: расскажу о пришествии Иисуса, как оно совершилось, о посланничестве Его и о том, для чего Он был послан Отцом, о могуществе Его и делах Его, о тайнах, которые Он поведал миру, о

силе, которой Он творил это, о новизне Его учения, о Его умалении и уничижении, о том, как Он Сам Себя смирил и умер, как умалил Свое Божество, как был распят, сошел во ад, сокрушил ограду, от века несокрушимую, воскресил мертвых, как сошел один, а восшел к Отцу Своему с великим множеством людей».

(21) Авгарь приказал своим гражданам собраться ранним утром и слушать проповедь Фаддея, а затем распорядился выдать ему золота чеканной монетой и в слитках, но тот не взял, сказав: «Если мы оставили свое, то возьмем ли чужое?» (22) Происходило все это в 340 году.

Вот что кстати и не без пользы приведено здесь в дословном переводе с сирийского.

КНИГА ВТОРАЯ

(1) То, о чем следовало сообщить как бы в предисловии к Церковной истории, а именно: о Божестве Слова-Спасителя, о древности догматов нашей веры и евангельски-христианского образа жизни, а также о недавнем Его явлении, о событиях, предшествовавших Его страданиям, и об избрании апостолов – обо всем этом с краткими доказательствами мы рассказали в предыдущей книге.

(2) В этой же рассмотрим, что произошло после Его Вознесения, основываясь на Святом Писании и привлекая мирских историков, на записки которых я буду, когда нужно, ссылаться.

ГЛАВА 1

(1) Прежде всего, избран был по жребию апостолом, вместо предателя Иуды, Материй, который, как сказано, был учеником Господним. Поставлены были апостолами по молитве и с возложением рук на служение общине семеро испытанных мужей, в их числе и Стефан; он первый после Господа сразу же по своем поставлении – словно для этого и был избран – был побит камнями от убийц Господних. Первый из победоносных мучеников Христовых получил он венец – имя его имеет как раз это значение.

(2) Тогда же Иаков, называемый братом Господним (ибо он назывался сыном Иосифа; отцом Христа был тот же Иосиф, которому обручена была Дева, и прежде чем сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого, как учит нас святое Евангелие), – вот этот самый Иаков, которому в древности дано было прозвище «Праведный» за его исключительную добродетель, первый, как рассказывают, получил епископский престол в Иерусалимской Церкви.

(3) Климент в 6-й книге своих «Очерков» утверждает это и пишет так:

«Петр, Иаков и Иоанн, хотя и были особо Спасителем почтены, однако после Вознесения Спасителя не оспаривали друг у друга эту честь, но избрали епископом Иерусалима Иакова Праведного».

(4) В 7-й книге того же произведения он говорит о нем следующее: «Иакову Праведному, Иоанну и Петру Господь после Воскресения передал знание, они же передали его остальным апостолам, остальные же апостолы семидесяти, одним из которых был Варнава».

(5) Было же два Иакова: один – «Праведный» – сброшен с крыши и забит до смерти скалкой валяльщика, другому отрубили голову». Этого «Праведного» упоминает и Павел: «Из апостолов я никого не видел, кроме Иакова, брата Господня».

(6) В это же время исполнилось обещание Спасителя нашего, данное царю Осроены. Фома, по внушению Божию, посыл, к т в Эдессу Фаддея проповедовать и возвещать Христово Евангелие, как сказано мною немного выше на основании найденной там рукописи.

(7) Фаддей, прибыв на место, исцеляет Авгаря Христовым словом, а всех тамошних людей поражает удивительными чудесами. Достаточно подготовив их своими делами и приведя их к почитанию силы Христовой, он стал обучать их спасительной вере. И доныне с тех пор вся Эдесса освящена именем Христовым; она убедительно свидетельствует о милостях к ней Спасителя нашего.

(8) Это заимствовано из древних сказаний. Перейдем теперь к Святому Писанию. После мученической кончины Стефана иудеи подняли первое великое гонение на Иерусалимскую Церковь, и все ученики, кроме двенадцати, рассеялись по Иудее и Самарии; некоторые, как говорит Священное Писание, дошли до Финикии, Кипра и Антиохии, но не в силах были отважиться на проповедь Слова язычникам и возвещали его только иудеям.

(9) Тогда же Павел разорял Церковь; врывался в дома верных и тащил мужчин и женщин в тюрьму.

(10) Филипп же, один из поставленных вместе со Стефаном в диаконы, покинув вместе с другими Иерусалим, пришел в Самарию; исполнившись силы Божией, он первый проповедует тамошним жителям Слово. Ему содействовала столь великая благодать Божия, что он увлек своими речами даже Симона Волхва и вместе с ним многих.

(11) Симон в это время до того прославился и настолько овладел людьми, обманутыми его чарами, что его считали великой силой Божией. Тогда же он, пораженный чудесами, которые Филипп совершал силой Божией, вошел к нему в доверие и притворился, будто настолько уверовал в Христа, что готов креститься.

(12) Удивительно поведение и нынешних последователей его гнуснейшей ереси; по примеру своего родоначальника они вторгаются в Церковь и, подобно чуме и чесотке, наносят тяжкий вред людям, если им удается пустить в них свой тайный, губительный яд. Впрочем, многие из них, уличенные в своей мерзости, изгнаны, как и Симон, застигнутый Петром на деле, понес заслуженное наказание.

(13) Проповедь спасения ширилась день ото дня. Промысл Божий привел из Эфиопии придворного тамошней царицы – по обычаю предков народом этим и поныне управляют женщины; его, первого из язычников, Филипп, по откровению, приобщил к тайнам Слова; и он стал первым верующим (эфиопом) во вселенной. Есть предание, что,

вернувшись на родину, он в благовестии преподал знание о Боге Вседержителе и рассказал о живоносном пребывании на земле Спасителя нашего. На деле исполнилось пророчество: «Эфиопия прострет руки свои к Богу».

(14) В это же время Павел, сосуд избранный, объявлен апостолом – не людьми и не с помощью людей, а по откровению Самого Иисуса Христа и Бога Отца, воскресившего Его из мертвых. Он удостоился этого звания благодаря видению и голосу с неба, сопровождавшему откровение.

ГЛАВА 2

(1) Дивное Воскресение Спасителя нашего и Вознесение Его были известны уже многим. По издревле укоренившемуся обычаю, областные правители должны были сообщать лицу, облеченному верховной властью, о всех местных новостях, чтобы ничто не ускользало от императорского глаза. Пилат сообщил императору Тиверию, что по всей Палестине идет молва о Воскресении Спасителя нашего, Иисуса, что ему известны и другие Его чудеса и что в Него, воскресшего из мертвых, многие уже уверовали как в Бога.

(2) Тиверий, говорят, доложил об этом сенату, но сенат отверг это известие под тем предлогом, что он не занимался предварительно его рассмотрением:

по издревле укоренившемуся закону, никто не мог быть признан у римлян богом иначе, как по голосованию и декрету сената. В действительности же спасительное учение Божественной проповеди не нуждалось в человеческом одобрении и покровительстве. Хотя римский сенат и отверг известие, сообщавшее о Спасителе нашем, (3) но Тиверий сохранил свое прежнее мнение и не замышлял против Христова учения ничего несообразного.

(4) Тертуллиан, превосходный знаток римских законов и вообще человек известный, один из наиболее прославленных, в своей «Апологии христиан», написанной на латинском языке и переведенной на греческий, говорит дословно так:

(5) «Поговорим о происхождении таких законов. По древнему декрету, император не может ни одного бога признать таковым без предварительного рассмотрения сенатом. Марк Эмилий и поступил так с неким идолом Альвурном. Что у вас божественное достоинство даруется по человеческому решению – это в нашу пользу. Если бог не понравился человеку, он не станет богом; человеку, оказывается, следует быть милостивым к богу.

(6) Когда Тиверию, при котором имя христиан вошло в мир, пришло известие из Палестины (Палестина его родина), об этом учении, он сообщил о нем сенату, дав понять, что это учение ему нравится. Сенат, однако, отверг его, как не рассмотренное заранее.

Тиверий остался при своем мнении и угрожал смертью тем, кто доносил на христиан».

Небесный Промысл заронил в него эту мысль с особой целью, чтобы Евангельское слово вначале беспрепятственно прошло по всей земле.

ГЛАВА 3

(1) Силой небесной и ее содействием спасительное учение озарило, как лучом солнечным, всю вселенную, и сразу же, по словам Святого Писания, «по всей земле прошел голос» дивных 7 евангелистов и апостолов «и до пределов вселенной слова их».

(2) И действительно, в каждом городе, в каждой деревне (как полные житницы) возникли Церкви, объединявшие множество людей. Люди, душа которых была скована суеверным ужасом перед идолами, этой древней болезнью, унаследованной от предков и от древнего заблуждения, ожили силой Христовой, которой учили и творили чудеса Его ученики, избавились будто от страшных господ, освободились от тягчайших оков. Они с отвращением отвернулись от всякого языческого многобожия, исповедали, что есть один-единственный Бог, Создатель всего существующего, и начали чтить Его по заповедям истинного благочестия, проникнутого Духом Божиим, служением разумным, семена которого Спаситель наш сеял среди людей.

(3) Милость Божия пролилась и на другие народы. В Кесарии Палестинской первым принял веру Христову вместе со всем своим домом Корнилий (было ему явление с неба, и послужил ему апостол Петр), а в Антиохии – очень многие греки, которым проповедовали ученики, рассеявшиеся после гонения на Стефана. Антиохийская Церковь вскоре стала многочисленной и процветающей. В это время там находилось большинство иерусалимских пророков, а с ними Варнава, Павел и кроме них еще множество братьев. Там впервые, словно из обильного неиссякаемого источника, проистекло имя христиан.

(4) И так как Агав, один из находившихся там пророков, предсказал, что будет голод, то Павел и Варнава были отправлены послужить братьям.

ГЛАВА 4

(1) Тиверий скончался после почти двадцатидвухлетнего царствования; власть после него получил Гай. Он тотчас же возложил иудейскую корону на Агриппу, поставив его царем над тетрархиями Филиппа и Лисания, а немного времени спустя вверил ему и тетрархию Ирода. Этого Ирода (в его царствование пострадал Спаситель) он наказал вместе с женой Иродиадой за множество преступлений пожизненной ссылкой. Об этом свидетельствует и Иосиф.

(2) При Гае стал известен очень многим Филон, человек весьма замечательный не только среди наших, но и среди людей, получивших греческое образование. Он происходил из древнего еврейского рода и ни в чем не уступал тем, кто по своим обязанностям был известен в Александрии.

(3) Сколько и какого труда вложил он в изучение наук, относящихся к вере и отечеству, видно на деле каждому. Как он был силен в философии и в свободных искусствах, знакомства с которыми требует греческое воспитание, об этом и говорить нечего. С особым усердием изучал он Платона и Пифагора и, говорят, превзошел в этом всех своих современников.

ГЛАВА 5

(1) Он рассказывает в пяти книгах о том, что случилось с иудеями при Гае, подробно изображая безумие Гая, провозгласившего себя богом и в свое царствование непрестанно издевавшегося над людьми. Рассказывает он о бедствиях иудеев при нем и о своем посольстве в Рим, куда он был отправлен с ходатайством за своих александрийских единоплеменников; о том, как, защищая перед Гаем отечественные законы, он был в ответ только злобно осмеян. У него даже были основания опасаться за свою жизнь.

(2) Об этих событиях также упоминает и Иосиф в 18-й книге своих «Древностей». Вот дословный его рассказ: «В Александрии произошел раздор между тамошними иудеями и греками; от каждой стороны было выбрано по три посла, которые и предстали перед Гаем.

(3) От александрийцев одним из послов был Апион; он весьма поносил иудеев и между прочим говорил, что они не хотят воздавать почестей кесарю:

все подданные Рима воздвигают Гаю алтари и храмы и вообще обращаются к нему, как и к другим богам, и только евреи считают зазорным ставить ему статуи и клясться его именем.

(4) Апион высказал много тяжких обвинений, надеясь – и не без основания, – что Гай выйдет из себя. Филон, глава иудейского посольства, человек во всех отношениях знаменитый, брат алаварха Александра, хорошо знакомый с философией, хотел выступить и опровергнуть эти обвинения, но Гай запретил ему и приказал убираться; он был в сильном гневе и явно собирался жестоко поступить с послами.

(5) Филон вышел, осыпаемый оскорблениями, и посоветовал иудеям, которые были с ним, мужаться: Гай, гневаясь на них, готовит себе Божие наказание» (6) Так рассказывает Иосиф. И сам Филон в книге, которую он озаглавил «Посольство», подробно и тщательно описывает все с ним тогда происшедшее.

Я пропускаю большую часть его рассказа и приведу только то, из чего читатели ясно могут увидеть, что все вскоре случившееся с иудеями и тогда и после, постигло их за преступление против Христа.

(7) Филон рассказывает сначала, что во времена Тиверия некий Сеян, человек могущественнейший среди окружавших императора, прилагал всяческое старание к тому, чтобы истребить в Риме все их племя. В Иудее же Пилат (при котором совершено преступление против Спасителя) попытался совершить в храме – он тогда еще стоял на своем месте – нечто недозволенное для иудеев и вызвал среди них большое волнение.

ГЛАВА 6

(1) После смерти Тиберия власть получил Гай; он много и над многими по-разному издевался, но самую тяжкую обиду нанес иудейскому племени. Об этом можно вкратце узнать у Филона, который пишет дословно так:

(2) «Что-то неровное и странное было в отношении Гая ко всем, в особенности же к иудейскому роду. Он жестоко ненавидел евреев; объявил молитвенные дома по всем городам, начиная с Александрии, своей собственностью, заполнил их статуями и изображениями себя самого (он позволял ставить их другим, сам же водружал их с насилием). Храм в святом городе, который оставался пока неприкосновенным и пользовался всеми правами убежища, он по-своему переделал и превратил в свое, личное святилище, которое именовалось храмом Зевса Новоявленного – Гая.

(3) Тот же писатель во второй книге своего сочинения под заглавием «О добродетелях» рассказывает о бесчисленных тяжких, не поддающихся описанию бедствиях, которые выпали при том же Гае на долю александрийских иудеев. Ему вторит Иосиф, замечая, что несчастья посыпались на весь народ со времени Пилата, когда совершено было преступление против Спасителя нашего.

(4) Послушай его дословный рассказ во 2-й книге «Иудейской войны».

«Пилат, которого Тиберий назначил прокуратором Иудеи, ночью ввез в Иерусалим завернутые в полотно изображения кесаря; их называют знаменами. Утром среди иудеев началось великое смятение; подойдя поближе, они ужаснулись от увиденного: попраны законы их, не позволявшие ставить в городе никаких изображении».

(5) Сравнивая этот рассказ с Евангелием, ты увидишь, как скоро обратился против них крик, которым разразились они перед Пилатом: нет у них царя, кроме кесаря.

(6) Затем тот же писатель рассказывает о другой беде, постигшей их.

«После того Пилат вызвал новое волнение, взяв священную казну (она именуется «корван») на устройство водопровода (вода находилась

за 300 стадий). Евреи были в негодовании и, когда Пилат прибыл в Иерусалим, обступили его с криками (7) Пилат предвидел это возмущение и поставил в толпе вооруженных воинов, переодетых в обычное платье; мечами пользоваться запретил и велел по знаку, который он подаст со своего седалища, бить кричавших палками.

Многие избиваемые погибли от ударов, многих растоптали в бегстве свои же.

Толпа, устрашенная судьбой погибших, замолчала».

(4) Он же сообщает о многих волнениях и переворотах в самом Иерусалиме; по его утверждению, с этого времени и город, и вся Иудея не знали покоя:

восстания, войны, злодеяния непрерывно следовали одно за другим, и наконец, осада Веспасиана, погубившая город. Так поразил иудеев Божий суд за преступление против Христа.

ГЛАВА 7

Стоит обратить внимание, что тот самый Пилат, живший во времена Спасителя, впал, по преданию, при императоре Гае в такие беды, что вынужден был покончить с собой и собственной рукой наказать себя: Божий суд, по-видимому, не замедлил настигнуть его. Это рассказывают греческие писатели, отмечавшие Олимпиады и события, происшедшие в каждую из них.

ГЛАВА 8

(1) После Гая, царствовавшего неполных четыре года, императором стал Клавдий. При нем вся земля страдала от голода (об этом рассказывали и писатели, далекие от нашего учения). Исполнилось упоминаемое в Деяниях предсказание пророка Агава о голоде, который будет по всей земле.

(2) Лука, сообщая в Деяниях о голоде при Клавдии, рассказывает, что братья в Антиохии посылали через Павла и Варнаву кто что мог братьям в Иудее, и добавляет:

ГЛАВА 9

(1) «В это же время (ясно, что при Клавдии) царь Ирод поднял Руку на некоторых членов Церкви и убил мечом Иакова, брата Иоанна». Климент в 7-й книге своих «Очерков» приводит об этом Иакове рассказ, достойный запоминания и переданный ему его предшественниками. Он повествует, что человек, приведший его на суд, видя, как он свидетельствует о своей вере, был потрясен и заявил, что он также христианин.

(3) «И вот повели их обоих на казнь, и по дороге тот решил попросить прощения у Иакова. Последний, немного подумав, сказал: «Мир тебе» и поцеловал его. Обоих обезглавили одновременно».

(4) Тогда, как говорит Святое Писание, Ирод, видя, что казнь Иакова приятна иудеям, взял Петра и посадил его в тюрьму; он вскоре был бы умерщвлен, если бы не явление Господне: ночью Петру предстал ангел и чудесным образом освободил его от оков; он был отпущен на служение проповеди. Таков Промысл Божий относительно Петра.

ГЛАВА 10

(1) Злоумышления царя против апостолов повлекли следствия незамедлительные: его тут же стал преследовать карающий исполнитель суда Божия. Сразу же после козней против апостолов Ирод, по словам Деяний, отправился в Кесарию; в торжественный день праздника, одетый в сверкающую царскую одежду, он с высоты своего престола обратился с речью к народу; весь народ приветствовал эту речь, как сказанную богом, а не человеком, и вдруг, говорит Писание, ангел Господень поразил его, и он умер, съеденный червями.

(2) Удивительно в повествовании об этом чуде совпадение между Святым Писанием и историей Иосифа. Ясно, что он свидетельствует о том, что было в действительности. В 19-й книге «Древностей» в таких словах рассказывает он об этом чуде.

(3) «Исполнился третий год его царствования над всей Иудеей, и он прибыл в город Кесарию, называвшийся раньше Стратоновой Башней. Он устраивал там игры в честь кесаря, зная, что это празднование в его здравие и благоденствие; на него собралось много провинциальных должностных лиц и людей высокого звания.

(4) На второй день празднования, на рассвете, он пришел в театр в плаще, сделанном, казалось, целиком из серебра – удивительной была эта ткань.

Когда на плащ упали первые солнечные лучи, серебро дивно засверкало, бросая на глядевших страшный, пугающий отблеск.

(5) Сразу же льстецы, каждый на свой лад, обратились к нему с речами, не к добру сказанными, приветствовали его как бога и просили его: «Будь к нам милостив; доныне мы боялись тебя как человека, но теперь признаем, что ты выше, чем смертный».

(6) Царь не укорял их и не отверг эту нечестивую лесть. Немного спустя он взглянул вверх и увидел над своей головой сидящего ангела. Он сразу подумал, что этот ангел принес ему злое, как раньше приносил доброе, и стал сокрушаться до глубины сердца.

(7) Появились боли в животе, сразу же ставшие жестокими. Он оглядел своих друзей: «Я бог у вас, а вот велено мне расстаться с жизнью; судьба же обличила ваши лживые возгласы. Вы называли

меня бессмертным, а вот меня ведут на смерть. Надо принимать, что суждено по воле Божией. Впрочем, прожил я жизнь вовсе не серую; долго длилось мое счастье!» Так говорил он и был совершенно измучен нарастающими страданиями.

(8) Его спешно перенесли в царский дворец, и повсюду разнеслась молва, что царь при смерти. Народ, не исключая жен и детей, сидя, по древнему обычаю, на мешках, стал молить Бога за царя; всюду раздавались причитания и плач. Царь, лежавший в спальне наверху, взглянул вниз на лежавших распростертыми людей и не мог удержаться от слез.

(9) После пятидневных мучительных болей в животе он скончался 54-х лет от роду, на седьмом году своего царствования. Четыре года он царствовал при кесаре Гае, три года управлял тетрархией Филиппа, на четвертом году получил еще Иродову; три года царствовал при кесаре Клавдии».

(10) Я удивляюсь совпадению этого рассказа у Иосифа и в Святом Писании:

он правдив. Если некоторые думают, что есть разногласие в имени царя, то и дела и дни указывают на одного и того же человека. Может быть, переписчик ошибся и переменил имя, а может быть, то же самое лицо носило два имени, как это бывает со многими.

ГЛАВА 11

(1) Лука в Деяниях сообщает, что Гамалиил, во время совещания об апостолах рассказал о Февде, который во время, нами описываемое, поднял восстание, заявив, что он представляет собой нечто великое. Он был убит, а все уверовавшие в него рассеялись. Мы приведем рассказ о нем Иосифа. В сочинении, только что упомянутом, он говорит слово в слово так:

(2) «Когда Фад был прокуратором в Иудее, появился некий чародей, Февда по имени. Он уговорил огромную толпу взять свое имущество и следовать за ним к реке Иордану, сказав, что он пророк, что он прикажет реке расступиться и позволить легко через нее перейти. Он многих обманул своими речами.

(3) Фад, однако, не позволил пожать плоды этого безумия. Он выслал конный отряд, который врасплох напал на них; многих перебил, многих взял живыми. Февду поймали, отрубили ему голову и отправили ее в Иерусалим» Вслед за этим он так вспоминает о голоде, бывшем при Клавдии:

ГЛАВА 12

(1) «В это время в Иудее случился великий голод, и царица Елена покупала в Египте за большие деньги зерно и раздавала его нуждающимся».

(2) Ты увидишь, что и это согласуется с Деяниями апостолов, в которых рассказано, как ученики в Антиохии постановили, чтобы каждый в меру своих средств посылал живущим в Иудее. Так они и сделали, послав пособие старейшинам через Варнаву и Павла.

(3) Прекрасные стелы Елены, упомянутой Иосифом, доселе показывают в предместьях нынешней Элии. Говорят, что она была царицей адиавинов.

ГЛАВА 13

(1) Вера в Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа уже распространялась повсюду, когда враг человеческого спасения, задумав захватить царственный город, привел туда вышеупомянутого Симона; помогая ему в его искусных, волшебных проделках, он увлек в заблуждение многих жителей Рима.

(2) Об этом говорит Иустин, живший вскоре после апостолов, человек, отличившийся в нашем учении. Я своевременно скажу о нем, что нужно. В Первой апологии, обращенной к Антонину в защиту нашей веры, он пишет так:

(3) «После Вознесения Господа на небо демоны побудили некоторых людей объявить себя богами, и вы не только не преследовали их, но удостоили почестей. Некий Симон, самарянин из деревни Гиттон, который при кесаре Клавдии с помощью действовавших в нем демонов проделывал в Риме, вашем царственном городе, чудеса своего волшебного искусства, был признан богом и почтен вами как бог статуей на реке Тибре между двумя мостами; на ней латинская надпись: «Simoni deo sancto», т. е. «Симону, богу святому».

(4) Почти все самаряне и кое-кто из иноплеменников исповедуют его как первого бога и поклоняются ему. Некую Елену, которая в то время всюду с ним странствовала, а раньше в Тире финикийском жила в непотребном доме, они называли первой его мыслью».

(5) Так говорит Иустин. С ним согласен Ириней, который в 1-й книге своего сочинения «Против ересей» характеризует и этого человека и его кощунственное, мерзкое учение. Сейчас излишне его рассматривать; желающие могут подробно ознакомиться с ересиархами, бывшими после Симона: с началом их деятельности, их жизнью, их лжеучением, со всеми их занятиями – обо всем этом сообщено в упомянутой весьма основательной книге Иринея.

(6) Мы узнали из нее, что Симон был первым зачинщиком всех ересей.

Начиная с него и до сих пор последователи его ереси притворяются, будто держатся христианской философии – разумной и

всюду прославленной за чистоту жизни, но сразу же оказываются во власти идольского суеверия, от которого, казалось, отошли: кланяются книгам и изображениям самого Симона и его спутницы Елены, о которой говорилось, и справляют им службу с фимиамом, жертвами и возлияниями.

(7) Что же касается их мистерий, то, говорят, впервые услышавший о них приходит в ужас и, по словам одного из их писаний, цепенеет. От них действительно можно оцепенеть; они полны неистовства и безумия; это нечто такое, о чем нельзя не только писать, люди здравомыслящие не смогут об этом и рассказывать – столько там гнусного и такого, о чем не скажешь.

(8) Их отвратительная ересь превзошла всё, что только можно представить грязного и мерзкого. Они издеваются над несчастными женщинами, которые действительно утопают во всяческих грехах.

ГЛАВА 14

(1) Этого Симона, отца и создателя такого зла, лукавая сила, враждебная добру, ненавидящая спасение людей, выставила в то время как великого противника великих и дивных апостолов Спасителя нашего.

(2) Божественная и пренебесная благодать помогала, однако, своим служителям, быстро угашая при их появлении и в их присутствии вспыхивающее пламя зла, подавляя и уничтожая всякое превозношение, восстающее против познания Бога.

(3) Поэтому хитрости, Симона или кого-нибудь из его современников во времена апостольские не могли устоять. Все побеждал и осиливал Свет истины – Само Божественное Слово, недавно дивно осиявшее людей, укрепившееся на земле, обитавшее в своих апостолах.

(4) Сразу же чародей, о котором мы говорим – умственные очи его были словно поражены Божественным светом, чудесно воссиявшим еще раньше в Иудее, когда апостол Петр изобличил все его гнусности, – пустился в далекое заморское путешествие; бежал с востока на запад, думая, что только там сможет он жить по-своему.

(5) В Риме оказана была ему величайшая помощь от власти, там утвердившейся, и в короткое время он настолько преуспел в своих делах, что был почтен тамошними жителями статуей, как бог. Но везло ему не долго.

(6) Сразу же после него, в то же царствование Клавдия, всеблагой и человеколюбивый Промысл привел в Рим того же борца с этим развратителем людей – мужественного и великого апостола Петра, за свое мужество именуемого первым среди остальных апостолов. Он, как благородный вождь Божий, облеченный в Божественные доспехи, принес с востока жителям запада драгоценное сокровище духовного света, самый свет и слово, спасающее душу, – проповедь о Царстве Небесном.

ГЛАВА 15

(1) Итак, слово Божие нашло пристанище в Риме; влияние Симона убывало и исчезло сразу вместе с ним. Свет веры настолько озарил разум слушателей Петра, что они не сочли достаточным услышать только устную проповедь и познакомиться с ней однажды по слуху. Они всячески уговаривали и убеждали Марка, чье Евангелие мы имеем – а был он спутником Петра, – чтобы он оставил для них запись учения, переданного им устно; они не оставляли его в покое, пока не принудили его; они – причина написания того Евангелия, которое называется «Евангелием от Марка».

(2) Как рассказывают, апостол, узнав по откровению Духа то, что свершилось, возрадовался людскому рвению и разрешил читать это Евангелие в Церквах. Климент приводит эту историю в 6-й книге своих «Очерков».

Согласно с ним и свидетельство Иерапольского епископа Папия. Петр упоминает о Марке в Первом послании, которое, говорят, составил он в самом Риме; город этот метафорически называет он «Вавилоном», говоря так:

«Приветствует вас избранная церковь в Вавилоне, а также Марк, сын мой».

ГЛАВА 16

(1) Говорят, что этот самый Марк был первым послан в Египет, проповедал там Евангелие, им написанное, и основал церкви в самой Александрии.

(3) Его проповедь сразу же привлекла такое множество уверовавших мужчин и женщин, усердно упражнявшихся в любомудрии, что Филон решил написать об их занятиях, собраниях, общих трапезах и вообще обо всем образе их жизни.

ГЛАВА 17

(1) Есть молва, что Филон при Клавдии общался в Риме с Петром, который тогда проповедовал местному населению. Это весьма вероятно, тем более что сочинение, о котором мы говорим, было написано значительно позднее и явно заключает в себе церковные правила, и ныне у нас соблюдаемые.

(2) Он описывает жизнь наших подвижников чрезвычайно точно; ясно, что он не только знал, но и чтил апостольских мужей, своих современников, и благоговел перед ними; они, по-видимому, были из евреев и потому соблюдали большую часть древних иудейских обычаев.

(3) В своем сочинении, которое он озаглавил «О жизни созерцательной, или О молитвенниках», Филон заверяет, что он не собирается ни рассказывать ничего, кроме истины, ни добавлять что-либо от себя. Он говорит, что их называют «терапевтами», а женщин, которые живут с ними, «терапевтридами».

Название это дано или по той причине, что они, подобно врачам, лечат и исцеляют от страданий, причиняемых пороком, души приходящих к ним, или потому, что они чтут Бога и служат Ему в совершенной чистоте.

(4) Сам ли он дал им это имя, естественно согласовав его с образом жизни этих людей, или они сами первоначально действительно так себя назвали – имя христиан еще всюду не прозвучало, – распространяться об этом незачем.

(5) Он, во-первых, свидетельствует об их отказе от имущества: вступая на поприще любомудрия, они отдают свое состояние родственникам, а затем, отложив всякие житейские заботы, выходят за городские стены и живут в садах и местах уединенных, ибо хорошо знают, что знакомства с людьми, непохожими на них, бесполезны и вредны. Жившие в это время и таким образом, естественно, с искренней и горячей верой упражняли себя в подражании жизни пророков.

(6) И в принятых Церковью Деяниях апостолов рассказано, что все ученики апостольские продавали свое имущество и делили

полученное между всеми, смотря по нужде каждого, так что бедствовавшего среди них не было.

Имевшие земли или дома продавали их и, по словам Писания, принеся цену проданного, клали ее к ногам апостолов, так что каждому давалось по нужде его.

(7) Рассказав о подобном же у терапевтов, Филон продолжает так: «Эти люди живут по многим местам. Надобно было, чтобы и Эллада и варвары стали причастны к совершенному благу. Больше всего их, однако, в Египте, в каждом из так называемых номов, и особенно в окрестностях Александрии.

(8) И вот, лучшие из терапевтов собираются отовсюду, будто на отчизну, в самое для них подходящее место, расположенное за озером Мареотидой:

невысокие холмы, благоприятные по своей безопасности, со здоровым воздухом».

(9) Дальше, описав, какие у них жилища, Филон говорит об их местных церквах: «В каждом доме есть священное помещение, которое называется святилищем, или «монастырем». Там, уединяясь, совершают они таинства, отмечающие благочестивую жизнь; туда они вносят не питье, или еду, или вообще что-нибудь необходимое для телесных нужд, а Писания закона и пророков, гимны и прочие книги, благодаря которым вера умножается и усовершается».

Дальше он говорит:

(10) «Промежуток от утренней зари и до вечера – время только для духовных подвигов. Читая Святое Писание, они рассуждают о мудрости предков и изъясняют их иносказания: по их мысли, слова суть только обозначения сокровенного и умопостигаемого.

(11) У них имеются писания древних мужей, основателей их секты, которые оставили много иносказательных записей о своем учении. Тут они находят образцы, которым подражают в своей жизни».

(12) Похоже, что все это сказано человеком, слушавшим объяснение Святого Писания. Вероятно, книги древних мужей, которые, говорят, у них имеются, – это Евангелия, апостольские писания и толкования на древних пророков, какие имеются в Послании к Евреям и во многих других Посланиях Павла.

(13) Затем Филон пишет о том, что они сочиняют новые псалмы: «Они не только заняты созерцанием, но и сочиняют песни и гимны,

славя Бога; пользуются они разными размерами и мелодиями, но, конечно, торжественными».

(14) Филон сообщает в той же книге много и других подробностей о терапевтах, но мне показалось необходимым выбрать то, что определяет в основном их церковную жизнь.

(15) Если кому-то покажется, что все сказанное характеризует не только жизнь по Евангелию, но применимо и к другим людям, помимо тех, о ком сейчас речь, то пусть он убедится следующими словами Филона: если он мыслит здраво, они будут для него свидетельством непреложным. Он пишет так:

(16) «Заложив сначала в душе, как некую основу, воздержание, они на нем воздвигают другие добродетели. Никто из них не притронется ни к пище, ни к питью до захода солнца: по их суждению, размышление достойно света, сумерки соответствуют телесным потребностям. Потому они отводят первому целый день, а последним – малую часть ночи.

(17) Некоторые, особенно жаждущие познания, не вспомнят о еде и через три дня; иные так ликуют и наслаждаются на богатом пиру мудрости, щедро их поучающей, что постятся вдвое дольше и едва через шесть дней что-то, по необходимости, вкушают – так вошло у них в привычку».

Мы думаем, что слова Филона, ясные и неопровержимые, относятся к нашим подвижникам. Если кто закоснеет в несогласии по жестокосердию, пусть оставит сомнение: да убедят его яснейшие доказательства, которых нигде нельзя найти, кроме христианской веры по Евангелию.

(19) Он говорит, что с мужчинами, о которых идет речь, обитают и женщины, большинство которых состарилось девственницами: они соблюдают целомудрие не вынужденно, как некоторые жрицы в Элладе, а по доброй воле, из страстного рвения к мудрости; усердно стремясь слиться с ней, они ни во что ставят телесные удовольствия; хотят иметь потомков не смертных, но бессмертных, которых порождает только боголюбивая душа.

(20) Несколько ниже он излагает это более ясно:

«Они толкуют Святое Писание иносказательно. Весь закон представляется этим людям как нечто похожее на живое существо: расположенные в порядке слова – это тело, а душа – это невидимая

мысль, скрытая под словами; проникнуть в нее и стремится главным образом эта секта, чтобы увидеть в зеркале слов отраженную в них, всё превосходящую красоту мыслей».

(21) Стоит ли говорить об их собраниях в одном и том же месте, о том, чем занимаются особо мужчины и особо женщины; об их обычных – у нас и доныне совершаемых – подвигах: посте, особенно в дни Страстей Спасителя, всенощных бдениях, внимательном чтении слова Божия.

(22) Упомянутый писатель очень точно сообщает в своем сочинении об этих обычаях; соблюдаются они и поныне только у нас: всенощное бдение перед великим праздником, подвиги, с этим сопряженные, привычные для нас гимны, когда один запевает в благозвучном ритме, остальные слушают и подхватывают только последние слова гимна; в эти дни спят на земле, подостлав солому; не берут в рот ни вина, ни мясного, как сам он говорит; питье у них только вода, приправа к хлебу – соль и иссоп.

(23) Кроме того, Филон пишет об иерархии служащих литургию – об обязанностях диаконов, о предстоятельстве епископа, который выше всех.

Желающий в точности со всем этим познакомиться может узнать обо всем из повествования упомянутого писателя.

(24) Что Филон писал, имея в виду первых провозвестников евангельского учения и обычаи, изначально переданные апостолами, – это ясно каждому.

ГЛАВА 18

(1) Богатый словом, широкий в своих рассуждениях, возвышенный в созерцании Святого Писания, Филон дал различное и многообразное его истолкование. Проследив сначала в сочинении, озаглавленном «Иносказания святых законов», последовательную связь событий в книге Бытия, он затем по отдельным главам ставит недоуменные вопросы и разрешает их; книгу эту он озаглавил: «Недоуменные вопросы и решение их в книгах Бытия и Исхода».

(2) Есть у него еще особые работы, посвященные разным вопросам: «О земледелии» – две книги; «О пьянстве» – столько же книг; есть и другие под разными соответственными заглавиями: «Чего желает и от чего отвращается здравый разум», «О смешении языков», «О бегстве и нахождении», «О собраниях ради воспитания», «Кто наследник Божественного, или О делении на равные и противоположные части», «О трех добродетелях, которые вместе с прочими описал Моисей»; кроме того, «Об изменении имен и причинах этого» – в этом сочинении, по его словам, написано о первом и втором Заветах.

(4) Есть его книга «О переселении и жизни мудреца по правде, или О неписаных законах», а также «О гигантах, или О неизменяемости Божества», «О том, что сны, по мнению Моисея, посылаются Богом». Это то, что дошло до нас и касается книги Бытия.

(5) На книгу Исхода мы знаем: «Недоуменные вопросы и решение их» – книги 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я; «О скинии», «О десяти заповедях», «О законах, относящихся к главному в десяти заповедях»-книги 1-я, 2-я, 3-я и 4-я; «О жертвенных животных и о видах жертв», «О наградах, обещанных законом добрым, и о наказаниях и проклятиях злым».

(6) Кроме того, говорят о сочинениях его в одной книге, как-то: «О Провидении»; составлено им рассуждение «О иудеях», «Политик», еще «Александр, или О том, что все бессловесные животные имеют разум»; «Великий грешник есть раб» и как продолжение – «Всякий добродетельный человек свободен».

(7) После этих работ составлены им: «О жизни созерцательной, или О молитвенниках» – следуя ей, мы изложили то, что касается

жизни мужей апостольских; «Объяснение еврейских имен в Законе и у пророков» считается также его работой.

(8) Филон прибыл в Рим при Гае и свое сочинение о богоненавистничестве этого императора озаглавил в насмешку «О добродетелях». Рассказывают, что при Клавдии он прочел его всему римскому сенату, и книги Филона удостоены были помещения в библиотеках.

(9) В это же время, когда Павел завершал свое путешествие от Иерусалима до Иллирика, Клавдий изгнал иудеев из Рима, Акила и Прискилла, уйдя вместе с другими иудеями из Рима, высадились в Асии и жили вместе с апостолом Павлом, укреплявшим вновь основанные там Церкви. Об этом сообщает нам святая книга Деяний.

ГЛАВА 19

(1) Клавдий еще управлял государством, когда в Иерусалиме на празднике Пасхи произошло такое восстание и такой мятеж, что из иудеев, силой пробивавшихся к выходу их из храма, тридцать тысяч погибло, будучи растоптано. Праздник обернулся горем для всего народа и плачем для каждого дома. Так рассказывает слово в слово Иосиф.

(2) Клавдий поставил царем иудеев Агриппу, сына Агриппы, а Феликса назначил прокуратором всей Самарии, Галилеи и еще так называемой Переи.

Он управлял государством тринадцать лет и восемь месяцев и умер, оставив своим преемником Нерона.

ГЛАВА 20

(1) При Нероне, когда Феликс был прокуратором Иудеи, между священниками начался раздор, как о том в 20-й книге «Древностей» дословно пишет Иосиф.

(2) «Первосвященники восстали на священников и первых людей среди населения Иерусалима. Каждый из них собрал вокруг себя дерзких людей, жаждавших переворота, и предводительствовал ими; столкнувшись, они осыпали друг друга бранью и камнями. Не было ни одного человека, который положил бы этому конец; произвол царил, словно в городе, лишенном власти (3) Бесстыдство и дерзость первосвященников дошли до того, что они смело посылали рабов на гумна забирать десятину, принадлежащую священникам.

Случалось видеть обнищавших священников, которые умирали с голоду – настолько насилие мятежников одолело всякую справедливость».

(4) Тот же писатель рассказывает, что в это время в Иерусалиме появился особый вид разбойников, которые, по его словам, среди бела дня и в центре города убивали встречных.

(5) Особенно по праздникам они вмешивались в толпу и, пряча под одеждой короткие мечи, пронзали ими тех, кто не был заодно с ними. Когда жертвы падали, убийцы присоединялись к негодующей толпе почтенная внешность делала их неуловимыми. Сначала убили они первосвященника Ионафана, после него ежедневно убивали многих. Тяжелее этих бедствии был страх каждый, словно на войне, все время ожидал смерти.

ГЛАВА 21

(1) Вслед за этим Иосиф добавляет. «Еще большим ударом поразил иудеев египетский лжепророк. В страну прибыл некий чародей; внушив веру в себя как в пророка, он собрал около тридцати тысяч обольщенных людей и привел их из пустыни на так называемую Елеонскую гору. Оттуда он мог силой захватить Иерусалим и, уничтожив римский гарнизон, самозванно управлять народом с помощью своих воинов.

(2) Феликс предупредил это нападение, выйдя навстречу с римской пехотой.

Весь народ встал на защиту. Произошло сражение, египтянин бежал с немногими, большинство его сообщников было убито или взято в плен».

(3) Так говорит Иосиф во 2-й книге «Иудейской войны». Стоит добавить к этому рассказу о египтянине и рассказ в Деяниях апостолов. Трибун, бывший при Феликсе в Иерусалиме, когда на Павла поднялась иерусалимская толпа, говорит ему: «Не ты ли тот египтянин, который совсем недавно возмутил народ и вывел в пустыню четыре тысячи сикариев?» Такие события произошли при Феликсе.

ГЛАВА 22

(1) На смену ему Нерон послал Феста; перед ним Павел произнес свою защитительную речь и был в оковах отправлен в Рим. С ним был Аристарх, которого он в одном из своих Посланий справедливо называет «соузником». И Лука, написавший Деяния апостолов, заключает свой рассказ сообщением, что Павел провел в Риме на свободе целых два года, беспрепятственно проповедуя слово Божие.

(2) Затем, оправдавшись перед судом, апостол, говорят, отбыл на свое дело проповеди и, вторично придя в Рим, завершил жизнь мученичеством. Находясь в темнице, он составил Второе послание к Тимофею, где говорит и о своей первой защите, и о близкой кончине.

(3) Выслушай его собственное свидетельство: «При моей первой защите со мной никого не было: все меня оставили (да не зачтется им это), но Господь был со мной и дал мне сил, чтобы проповедь моя была завершена в полноте и ее услышали все народы, и я был избавлен от пасти львиной».

(4) Этими словами он ясно устанавливает, что в первый раз избавился от пасти львиной (апостол, по-видимому, называет так Нерона за его жестокость), дабы в полноте была завершена его проповедь. Ведь дальше он не добавляет ничего вроде: «избавил меня от пасти львиной»; он видел в духе, что кончина его близка, почему к словам «был избавлен он пасти львиной» добавляет:

«Господь избавит меня от всякого зла и спасет в Своем Царствии Небесном», указывая на близкое мученичество.

Еще яснее предсказывает он его в этом же Послании, говоря:

«Я уже предложен в жертву, и время моего отшествия настало».

(6) Он говорит, что, когда он писал Второе послание к Тимофею, с ним был только один Лука, а при первой защите не было даже и его. Вероятно, Лука закончил Деяния тем временем, когда он находился вместе с Павлом.

(7) Заметим, что мученичество Павла пришлось не на то пребывание его в Риме, о котором пишет Лука.

(8) Вероятно, в начале своего царствования Нерон был настроен более кротко и спокойно выслушал защиту веры Павлом; когда же он

дошел до дерзких и беззаконных поступков, он наложил руку как на других, так и на апостола.

ГЛАВА 23

(1) Когда Павел потребовал кесарева суда и Фест отправил его в Рим, иудеи, потеряв надежду на исполнение своих замыслов против него, обратились против Иакова, брата Господня, которого апостолы возвели на епископский престол в Иерусалиме.

(2) Вот на что они осмелились против него: приведя его на свое собрание, они потребовали, чтобы он перед всем народом отрекся от веры в Христа. Он же, вопреки общему ожиданию, произнес перед всей толпой смелую и свободную речь – такой они не ожидали, – исповедуя, что Спаситель и Владыка наш Иисус есть Сын Божий. Они не смогли перенести свидетельства этого человека, которого все за его совершенную жизнь, мудрую и благочестивую, считали праведником; они убили его, воспользовавшись анархией: Фест в это самое время умер в Иудее, в стране были безначалие и беспорядок.

(3) О том, как скончался Иаков, имеются сведения в приведенном нами рассказе Климента: его сбросили с крыла храма и забили до смерти скалкой. О том, что касается Иакова, точнейшим образом рассказывает Егезипп, принадлежавший к первому послеапостольскому поколению; в 6-й книге своих «Записок» он говорит так:

(4) «Брат Господень Иаков получил управление Церковью вместе с апостолами. Все – от времен Господа и доныне – называют его «Праведным»:

имя Иакова носили ведь многие. Он был свят от чрева матери; (5) не пил ни вина, ни пива, не вкушал мясной пищи; бритва не касалась его головы, он не умащался елеем и не ходил в баню.

(6) Ему одному было дозволено входить во Святая святых; одежду носил он не шерстяную, а льняную. Он входил в храм один, и его находили стоящим на коленях и молящихся о прощении всего народа; колени его стали мозолистыми, словно у верблюда, потому что он всегда молился на коленях и просил прощения народу.

(7) За свою великую праведность он был прозван «Праведным» и «Овлием»; слово это означает в переводе «ограда народа» и «праведность»; так и говорили о нем пророки.

(8) Некоторые из семи сект, существовавших в народе и выше мною упомянутых в «Записках», спрашивали у Иакова: что такое «дверь Иисуса»? И он отвечал им, что Иисус есть Спаситель.

(9) Некоторые из них уверовали, что Иисус есть Христос. А вышеназванные секты не верили ни в Воскресение Христа, ни в то, что Он придет воздать каждому по делам его; кто же поверил, тот обязан этим Иакову.

(10) Так как уверовали многие, даже из властей, то иудеи пришли в смятение: книжники и фарисеи стали говорить, что так, пожалуй, весь народ будет ожидать в Иисусе Христа. Все вместе пошли к Иакову и сказали ему:

«Просим тебя, удержи народ: он заблуждается, думая, что Иисус и есть Христос. Просим тебя: вразуми всех, кто придет в день Пасхи, относительно Иисуса; тебе мы все доверяем. Мы и весь народ свидетельствуем о тебе, что ты праведен и не взираешь на лица. Убеди толпу: пусть не заблуждаются об Иисусе (11), и весь народ, и все мы послушаем тебя. Стань на крыло храма, чтобы тебя видели и чтобы слова твои хорошо слышал весь народ. Ведь на Пасху собираются все колена, а с ними и язычники».

(12) У помянутые книжники и фарисеи поставили Иакова на крыло храма и закричали: «Праведный! Мы все обязаны тебе доверять. Народ в заблуждении об Иисусе распятом; объяви нам, что это за «дверь Иисуса». И ответил он громким голосом: «Что спрашиваете меня о Сыне Человеческом? Он восседает на небе одесную Великой Силы и придет на облаках небесных».

(14) Многие вполне убедились и прославили свидетельство Иакова, говоря:

«Осанна Сыну Давидову». Тогда книжники и фарисеи стали говорить друг другу: «Худо мы сделали, позволив дать такое свидетельство об Иисусе.

Поднимемся и сбросим его, чтобы устрашились и не поверили ему».

(15) И они закричали: «Оо! И праведный в заблуждении!» Они исполнили напитанное у Исаии: «Уберем праведного, он для нас вреден; они вкусят плоды дел своих». Они поднялись и сбросили праведника.

(16) И говорили друг другу: «Побьем камнями Иакова Праведного», и стали бросать в него камни, так как, сброшенный вниз, он не умер, но, повернувшись, стал на колени, говоря: «Господи Боже, Отче! Молю Тебя, отпусти им, ибо не знают, что делают».

(17) Когда в него так бросали камнями, один из священников и сыновей Рехава, сына Рехавима, о ком свидетельствовал пророк Иеремия, закричал:

«Остановитесь! Что вы делаете? Молится за вас праведник!» (18) Кто-то из них, какой-то суконщик, ударил праведника по голове скалкой, употребляемой в его деле. Иаков мученически скончался. Его похоронили на том же месте возле храма; стела эта и доныне возле храма. Он правдиво засвидетельствовал и иудеям, и грекам, что Иисус есть Христос. Вскоре Веспасиан осадил их».

(19) Вот рассказ Егезиппа, пространный и с Климентом согласный. Иаков был человеком настолько удивительным и праведность его всем была так известна, что разумные люди из иудеев сочли дерзостное преступление, над ним совершенное, причиной осады Иерусалима, последовавшей сразу после его мученической кончины.

(20) Иосиф не усомнился письменно засвидетельствовать об этом; вот его подлинные слова:

«Это случилось с иудеями в наказание за Иакова Праведного, брата Иисуса, называемого Христом, ибо его, человека праведнейшего, иудеи убили».

(21) О смерти его он так рассказывает в 20-й книге своих «Древностей»:

«Кесарь, узнав о смерти Феста, послал прокуратором Иудеи Альбина.

Анан-младший, о котором мы говорили, что он получил первосвященство, человек смелый и выделявшийся своей дерзостью, принадлежал к секте саддукеев, чей суд, как мы показали, еще более жесток, чем всякий иудейский суд.

(22) Анан – таким уж он был человеком – счел время для себя удобным:

Фест умер, Альбин еще в пути, созвал синедрион, представил ему брата Иисуса, называемого Христом, именем Иакова, и еще некоторых

обвиняемых им в нарушении закона; постановлено было побить их камнями.

(23) Из горожан люди, более умеренные и лучше осведомленные в Законе, тяжело переживали этот приговор и тайно отправили к императору послов, прося запретить Анану подобные действия и сказать ему, что и вначале поступал он неправильно. Некоторые же вышли навстречу Альбину, направлявшемуся из Александрии, и объяснили ему, что Анану не дозволено созывать синедрион без разрешения прокуратора.

(24) Альбин, убежденный их словами, написал Анану гневное письмо, грозя ему темницей; царь же Агриппа лишил его первосвященничсского сана, который он носил три месяца, и поставил вместо него Иисуса, сына Дамеева».

Вот что касается Иакова, которому принадлежит первое из так называемых Соборных посланий.

(25) Следует знать, однако, что оно подложно – из древних его упоминают немногие, также и так называемое Иудино – одно из семи, называемых Соборными. Мы знаем, однако, что их вместе с прочими всенародно читают во многих Церквах.

ГЛАВА 24

На восьмом году царствования Нерона управление Александрийской епархией получил Анниан – первый после евангелиста Марка.

ГЛАВА 25

(1) Когда власть Нерона окрепла, он устремился к делам нечестивым и восстал на веру в Бога Вседержителя. Писать о всех мерзостях, на которые он был способен, не наша нынешняя задача, (2) да и многие оставили очень подробные рассказы о нем; кому любопытно, может ознакомиться с грубостью и безумием этого нелепого человека, безрассудно погубившего тьму людей, не щадившего по своей кровожадности ни родных, ни друзей: он погубил мать, братьев и жену, словно злейших своих врагов, предав их различной смерти.

(3) Недоставало ему одного: стать первым императором-гонителем веры в Бога.

(4) Римлянин Тертуллиан так вспоминает об этом:

«Возьмите записи о вашем прошлом: вы найдете, что Нерон был первым, кто стал преследовать наше учение, когда, покорив весь восток, стал особенно свирепствовать в Риме Мы хвалимся таким зачинателем гонения, ибо кто же, зная его, не подумает, что Нерон не осудил бы христианства, не будь оно величайшим благом».

(5) Итак, этот первый среди властителей богоборец горделиво поднял руку на апостолов. Рассказывают, что Павел при нем был обезглавлен в самом Риме, а Петр распят; рассказ этот подтверждается именами Петра и Павла, уцелевшими на кладбищах этого города.

(6) Это же утверждает и клирик, именем Гай, живший при Римском епископе Зефирине. Письменно возражая Проклу, главе катафригийской секты, он так говорил о тех местах, где положены священные останки упомянутых апостолов:

(7) «Я моту показать тебе победный трофей апостолов. Если ты пойдешь в Ватикан или по Остийской дороге, ты найдешь трофей тех, кто основал эту Церковь».

(8) Что оба (апостола) мученически скончались в одно и то же время, это подтверждает Дионисий, епископ Коринфский, в письме своем к римлянам.

«Вы в вашем сообщении соединили питомники, насажденные Петром и Павлом в Риме и в Коринфе. Оба насаждали у нас в

Коринфе, одинаково научая нас; одинаково они вместе поучали в Италии и мученически скончались в одно и то же время».

Это вот для того, чтобы еще больше подтвердить мой рассказ.

ГЛАВА 26

(1) Иосиф сообщает множество подробностей о бедствиях, обрушившихся на иудейский народ. Между прочим, он рассказывает, что Флор высек многих людей, уважаемых в Иерусалиме, а затем их распял. Он был прокуратором Иудеи, когда на двенадцатом году правления Нерона вспыхнула война.

(2) Он говорит, что после иудейского восстания смятение охватило всю Сирию: повсюду людей этого племени безжалостно, словно врагов, избивало население каждого города; в городах можно было видеть груды непогребенных тел, трупы стариков и детей, брошенные вместе, трупы женщин, совершенно ничем не прикрытые. В каждом округе полно несказанных бедствий; будущее грозило большим, чем ежедневные злодеяния.

Вот дословно рассказ Иосифа. Так поступали с иудеями.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 1

(1) Таковы были события в Иудее. Святые же апостолы и ученики Спасителя рассеялись по всей земле. Фоме, как повествует предание, выпала по жребию Парфия, Андрею – Скифия, Иоанну – Асия, там он жил, там в Эфесе и скончался; (2) Петр, по-видимому, благовествовал иудеям, рассеянным по Понту, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Асии. Под конец жизни он оказался в Риме, где и был распят головой вниз: он сам счел себя достойным такой казни.

(3) Надо ли говорить о Павле, возвещавшем Христово Евангелие от Иерусалима до Иллирика и пострадавшем при Нероне в Риме. В точности так рассказано у Оригена в 3-м томе его Толковании на Бытие.

ГЛАВА 2

После мученической смерти Павла и Петра первым епископом Римской Церкви был по жребию назначен Лин. О нем упоминает Павел, посылая ему привет в конце Послания к Тимофею из Рима.

ГЛАВА 3

(1) Послание Петра, именуемое Первым, признается подлинным, и на него ссылаются в своих писаниях древние святители. Так называемое Второе не числится, как мы слышали, среди книг Нового Запета, но многие считают его полезным и прилежно читают вместе с другими писаниями.

(2) «Деяния» же, «Евангелие», «Проповедь» и «Апокалипсис», называемые по его имени, вовсе, как мы знаем, не включены в сочинения кафолические, и ни древние, ни современные церковные писатели не пользуются их свидетельствами.

(3) В дальнейшем, говоря о преемственно сменявшихся епископах, я буду упоминать кстати, кто из тогдашних церковных писателей какими из оспариваемых книг пользовался, что говорится ими о книгах канонических, признанных, и о тех, которые к ним не относятся.

(4) Но из сочинений, названных Петровыми, я признаю одно-единственное подлинным; оно признано и древними святителями.

(5) Четырнадцать Павловых Посланий известны и принадлежат, несомненно, ему. Следует, однако, знать, что некоторые исключают Послание к Евреям, ссылаясь на Римскую Церковь, которая утверждает, что оно не Павлове. Что по этому поводу говорили наши предшественники, я изложу в свое время. Так называемые «Павловы Деяния» я не считаю среди книг бесспорных.

(6) Сам апостол, заключая приветствиями Послание к Римлянам, упоминает среди прочих Ерма, которому, как говорят, принадлежит книга «Пастырь». Следует знать, что некоторые и ее оспаривают, почему она и не помещена среди общепризнанных. Другие же расценивают ее как необходимейшую, особенно для людей, знакомящихся с началами веры.

Поэтому ее, как мы знаем, читают всенародно в церквах, и мне известно, что некоторые из древнейших писателей ею пользовались.

(7) О писаниях бесспорных и о тех, которые не всеми признаны, довольно.

ГЛАВА 4

(1) Павел, проповедуя язычникам, положил основание церквам, начиная от Иерусалима и его окрестностей и до Иллирика; это явствует из его собственных слов и из повествования Луки в Деяниях Апостолов.

(2) И Петр сам рассказывает, в каких областях благовествовал он обрезанным о Христе, передавая им новозаветное слово. Из сообщений признанного Послания (мы об этом говорили) ясно, что он пишет евреям, находящимся в рассеянии по Галатии, Понту, Каппадокии, Асии и Вифинии.

(3) Сколько и кто из этих людей стали настоящими ревнителями новой веры и оказались по испытании способны стать пастырями Церквей, у них основанных, сказать трудно; можно только перечислить тех, о ком говорит Павел.

(4) У него было множество соработников и, как он их сам называл, «соратников»; большинство из них удостоены памяти непреходящей, ибо Павел неоднократно свидетельствует о них в своих Посланиях. И Лука в Деяниях поименно упоминает наиболее известных.

(5) Рассказывают, что Тимофею первому выпал жребий быть епископом в Эфесской Церкви, а Титу – в Критских церквах.

(6) Лука, уроженец Антиохии и врач по образованию, большей частью находился вместе с Павлом и деятельно общался также с остальными апостолами. От них приобрел он умение врачевать души, каковое и показал в двух богодухновенных книгах: в Евангелии, которое начертал, по его свидетельству, «как передали ему бывшие изначально свидетелями и служителями Слова»; им, по его словам, он и следовал с самого начала книги и в Деяниях Апостолов, которые составил не по рассказам, а как очевидец.

(7) Говорят, что именно его Евангелие обычно имеет в виду Павел, когда пишет о некоем своем Евангелии: «по Евангелию моему».

(8) Из остальных спутников Павла Крискент, по собственному свидетельству апостола, был отправлен в Галлию, а Лин, который во Втором послании к Тимофею упомянут как находящийся вместе с

Павлом в Риме, первым после Петра получил епископство в Римской Церкви (об этом сообщалось выше).

(9) Климент, собрат и сподвижник Павла, по его свидетельству, был третьим Римским епископом.

(10) Лука сообщил также в Деяниях, что член Ареопага, Дионисий именем, который первым уверовал после речи Павла к афинянам в Ареопаге, был первым епископом Афинской Церкви. Какой-то другой Дионисий, из старших, был пастырем Коринфского прихода.

(11) Продвигаясь дальше, мы расскажем своевременно о последовательной смене апостольских преемников. Теперь же перейдем к следующим событиям.

ГЛАВА 5

(1) После Неронова тринадцатилетнего правления прошло полтора года, пока события зависели от Гальбы и Отона, и Веспасиан, прославившийся в Иудейской войне, был в самой Иудее объявлен царем, ибо войско, там находившееся, провозгласило его императором. Он немедленно отправился в Рим, а войну поручил своему сыну Титу.

(2) После же Вознесения Спасителя нашего иудеи, осмелившиеся восстать на Него, стали всячески усердствовать в злоумышлениях против Его апостолов:

сначала побили камнями Стефана, потом обезглавили Иакова, сына Зеведеева, брата Иоаннова, и, наконец, как мы уже рассказывали, умертвили Иакова, который первым по Вознесении Спасителя нашего был избран на епископское седалище в Иерусалиме. Так как тысячами способов покушались они на жизнь и остальных апостолов, то апостолы, изгоняемые из Иудейской земли, отправились с помощью Христовой на проповедь всем народам, ибо Он сказал им: «Идите, научите все народы во имя Мое».

(3) Более того, люди, принадлежавшие к Иерусалимской Церкви, повинуясь откровению, данному перед войной почтенным тамошним мужам, покинули Иерусалим и поселились в Персе, в городе Пелле; уверовавшие в Христа выселились из Иерусалима; вообще все святые оставили столицу Иудеи и всю Иудейскую землю. Божий суд постиг, наконец, иудеев, ибо велико было их беззаконие пред Христом и Его апостолами; стерт был с лица земли род этих нечестивцев.

(4) Сколько горя обрушилось тогда повсеместно на целый народ, и особенно на жителей Иудеи, дошедших до предела бедствий! Сколько юношей в цвете лет вместе с женщинами и детьми погибли от меча, голода или умерли иной смертью! Сколько иудейских городов были в осаде и в какой! Какие ужасы и больше чем ужасы видели беженцы, устремившиеся в Иерусалим, будто в неприступную столицу. А весь облик войны и то, что происходило в отдельных случаях, и какая, наконец, по слову пророков, мерзость запустения в издревле прославленном храме Божием, до основания уничтоженном и сожженном!

Кому любопытно, может в точности прочесть об этом в «Истории» Иосифа.

(5) Необходимо отметить особо его собственный рассказ о том, как на праздник Пасхи собрались люди со всей Иудеи и в Иерусалиме оказалось, как в темнице, заперто около трех миллионов человек.

(6) А надлежало им оказаться запертыми, как в темнице, и принять по Божиему суду гибель как раз в те дни, когда предан был на мучения Спаситель и Благотворитель всех – Христос, Сын Божий.

(7) Я пройду мимо убитых и погибших как-либо по-другому, но считаю обязательным рассказать о страданиях от голода, чтобы читатели моего сочинения могли хоть отчасти узнать, что Господь не откладывал наказания за беззакония, творимые над Христом, Сыном Божиим.

ГЛАВА 6

(1) Итак, возьми 5-ю книгу «Истории» Иосифа и прочти о трагедии тех дней.

«Богатым, – говорит он, – остаться в городе значило погибнуть: под предлогом, что такой-то хочет перебежать к врагу, его убивали – богатства его ради. Вместе с голодом возрастало и безумие мятежников; с каждым днем то и другое разрасталось в нечто страшное.

(2) Хлеба нигде не было видно; мятежники врывались в дома и перерывали все; найдя хлеб, били хозяев за то, что те отказы вались его выдать, а ничего не найдя, пытали их, как злостных укрывателей. Вид несчастных свидетельствовал о том, есть у них что-нибудь или нет. Считалось, что у тех, кто крепок, еда в изобилии; мимо изможденных проходили: бессмысленно было убивать тех, кто вот-вот умрет с голоду.

(3) Многие тайком меняли свое имущество: кто побогаче – за одну меру пшеницы, а кто победнее – за меру ячменя. И затем запирались в самом дальнем углу дома и ели: люди совершенно оголодавшие – просто сырое зерно; другие разваривали его, насколько это допускали необходимость и страх.

(4) Стола нигде не ставили: выхватывали еду из огня и глотали еще полусырую. Жалкая пища и зрелище, достойное слез: те, кто посильнее, хватали побольше, слабые плакали.

(5) Голод одолел все чувства, но что совершенно убил, так это стыд. То, что когда-то было предметом заботы, теперь оказалось в пренебрежении. Пищу изо рта вырывали жены у мужей, дети у отцов и – это вызывает особенную скорбь – матери у малых детей. Родные дети угасали на руках, и от них отнимали крохи, необходимые для жизни.

(6) Но и этим едокам не удалось укрыться. Всюду действовали и грабили мятежники. Если дом был заперт, это был признак, что там едят; тут же выбивали двери, вламывались и уносили кусочки хлеба, только что не выдавив их из горла.

(7) Стариков, вцепившихся в съестное, били; женщин, что-то прятавших в руках, волокли за волосы; не было жалости ни к старческим сединам, ни к младенческому возрасту. Детей, крепко державших кусочек снеди, поднимали вверх и, раскачав, ударяли об пол. Особенно жестоки, словно к своим обидчикам, были к тем, кто, предупреждая их нашествие, успевал проглотить то, что они рассчитывали забрать.

(8) Они придумывали страшные пытки, только бы разыскать съестное.

Несчастным затыкали задний проход стеблями чины и острыми спицами протыкали ягодицы. Даже слушать страшно, какими мучениями вынуждали признаться в том, что припрятан один хлеб или горсть пшеничной муки.

(9) Сами истязатели ничуть не голодали (жестокость, вынужденная необходимостью, казалась бы меньшей); в своем упорном безумии они заготовляли припасы на много дней.

(10) Они выходили навстречу людям, доползавшим по ночам до римских постов, чтобы набрать диких овощей и травы, и, когда те уже думали, что ускользнули от врага, отбирали их ношу и, хотя те умоляли, заклиная страшным именем Божиим, вернуть хоть часть того, что они принесли с опасностью для жизни, часто ничего не возвращали. Хорошо было, если и не убивали ограбленного» (11) Затем он говорит следующее: «Вместе с надеждой на выход из города исчезла у иудеев и всякая надежда на спасение. Голод рос и пожирал целые дома и семейства. На крышах кучи мертвых женщин и младенцев, на улицах трупы стариков; (12) распухшие отроки и юноши блуждали, как привидения, по площадям и падали, где кого заставала смерть. У истощенных не было сил хоронить близких, а кто был еще в силах, те не торопились с похоронами и потому, что трудов было очень много, и потому, что собственная их судьба была темна.

Многие, хороня, тут же и умирали; многие сами шли на кладбище, не дожидаясь смертного часа.

(13) Не было ни надгробного плача, ни воплей; голод подверг проверке чувства: люди, обреченные на горькую смерть, сухими глазами смотрели на тех, кто уже обрел покой. Город окутало глубокое молчание; все гуще становился мрак смертной ночи.

(14) Но разбойники были страшнее. Они подкапывались под дома, грабили мертвых и, сорвав с них покровы, с хохотом удалялись. Они испытывали на мертвых острия своих мечей: меч проверяли, вонзая в упавших, но еще живых людей. Умолявших помочь им рукой и мечом они презрительно оставляли в добычу голоду. Каждый, умирая, не отводил глаз от храма, не думая больше о мятежниках, которые оставались живы.

(15) Эти последние, не вынося зловония, отдали сначала приказ хоронить умерших на общественные деньги, а потом, когда денег не хватило, сбрасывать со стен во рвы. Тит, обходя их, увидел, что они полны мертвых, гниющих тел, из которых целыми ручьями течет сукровица; он застонал и, простерши руки, призвав Бога свидетелем, воскликнул: «Не мной совершено это».

(16) Затем идет такая вставка: «Я не скрою того, сказать о чем велит мне моя скорбь: если бы римляне замедлили наказать преступных, то город или поглотила бы разверзшаяся бездна, или его залило бы потоком, или поразило содомскими громами. Ведь это было поколение, гораздо, безбожнее принявшего ту казнь: ибо от безумия этих людей погиб весь народ».

(17) А в 6-й книге он пишет так: «Погибло в городе от голода неисчислимое множество, страдания бывали невыразимые. В каждом доме, где были какие-то крохи еды, шла воина; самые близкие люди вступали в драку друг с другом, вырывая жалкое средство выжить. Даже умирающим не верили, что у них ничего нет.

(18) Разбойники обыскивали еще дышавших, нет ли у кого еды за пазухой, не притворяется ли человек, что умирает. Люди, разинув от голода рот, спотыкаясь, словно бешеные собаки, и сбиваясь с дороги, натыкались, как пьяные, на двери, и ничего уже не помнили, и за час по два, по три раза заходили в один и тот же дом.

(19) Вынуждены были есть всё: дошли до того, что собирали в пищу то, что не годилось для самых нечистых животных. Не брезгали под конец поясами и сандалиями, сдирали кожу со щитов и жевали ее. В пищу шли клочки старого сена. Некоторые собирали высохшие стебли и продавали за четыре аттических драхмы крохотное по весу количество их. Но что говорить о том, что голод не разбирает между предметами неодушевленными!

(20) Я собираюсь описать одно событие; о таком не расскажут ни у эллинов, ни у варваров; страшно о нем рассказывать: слушаешь и не веришь. Я же, чтобы не показаться потомкам собирателем страшных рассказов, охотно умолчал бы об этом горестном происшествии, если бы свидетелями его не были множество моих современников. И плохую бы услугу оказал я отечеству, не рассказав о всех его страданиях.

(21) За Иорданом в деревне Вафезор (что значит «дом иссопа ") жила женщина, по имени Мария, дочь Елеазара. Была она богата и знатна; вместе с толпой беженцев пришла в Иерусалим и оказалась в осажденном городе.

(22) Тираны расхитили ее имущество, привезенное из Переи в Иерусалим; оставшиеся драгоценности и если что было припасено из съестного похищали ежедневно вламывавшиеся вооруженные люди. Это приводило женщину в негодование, но своей бранью и проклятиями она их только раздражала.

(23) Никто, однако не убил ее ни в гневе, ни из жалости; и вот находить хлеб для других она устала, да и найти его было трудно, а голод проникал в ее внутренности и в самый мозг. Но еще сильнее голода ее жгло неистовое раздражение. Слушаясь советов нужды и собственного ожесточения, она пошла против природы и, схватив дитя – у нее был грудной младенец, – воскликнула:

(24) «Несчастный малютка! Вокруг война, голод, мятеж – для кого из них берегу я тебя? У римлян, если они и оставят нас в живых, ждет рабство, да только голод осилит раньше рабства; а мятежники хуже и того, и другого.

Стань же для меня пищей, для мятежников – проклятием, для людей – страшной сказкой, только такого и не хватало средь иудейских бедствий».

(25) Говоря так, она убивает сына; зажарив, половину съедает, а остальное прячет и хранит. Мятежники появились сразу, учуяв запах этого страшного мяса, и пригрозили немедленно убить ее, если она не покажет то, что приготовила. Сказав им, что для них оставлена хорошая доля, она раскрыла остатки ребенка.

(26) Ужас и смятение охватили их; они окаменели перед этим зрелищем. А она: «Это мое родное дитя и мое дело. Кушайте, ведь и я ела; не будьте слабее женщины и сострадательнее матери. Если же вы

люди благочестивые и отворачиваетесь от моей жертвы, то я ела за ваше здоровье, пусть мне будет и остаток».

(27) Мятежники ушли, трепеща; единственный раз они струсили и уступили матери эту – трудно так назвать ее – пищу. Город был полон ужаса и отвращения. Каждый, воочию представляя эти страсти, содрогался, словно он сам совершил это.

(28) Теперь изголодавшиеся люди мечтали о смерти и почитали счастливцами тех, кто не дожил до того, чтобы увидеть такое или услышать о таком».

ГЛАВА 7

(1) Так поплатились иудеи за свое бесчестие и за беззакония, совершенные над Помазанником Божиим. Стоит привести им неложные слова Спасителя нашего, в которых все это было предсказано: «Горе же имеющим во чреве и питающим сосцами в те дни. Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимой или в субботу, ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и пусть бы не было».

(2) Подсчитывая все число погибших, Иосиф говорит, что были убиты и погибли 20 от голода миллион человек; «оставшиеся мятежники и разбойники, выдававшие друг друга после взятия города, были казнены; юношей, отличавшихся ростом и красотой, берегли для триумфа; из остальных тех, кто были старше семнадцати лет, заковали и отправили на работы в Египет; еще большее число распределили по провинциям умирать в гладиаторских поединках и схватках со зверями. Тех, кто были младше семнадцати лет, отвели в рабство и продали»; только этих последних насчитывалось девяносто тысяч.

(3) Это происходило на втором году царствования императора Веспасиана, согласно с пророчествами Господа нашего Иисуса Христа, Который по Своей Божественной силе провидел будущее, как уже происшедшее. Святые евангелисты пишут, что Он прослезился и заплакал, и приводят слова Его, обращенные к самому Иерусалиму: «О, если бы ты, хотя бы в этот твой день узнал, что служит к миру твоему!

(4) Но это сокрыто ныне от глаз твоих; ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружат тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих…

(5) Велико будет бедствие на земле и гнев на народ этот, и падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы, и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников». И еще: «Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что пришло запустение его».

(6) Сравнивая эти слова Спасителя нашего с историей всей войны у Иосифа, как не удивляться Божественному, воистину сверх

естественному предвидению Спасителя нашего и Его пророчеству?

(7) Незачем еще рассказывать, что случилось со всем народом после спасительных Страстей и тех воплей, которыми иудейская толпа разбойника и убийцу вызволяла от смерти и умоляла забрать от них Владыку жизни.

(8) Справедливо, однако, сказать о том, как проявило себя человеколюбие Всеблагого Провидения: на целых сорок лет после преступления, учиненного над Христом, отложена была их гибель. В эти годы еще были живы многие апостолы и ученики и сам Иаков, первый тамошний епископ, почитаемый в качестве брата Господня; город Иерусалим был местом пребывания их, а они были для него стеной необоримой.

(9) Господь в Своем смотрении долготерпеливо ждал, не раскаются ли они в содеянном и не смогут ли получить прощение и спастись. И при таком великом долготерпении Он еще посылал им удивительные предзнаменования того, что с ними случится, если они не покаются. И так как названный писатель счел их достойными упоминания, то всего лучше сообщить об этом тем, кто обратится к этому сочинению.

ГЛАВА 8

(1) Итак, возьми же его «Историю» и прочти в 6-й книге следующее:

«Несчастным народом руководили тогда обманщики, ложно ссылавшиеся на Бога; поэтому на явные и страшные знамения, предвещавшие будущее запустение, люди не обращали внимания и не верили им. Словно пораженные молнией, ослепшие и потерявшие сознание, они не прислушались к Божиим вещаниям (2) и тогда, когда над городом стояла звезда, похожая на фракийский меч, и целый год не сходила с неба комета. Еще до восстания и волнения, предшествовавшего войне, когда народ собрался на праздник опресноков, в восьмой день месяца ксантика, около девятого часа ночи жертвенник и храм осиял такой свет, что, казалось, наступил ясный день. Это продолжалось около получаса. Людям несведущим это показалось добрым знаком; книжники сразу поняли будущее, еще до того, как оно сбылось.

(3) В этот же праздник корова, которую первосвященник вел в жертву, объягнилась посреди храма.

(4) Восточные внутренние ворота, медные и чрезвычайно тяжелые, которые двадцать человек, с трудом закрыв под вечер, запирали железными коваными засовами, входившими в очень глубокие дыры, около часа ночи сами собой открылись.

(5) А через несколько дней после праздника, в двадцать первый день месяца артемисия, увидели знамение дивное и невероятное; рассказ о нем может показаться сказкой, если бы о нем не передавали очевидцы и если бы последующие бедствия не соответствовали таким знамениям. Перед заходом солнца по всей стране увидели войско в воздухе, боевые колесницы и вооруженные фаланги, стремившиеся сквозь облака и окружавшие город.

(6) А в праздник, именуемый Пятидесятницей, священники, по своему обыкновению вошедшие ночью в храм для богослужения, уловили, по их словам, какой-то шум и движение, а затем и голоса, согласно восклицавшие:

«Выйдем отсюда».

(7) А вот происшествие еще более страшное: некий Иисус, сын Анании, простец, селянин, за четыре года до войны, когда город мирно жил в полном благополучии, придя на праздник, когда по обычаю все строят кущи, вдруг начал кричать в храме: «Речь от востока, речь от запада, речь от четырех ветров, речь к Иерусалиму и храму, речь и женихам и невестам, речь ко всему народу». День и ночь он выкрикивал это по всем улицам.

(8) Кое-кто из людей знатных в народе, досадуя на зловещие слова, велел схватить этого человека и сильно его избить. Он, ничего не сказав в свою защиту и не обратившись к присутствующим, продолжал выкликать то же самое.

(9) Власти, решив – и совершенно верно, – что человек этот одержим чем-то свыше, ведут его к римскому наместнику Его истерзали, бичуя до костей, но он не умолял и не плакал, а только самым жалобным голосом на каждый удар отвечал: «Горе, горе Иерусалиму».

(10) Этот же писатель передает известие, еще более удивительное. В Священном Писании, по его словам, есть предсказание, что как раз в это время некий земляк их будет править миром. Сам он считает, что оно исполнилось на Веспасиане, (11) но ведь Веспасиан правил не всем миром, а только той частью, которой владели римляне. Правильнее было бы отнести это пророчество к Христу, Которому сказано Отцом: «Проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе», и в это же самое время «проходит по всей земле голос святых апостолов и до пределов вселенной слова их».

ГЛАВА 9

(1) После всех этих рассказов следует познакомиться и с Иосифом, который так помогал нам, занятым нашей работой. Откуда он? Какого рода? Он сам так говорит об этом: «Я Иосиф, сын Маттафии, священник из Иерусалима.

Сначала я воевал с римлянами, а в дальнейшем присоединился к ним по необходимости».

(2) В это время он стал самым знаменитым человеком не только у своих соотечественников-иудеев, но и у римлян; его даже почтили в Риме статуей, а его работы были удостоены книгохранилища.

(3) Он в целых двадцати книгах изложил все иудейские древности, а в семи – историю современной ему войны с римлянами. Он написал се, по собственному его свидетельству, не только по-гречески, но и на родном языке и достоин доверия, судя по всему остальному.

(4) Есть у него еще два стоящих сочинения: «О древности иудейского народа», где, между прочим, он возражает Апиону-грамматику, составившему тогда книгу против иудеев, и другим писателям, пытавшимся оклеветать отечественные обычаи иудеев.

(5) В первой из этих книг он устанавливает число книг так называемого Ветхого Завета и говорит, какие у евреев не оспариваются, ибо передаются издревле. Он говорит о них в следующих словах:

ГЛАВА 10

(1) «У нас нет тысяч книг, между собой не согласных, одна другую опровергающих; есть только двадцать две книги, охватывающие неё прошлое и по справедливости считающиеся Божественными.

(2) Из них пять принадлежат Моисею. В них содержатся законы и предания о поколениях людей, живших до его смерти – это промежуток в три тысячи лет без малого.

(3) События от кончины Моисея и до смерти Артаксеркса, царствовавшего в Персии после Ксеркса, описали в тринадцати книгах пророки, жившие после Моисея, современники происходившего. Остальные книги содержат гимны Богу и наставления людям, как жить.

(4) Все случившееся от Артаксеркса и до нашего времени описано, но книги эти не заслуживают такой же веры, как вышеупомянутые, потому что авторы их не находились по отношению к пророкам в строгом преемстве.

(5) Как мы относимся к нашим книгам, это видно на деле: прошло уже столько веков, и никто не осмелился ничего ни прибавить к ним, ни отнять, ни переставить; иудеям врожденна вера в это учение как Божественное: его следует крепко держаться, а если надо, то умирать за него с радостью».

(6) Да пойдут на пользу приведенные здесь слова. Старательно поработал этот человек и над другим, достойным его, произведением:

«Разум-Самодержец». Некоторые означают его именем Маккавейской книги, потому что в нем, как и в так называемых «Книгах Маккавеев», описана мужественная борьба, которую вели евреи за веру и своего Бога.

(7) В конце 20-й книги «Древностей» он сам заявляет о своем намерении изложить в четырех книгах, что думают, согласно вере отцов, иудеи о Боге, Его сущности и законах, почему они разрешают делать одно и запрещают другое. Прилежно работал он и над другими вопросами, о чем вспоминает в своих сочинениях.

(8) Чтобы утвердиться в доверии к его свидетельству о событиях, ему известных, разумно прибавить еще слова, приведенные им в конце «Древностей». Укоряя Юста из Тивериады, тоже пытавшегося написать историю своего времени, в том, что он не писал правдиво, и требуя от него отчета во многом, он заключает такими словами:

(9) «Я вот не боялся, как ты, за свое сочинение. Я вручил императорам эти книги почти в виду происходящего. Я сознавал в себе блюстителя истины, которую я сообщал им, и не ошибся, ожидая от них подтверждения.

(10) Давал я свою историю и многим другим, в том числе и участникам войны, как например царю Агриппе и некоторым его родственникам.

(11) И вот, император Тит пожелал, чтобы люди знакомились с этими событиями только по моим книгам. Он велел их обнародовать, скрепив приказ собственноручной подписью. Царь Агриппа написал шестьдесят два письма, свидетельствуя о правдивости сообщаемого». Два таких письма Иосиф приводит. Но об Иосифе мы сообщили достаточно.

ГЛАВА 11

Перейдем к последующим событиям. После мученической кончины Иакова и непосредственно затем взятия Иерусалима апостолы и ученики Господни, оставшиеся еще в живых, сошлись отовсюду, по преданию, вместе со сродниками Господа по плоти (многие из них были тогда еще живы) и стали все вместе держать совет, кого счесть достойным преемником Иакова. Все единодушно признали достойным здешнего престола Симеона, сына Клеопова, о котором упомянуто в Евангелии. Говорят, что он приходился Спасителю двоюродным братом. Егезипп пишет, что Клеопа был братом Иосифа.

ГЛАВА 12

Рассказывают, что Веспасиан после взятия Иерусалима велел разыскать всех потомков Давида, чтобы не осталось евреям никого из царского рода.

Поэтому поднялось опять на иудеев великое гонение.

ГЛАВА 13

После десяти лет царствования Веспасиана ему наследовал сын его Тит. На втором году его царствования Лин, епископ Римской Церкви, двенадцать лет служивший ей, передал ее Анаклету. Титу, царствовавшему два года и столько же месяцев, наследовал его брат Домициан.

ГЛАВА 14

На четвертый год царствования Домициана Анниан, первый епископ Александрийской Церкви, когда исполнилось двадцать два года его служения, скончался. Его преемником и вторым епископом был Авилий.

ГЛАВА 15

На двенадцатом году царствования Домициана Анаклета, бывшего двенадцать лет епископом Римской Церкви, сменил Климент, которого апостол в Послании к филиппийцам называет своим сотрудником: «С Климентом и прочими сотрудниками моими, которых имена в книге жизни».

ГЛАВА 16

Имеется одно большое и удивительное письмо Климента, согласно признаваемое подлинным; оно написано от имени Римской Церкви к Церкви Коринфской, ибо в Коринфе случился тогда раздор. Мы знаем, что письмо это издавна читали народу во многих церквах; читают и теперь. А что Коринф был охвачен раздором, этому достоверный свидетель Егезипп.

ГЛАВА 17

Домициан был свиреп ко многим людям: казнил в Риме без настоящего суда немало людей видных и знатных; тысячи известных людей, ни в чем не повинных, отправил в изгнание и отобрал их имущество. Под конец он явил себя преемником Нерона в ненависти к Богу и в богоборчестве. Он был вторым поднявшим против нас гонение, хотя отец его Веспасиан не замышлял против нас ничего плохого.

ГЛАВА 18

(1) Тогда же, как рассказывают, апостол и евангелист Иоанн, бывший еще в живых, за свое свидетельство о Слове Божием осужден был жить на острове Патмосе.

(2) Ириней пишет о числе антихристова имени в так называемом Иоанновом Апокалипсисе. В 5-й книге «Против ересей» он говорит об Иоанне слово в слово так:

(3) «Если бы надлежало в настоящее время возвестить имя антихриста, то оно было бы названо тому, кто был тайнозрителем. Откровение было дано ему совсем недавно, почти в наш век, перед концом Домицианова царства».

(4) В описываемое время вера наша настолько просияла, что и писатели, далекие от нашего учения, не замедлили рассказать об этом преследовании и его мучениках. С точностью обозначали они его время: в пятнадцатый год Домициана Флавия Домицилла, племянница Флавия Клемента, одного из тогдашних римских консулов, за исповедание Христа была вместе со многими другими наказана ссылкой на остров Понтию.

ГЛАВА 19

Есть древнее сказание о том, что когда Домициан распорядился истребить всех из рода Давида, то кто-то из еретиков указал на потомков Иуды (он был братом Спасителя по плоти), как происходящих из рода Давида и считающихся родственниками Христа. Об этом так дословно повествует Егезипп:

ГЛАВА 20

(1) «Еще оставались из рода Господня внуки Иуды, называемого по плоти братом Господним. На них указали как на потомков Давида. Эвокат привел их к кесарю Домициану: тот боялся, так же, как и Ирод, пришествия Христа.

(2) Он спросил их, не из рода ли они Давидова; они сказали, что да. Тогда спросил, какое у них состояние и сколько денег у них в распоряжении. Они сказали, что у них, у обоих, имеется только девять тысяч динариев, из которых каждому причитается половина; они у них не в звонкой монете, а вложены в тридцать девять плетров земли. Они вносят с нее подати и живут, обрабатывая ее своими руками.

(3) Затем они показали свои загрубелые руки в мозолях, свидетельствовавшие о тяжком труде и непрестанной работе.

(4) На вопрос о Христе и Его Царстве, что это такое, где и когда оно явится, они ответили, что оно не от мира и будет не на земле, а на небе с ангелами и явится при свершении века, когда Христос, придя во славе, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому за его жизнь.

(5) Домициан, не найдя в них вины, презрительно посчитал их глупцами и отпустил на свободу, а гонение на Церковь прекратил указом.

(6) Освобожденные стали во главе Церквей как мученики и как происходящие из рода Господня. Времена настали мирные, и они дожили до воцарения Траяна».

(7) Это пишет Егезипп; вспоминает о Домициане и Тертуллиан: «Попытался он делать то же самое, унаследовав нечто от Нероновой жестокости, но, думаю, имея долю здравого смысла, скоро остановился, возвратив и тех, кого изгнал».

(8) После пятнадцатилетнего владычества Домициана власть принял Нерва; историки того времени пишут, что по постановлению римского сената почести Домициану были отменены, а несправедливо высланные им возвращены.

(9) Тогда же, как сообщают наши древние писатели, апостол Иоанн покинул остров, куда был сослан, и устроился на жительство в Эфесе.

ГЛАВА 21

После Нервы, царствовавшего год с небольшим, власть получил Траян. В первый же год его царствования Авилия, тринадцать лет управлявшего Александрийской Церковью, сменил Кердон. После Анниана, первого тамошнего епископа, он был третьим. В Риме в это время Церковью управлял Климент, тоже третий из получивших там епископское достоинство после Павла и Петра. Первым был Лин, после него – Анаклет.

ГЛАВА 22

В Антиохии после первого епископа Еводия славен был Игнатия, второй епископ; Симеон тоже был вторым, управлявшим в это время Иерусалимской Церковью после Иакова, брата Спасителя нашего.

ГЛАВА 23

(1) В это время в Асии еще жил апостол и он же евангелист Иоанн, тот самый, кого возлюбил Иисус. По возвращении из ссылки с острова после смерти Домициана он имел попечение о тамошних Церквах. Что он дожил до этого времени, это достаточно засвидетельствовано двумя вернейшими свидетелями, вождями церковного правоверия: Иринеем и Климентом Александрийским.

(3) Первый из них во 2-й своей книге «Против ересей» повествует дословно так: «Все асийские пресвитеры, общавшиеся с Иоанном, учеником Господним, свидетельствуют, что он рассказывал об этом; он ведь был с ними до времени Траяна».

(4) В 3-й же книге того самого сочинения он пишет: «И Церковь, основанная Павлом в Эфесе – Иоанн жил там до времени Траяна, – правдивая свидетельница апостольского рассказа».

(5) Климент, тоже упоминающий это время, поместил в своем сочинении, озаглавленном «Какой богач спасется», этот рассказ, очень поучительный для тех, кто любит слушать хорошее и полезное. Возьми же и прочти, что написано:

(6) «Выслушай не сказку, а рассказ об апостоле Иоанне. Его нам передали, а мы его крепко запомнили. Вернувшись после смерти тирана с Патмоса в Эфес, он, по приглашению, навещал ближайшие местности – где поставить епископов, где устроить целые Церкви, где ввести в клир человека, указанного Духом.

(7) Придя в один город неподалеку (некоторые называют и его имя), он водворил спокойствие среди братьев, и, заметив юношу, видного собой, красивого и пылкого, апостол обратился к тамошнему епископу, которого поставил: «Я целиком вверяю его тебе пред лицом Церкви и Христа». Епископ юношу взял и все пообещал; а Иоанн повторил свои слова и просил вновь их засвидетельствовать.

(8) Затем он отбыл в Эфес, а епископ, взяв к себе в дом порученного ему юношу, содержал его, опекал, оберегал и, наконец, окрестил. Теперь он стал менее заботлив и менее охранял его, считая вернейшей охраной печать Господа.

(9) К юноше, преждевременно выпущенному на волю, на погибель ему, пристали сверстники – отъявленные бездельники, привыкшие к дурному.

Сначала они водили его с одного роскошного пира на другой, затем повели ночью на воровство, а затем сочли способным участвовать и в больших преступлениях (10) Он постепенно привыкал и по своей богатой природе, словно мощный, норовистый конь, закусил удила, свернул с прямой дороги и понесся прямо в пропасть.

(11) Отчаявшись наконец спастись в Боге, он стал замышлять дела немалые раз все равно погибать, так уж страдать наравне с другими, свершив нечто крупное. Он собрал разбойничью шайку из тех самых товарищей и стал истым ее главарем: насильником, убийцей, злодеем паче всех.

(12) Между тем, по какому-то нужному делу пригласили Иоанна. Он, устроив все, ради чего прибыл, говорит: «Теперь отдай нам, епископ, залог, который я и Христос вверили тебе, чему свидетельницей Церковь, который ты управляешь» (13) Епископ сначала перепугался, думая, что его ложно обвинили в похищении денег, которых он не брал, он не мог согласиться с тем, чего не было, но не мог и не доверять Иоанну. «Юношу и душу брата твоего требую», – сказал тот Тогда епископ застонал из глубины сердца и сказал:

«Умер он». – «Как и какой смертью?» – «Умер для Бога: законченный негодяй и, более того, разбойник; вместо Церкви он теперь на горе с воинством ему подобных».

(14) Апостол разорвал на себе одежду и, громко стеная, осыпал ударами свою голову: «Хорошего же стража оставил я брату! Коня мне и кого-нибудь проводником». И прямо тут же он, как был, поскакал от церкви.

(15) Приехав, куда указали, он был схвачен разбойничьей заставой, но не стал ни убегать, ни отпрашиваться, а кричал: «Я за тем и пришел: ведите меня к своему начальнику».

(16) Тот вооружился и стоял, поджидая, но, узнав подходившего Иоанна, кинулся от стыда бежать. Иоанн, забыв свои лета, погнался за ним что было мочи с воплем:

(17) «Дитя, что ты бежишь от меня, своего отца, от безоружного, от старого?

Пожалей меня, дитя! Не бойся, есть у тебя еще надежда на жизнь. Я отвечу Христу за тебя; если нужно, смерть за тебя приму, как принял ее за нас Господь. Душу отдам за тебя. Остановись же, поверь: Христос послал меня».

(18) Разбойник слушал, постоял, сперва потупившись, затем бросил оружие и, содрогаясь в горьких рыданиях, обхватил подошедшего старца; защитой ему был его плач, слезами он крестился вторично. Все время, однако, он прятал правую руку.

(19) Апостол клятвенно поручился, что обретено ему прощение у Спасителя; умолял его, стоял на коленях и поцеловал правую его руку, как очищенную покаянием, и привел его таким образом обратно в Церковь. Непрестанно молясь за него, непрестанно упражняя его в посте и сам постясь с ним, наставляя его всячески умилительными сказаниями, он оставил его, говорят, не раньше, чем водворил в Церковь того, кто подал великий пример истинного покаяния, великое знамение возрождения и победный знак зримого воскресения».

ГЛАВА 24

(1) Вот рассказ Климента, приведенный мною для ознакомления и назидания тех, кому случится его прочесть.

Отберем несомненные писания этого апостола.

(2) Во-первых, бесспорно признается за ним Евангелие, известное всем Церквам, существующим под небом. Почему древние столь разумно отвели ему четвертое место после остальных трех, это сейчас станет ясно.

(3) Дивные и воистину угодные Богу мужи – я говорю об апостолах Христовых, – проводившие жизнь в совершенной чистоте, украсившие душу всеми добродетелями, говорили языком простым. Они полагались на Божественную и чудесную силу, дарованную Христом, но не умели, да и не пытались рассказать об учении Христа убедительным и искусным словом.

Только при помощи Духа Божия и по Его указанию, только по чудодейственной силе Христовой, в них действовавшей, разносили они по всей вселенной весть о Царствии Небесном, не умея тщательно подбирать слова, да и мало об этом беспокоясь.

(4) Они поступали так, потому что несли служение великое и превышающее человеческие силы. Ведь и Павел, превосходивший всех богатством слов и обилием мысли, написал только несколько коротеньких Посланий, хотя мог поведать о многом неизреченном, ибо, созерцая третье небо и прикоснувшись ему, восхищенный в дивный рай, удостоился слышать слова несказанные.

(5) Ведомы они были и остальным последователям Спасителя нашего:

двенадцати апостолам, семидесяти ученикам и множеству других, и, однако, воспоминания о жизни с Христом оставили из них нам только Матфей и Иоанн, да и они, по преданию, взялись писать по необходимости.

(6) Матфей первоначально проповедовал евреям; собравшись же и к другим народам, вручил им свое Евангелие, написанное на родном языке. Отзываемый от них, он оставил им взамен себя свое Писание.

(7) Уже и Марк, и Лука дали людям свои Евангелия, а Иоанн, говорят, вес время проповедовал устно и только под конец взялся за писание вот по какой причине. Когда первые три Евангелия разошлись повсюду и дошли до него, он, говорят, счел долгом засвидетельствовать их правдивость, но заметил, что в них недостает рассказа о первых деяниях Христовых, совершенных в самом начале Его проповеди. И это верно.

(8) Трое евангелистов знали, по-видимому, только то, что совершил Спаситель в течение года после заключения Иоанна Крестителя в темницу. Об этом они написали и с этого начали свое повествование.

(9) Матфей, действительно, после рассказа о сорокадневном посте и последующем искушении сам указывает на время, о котором пишет. «Услышав же, что Иоанн отдан под стражу, удалился (из Иудеи) в Галилею». Так же и Марк:

(10) «После того, как предан был Иоанн, пришел Иисус в Галилею». И Лука соблюдает приблизительно тот же срок: прежде чем говорить о делах Спасителя, он упоминает, что Ирод добавил к своим преступлениям еще одно.

«Заключил Иоанна в темницу» (11) Иоанна, говорят, стали поэтому упрашивать поведать в своем Евангелии о том времени, о котором молчат первые евангелисты, и о делах, совершенных Спасителем тогда, а именно – до заключения Крестителя Он и сам говорит об этом. «Так положил Иисус начало чудесам», и, рассказывая о делах Иисуса, вспоминает, что Креститель тогда еще крестил в Еноне, близ Салима, это ясно из его слов: «Иоанн еще не был брошен в темницу».

(12) Иоанн в своем Евангелии повествует только о том, что свершил Христос до того, как Иоанн был брошен в темницу; остальные же три евангелиста – о том, что было после заключения Крестителя.

(13) Вот почему человеку, который это учтет, не придет в голову, что они разногласят между собой; Евангелие от Иоанна охватывает первоначальную деятельность Христа, остальные дают историю последних Его лет Иоанн, видимо, умолчал о родословной по плоти Спасителя нашего потому, что Матфей и Лука ее уже изложили, и

начал с учения о Его Божественности, которое для него, как более достойного, словно оберегал Дух Божий.

(14) О Евангелии от Иоанна сказано достаточно. Причина, по которой написал Евангелие Марк, указана нами выше.

(15) Лука, приступая к своему творению, сам привет причину, почему за него принялся так как многие торопливо и необдуманно взялись за изложение событий, ему в точности известных, то он счел необходимым избавить нас от споров и сомнении и в своем Евангелии правдиво рассказал о событиях, в достоверности которых убедился, беседу я с Павлом и общаясь с остальными апостолами.

(16) Вот что следовало сказать о Евангелиях; мы постараемся кстати и точнее, используя и высказывания старых писателей, изложить и другие мнения.

(17) Из писаний Иоанна, кроме Евангелия, бесспорным и сейчас, и в старину признается Первое послание.

(18) Два остальных оспариваются, мнения об Апокалипсисе расходятся и доныне. В свое время и они подвергнуты будут суду на основании свидетельства древних.

ГЛАВА 25

(1) Тут, кстати, перечислим уже известные нам книги Нового Завета. На первом месте поставим, конечно, святую четверицу Евангелий, за ней следуют Деяния Апостолов; (2) потом Павловы Послания, непосредственно за ними – Первое Иоанново и бесспорное Петрово, а потом, если угодно. Апокалипсис Иоанна, о котором в свое время поговорим. Это книги бесспорные (3) Среди оспариваемых, но большинством принятых Послания, именуемые одно Иаковлевым, другое Иудиным, и Второе Петрово, также Второе и Третье Иоанновы, может быть, они принадлежат евангелисту, а может быть, какому-то его тезке.

(4) К подложным относятся: «Деяния Павла», книга под названием «Пастырь», «Апокалипсис Петра», «Послание», признаваемое Варнавиным, так называемое «Учение апостолов» и, как я сказал, пожалуй, Иоаннов Апокалипсис, который одни отвергают, а другие относят к признанным книгам.

(5) Некоторые помещали среди этих книг и «Евангелие евреев», которое больше всего любят евреи, уверовавшие в Христа. Все это книги отвергаемые, (6) и мы сочли необходимым составить их список, полагая, что мы должны знать, какие книги подлинны, не измышлены и приняты церковным преданием и какие, наоборот, из книг Нового Завета исключены, хотя известны большинству церковных писателей. Следует знать и эти книги, и те, которые у еретиков слывут под именем «Евангелий» апостолов: Петра, Фомы, Матфия и еще других, а также «Деяния» будто бы Андрея, Иоанна и прочих апостолов.

Эти книги никогда не удостаивал упоминания ни один из церковных писателей.

(7) Да и речь их и слог очень отличаются от апостольского духа, мысли же и все учение в целом далеко не согласуется с истинным правоверием: это явно выдумки еретиков. Поэтому книги эти следует не то что причислять к подложным, а вовсе отвергать, как совершенно нелепые и нечестивые.

ГЛАВА 26

(1) А теперь перейдем к изложению дальнейших событий. Менандр, преемник Симона Волхва, оказался вторым орудием диавола, и не хуже первого Он был тоже самарянин; поднявшись, как учитель, до вершин чародейного искусства, он еще больше удивлял своими фокусами, говоря, что он спаситель, посланный для спасения людей откуда-то свыше, из области незримых эонов.

(2) Он учил, что никто даже из ангелов, создателей космоса, не может достичь совершенства, пока он опытно не познакомится с магией, которой он, Менандр, обучает, и от него не примет крещения Удостоившиеся его будут вечно жить этой самой жизнью, никогда не умрут, останутся тут же вечно молодыми и бессмертными. Об этом легко узнать у Иринея (3) И Иустин, вспоминая Симона, рассказывает, между прочим, следующее:

«Мы знаем, что Менандр, тоже самарянин из деревни Капаратеи, ученик Симона, также подстрекаемый демонами, будучи в Антиохии, многих обманул своим магическим искусством. Он убедил своих учеников, что они не умрут. И теперь есть его последователи, которые думают так же».

(4) Действовал же здесь, конечно, диавол, старавшийся через этих шарлатанов, принявших имя христиан как магию, оклеветать великую тайну веры и опорочить церковное учение о бессмертии души и воскресении мертвых. Те, кто избрали себе этих спасителей, утратили истинную надежду.

ГЛАВА 27

(1) Лукавый демон, бессильный уничтожить любовь ко Христу, Сыну Божию, нашел слабую сторону у людей и забрал их в свое владение. Первые христиане метко прозвали их эвионитами. Представление их о Христе было убого и низменно.

(2) Они считали Его простым человеком, как все, который за одну свою нравственную высоту признан праведником. Родился он от брачного общения Марии и ее мужа. Нужно полностью соблюдать обряды, требуемые Законом; по их мнению, одной верой во Христа и жизнью по вере они не спасутся (3) Другие, наряду с ними носящие то же имя, упомянутых нелепостей избежали. Они не отрицают, что Христос родился от Девы и Духа Святого, но заодно с первыми не признают предвечного существования Христа, Слова и Премудрости Божией, эти тоже свернули в нечестие первых, тем более что они так же старательно выполняли все требования обрядового Закона.

(4) Они считали, что Послания апостола Павла должны быть вовсе отвергнуты, и обзывали его отступником, читали только так называемое «Евангелие от Евреев», а остальными книгами пренебрегали.

(5) Хранили, подобно иудеям, субботу и другие иудейские обычаи, но чтили, почти как мы, Господние дни и память спасшего нас Воскресения.

(6) Потому и получили они прозвание «эвиониты», указывающее на нищету их разума: ведь у евреев так зовут нищих.

ГЛАВА 28

(1) Мы знаем, что в это время жил и глава другой ереси – Керинф. Гай, слова которого я приводил уже раньше, в своих рассуждениях пишет о нем» (2) «И Керинф в откровениях, написанных будто бы великим апостолом, помещает лживые рассказы о чудесах, показанных ему ангелами; он говорит, что после воскресения наступит земное царство Христово и люди во плоти, вновь поселившиеся в Иерусалиме, будут рабами желании и наслаждении. Враг Писания, он, желая обмануть людей, говорит, что тысячелетие пройдет в брачном празднестве».

(3) И Дионисий, бывший в наше время епископом Александрийским, во 2-й книге «Об обетованиях», говоря об Иоанновом Откровении, так вспоминает об этом человеке, следуя древнему преданию:

(4) «Керинф, создатель ереси, названной по его имени «керинфовой», напутствовал свои выдумки внушающим доверие названием. Вот основное в его учении: земным будет царство Христово; осуществится то, к чему он сам стремился – а любил он плоть и был очень чувствен, – и можно будет жить, как он мечтал: желудок и то, что ниже его, будут вполне удовлетворены едой, питьем и брачным сожитием. Все это он думал облагообразить, называя празднествами, приношениями, жертвами» (6) Так говорит Дионисий. Ириней же в 1-й книге своего сочинения «Против ересей» сообщает подробности о его гнусном лжеучении, а в 3-й передает рассказ, забвения не заслуживающий. Ссылаясь на Поликарпа, он рассказывает, что апостол Иоанн пришел однажды помыться в баню, но, узнав, что тут же находится и Керинф, вскочил с места и выбежал вон: не мог он оставаться под одной с ним кровлей. И спутников уговаривал поступить так же:

«Бежим, как бы не обрушилась баня, там ведь находится враг истины Керинф».

ГЛАВА 29

(1) В это же время существовала – очень недолго – так называемая ересь николаитов; она упомянута и в Откровении Иоанна. Ее последователи хвалились, что Николай был одним из диаконов, товарищей Стефана, поставленных апостолами для служения бедным.

Климент Александрийский в 3-й книге «Стромат» так рассказывает о нем:

(2) «…У него была жена в цвете лет. Когда по Вознесении Спасителя апостолы стали его укорять за то, что он ревнует жену, он вывел ее на середину и предложил брать ее в жены всякому, кто пожелает. Такое поведение, говорят, согласовалось с его изречением: «плоть не надо щадить».

И вот его поступку и его словам стали следовать прямо и без рассуждения:

последователи его ереси предавались бесстыдному разврату.

(3) Я же слышал, что Николай не знал ни одной женщины, кроме своей жены, что его дочери состарились девственницами, а сын остался неиспорченным. Если это так, то вывести к апостолам горячо любимую жену значило попрать страсть, и слова «плоть не надо щадить» звали к воздержанию от желанных наслаждений. Думаю, он не хотел по заповедям Спасителя «служить двум господам»: наслаждению и Господу.

(4) Так, говорят, учил и Матфий: «С плотью надо бороться и не щадить ее, поддаваясь наслаждению: надо взращивать душу версии знанием». О людях, приложивших тогда руку к тому, чтобы осудить истину, и скорее, чем отзвучит произносимое слово, бесследно исчезнувших, сказанного достаточно».

ГЛАВА 30

(1) Климент, слова которого мы только что читали, упомянув отрицающих брак, перечисляет апостолов, о которых в точности известно, что они были женаты. Он говорит: «Или они и с апостолами не посчитаются? У Петра и Филиппа были дети; Филипп выдал и дочерей своих замуж; Павел не стесняется в одном своем Послании приветствовать жену, которую он не брал с собой, чтобы не затруднять свое дело служения».

(2) Раз мы об этом вспомнили, то стоит привести и другой достопамятный его рассказ, помещенный в 7-й книге его «Стромат»: «Говорят, что блаженный Петр, видя, как ведут его жену на смерть, обрадовался, что ее призвали и она возвращается домой. Он окликнул ее по имени, убеждал и утешал, говоря:

«Помни Господа!» В таком браке жили эти блаженные люди, так безупречны были отношения между самыми близкими людьми».

Эти рассказы, подходящие к данному повествованию, помещены здесь кстати.

ГЛАВА 31

(1) Что касается кончины Павла и Петра, то нами еще раньше сказано, когда и как они умерли и в каком месте погребены их тела.

(2) О времени Иоанновой кончины тоже сказано; место его погребения называет Поликрат (он был епископом в Эфесе) в своем письме Виктору, епископу Римскому. Там же упоминает он и об апостоле Филиппе и его дочерях. Он пишет:

(3) «В Асии покоятся великие светила, которые воскреснут в последний день, когда Господь низойдет с неба во славе Своей и разыщет всех святых:

Филиппа, одного из двенадцати, который покоится в Иераполе, обеих дочерей его, состарившихся в девстве, и еще одну дочь, которой руководил Дух Святой и которая почивает в Эфесе. И Иоанн, возлежавший на груди у Господа, священник, носивший золотую дощечку, мученик и учитель, покоится в Эфесе».

(4) Вот сведения об их кончине. В диалоге Гая, которого мы недавно вспоминали, Прокл, против которого написано это исследование, говорит о кончине Филиппа и его дочерей согласно с вышеизложенным: «После него четыре пророчицы, дочери Филиппа, жили в Иераполе, асийском городе. Там же находится могила и отца их».

(5) Так говорит он. Лука же в Деяниях Апостолов упоминает дочерей Филиппа: они жили вместе с отцом в Кесарии Иудейской и удостоены пророческого дара. Вот его рассказ дословно: «Мы пришли в Кесарию и, вшедши в дом Филиппа-благовестника, который был одним из семи, остались у него. У него были четыре дочери, девицы пророчествующие».

Мы изложили по порядку в этих главах все дошедшие до нас сведения об апостолах, апостольских временах и священных книгах, которые они нам оставили; о книгах оспариваемых, но в большинстве Церквей всенародно читаемых, наконец, о заведомо подложных, отошедших от апостольского правоверия. Перейдем теперь к рассказу о дальнейших событиях.

ГЛАВА 32

(1) После Нерона и Домициана, при императоре, чье время мы теперь описываем, частичные гонения на нас по городам поднимала восставшая чернь. В таком гонении, как передают, мученической кончиной завершил жизнь Симеон, сын Клеопов, который, как мы сказали, был вторым епископом Иерусалимской Церкви.

(2) Это засвидетельствовано тем самым Егезиппом, у которого мы и раньше черпали разные сведения. Так вот, рассказывая о разных еретиках, он сообщает, что Симеон был обвинен ими; обвиняемый в принадлежности к христианству и многообразно мучимый в течение многих дней, он потряс судью и его окружающих и снискал конец жизни, напоминавший страдания Христа.

(3) Лучше всего, однако, послушать самого писателя; вот его рассказ дословно: «Некоторые из этих еретиков донесли на Симеона, сына Клеопова, что он потомок Давида и христианин. Так он и пострадал, ста двадцати лет от роду, при императоре Траяне и консуле Аттике».

(4) Он же рассказывает, что когда разыскивали потомков царей иудейских, то и обвинителей схватили, как происходящих из царского рода. Можно заключить, что этот Симеон был из числа тех, кто лично видел и слушал Господа, и в подтверждение сослаться на его возраст и упоминание в Евангелии о Марии, жене Клеопы; этот Симеон был его сыном, об этом сказано раньше.

(5) Тот еже писатель говорит, что потомки Иуды, одного из упоминаемых братьев Спасителя, дожили до этого царствования; о том, как они исповедали веру Христа при Домициане, рассказано раньше. А пишет он так:

(6) «Они приходят и становятся во главе всей Церкви, как свидетели и родственники Господа. Среди глубокого мира в Церкви дожили они до кесаря Траяна, до того времени, когда сын дяди Господа, вышеупомянутый Симеон, сын Клеопов, оклеветанный еретиками, был при консуле Аттике так же обвинен и в том же самом. Мучимый в течение многих дней, он потряс своим непоколебимым исповеданием Христа всех, и в особенности консула, который

спрашивал себя: как старик ста двадцати лет выносит все эти мучения? Его распяли».

(7) В заключение этот же писатель, излагая современные ему события, говорит, что до того времени Церковь была как чистая непорочная дева; пытавшиеся погубить здравое и спасительное благовестие, если и были, то сидели, забившись в свои темные углы, и оставались в неизвестности.

(8) Когда же святой апостольский лик окончил так или иначе свою жизнь и ушло поколение, удостоившееся своими ушами слышать голос Божественной Премудрости, тогда под влиянием лжеучителей, с их обманами, начался разброд и безбожие. Так как не оставалось в живых никого из апостолов, они решили в открытую противопоставить проповеди истины свое лжеименное знание (гнозис).

ГЛАВА 33

(1) В то время многие места охватило такое гонение на нас, что Плиний Секунд, из наместников самый знаменитый, встревоженный большим числом мучеников, написал императору о большом числе людей, гибнущих за веру, и тут же сообщил, что не смог уличить их в нечестии и в чем-либо противозаконном; встав на заре, они воспевают Христа как Бога; запрещают прелюбодействовать, убивать и совершать другие подобные проступки; поступают они во всем по законам.

(2) В ответ Траян издал указ: христиан не разыскивать; попавшегося – наказывать. Гроза страшного гонения, висевшего над нами, до некоторой степени рассеялась, но для людей, желавших навредить нам, возможностей оставалось ничуть не меньше; в одном месте злое дело замышляла чернь, в другом – его готовили местные власти; явных гонений не было; возникали частичные по провинциям, и многие верующие в борьбе за веру были по-разному замучены.

(3) Рассказ об этом взят из латинской Апологии Тертуллиана (мы говорили о ней выше), которая в переводе гласит так: «Впрочем, мы обнаружили, что разыскивать нас было запрещено. Плиний Секунд, правитель провинции, приговаривал христиан и лишал их звания граждан; смущенный их множеством, не зная, что ему впредь делать, написал императору Траяну:

никакого нечестия он у них не нашел, кроме разве нежелания служить идолам.

Указал он еще, что христиане, встав на заре, воспевают Христа как Бога и, соблюдая свое учение, запрещают убивать, прелюбодействовать, наживаться, воровать и вообще совершать что-либо подобное. Траян ответил, что христиан не надо разыскивать; но попавшегося наказывать». Так тогда и было.

ГЛАВА 34

В третий год царствования упомянутого императора Климент, епископ Римский, скончался, передав свое служение Эваресту. В течение девяти лет он возглавлял обучение Божественному слову.

ГЛАВА 35

После смерти Симеона, описанной нами, епископский престол в Иерусалиме занял еврей Иуст; в то время было уже много обрезанных, которые уверовали во Христа; Иуст был одним из них.

ГЛАВА 36

(1) Особо замечательным был тогда в Асии Поликарп, собеседник апостолов, поставленный в епископы Смирнской Церкви от видевших Господа и служивших Ему.

(2) Известны и его современники: Папий, также епископ в Иераполе; Игнатий, многими и доныне прославляемый, второй после Петра епископ Антиохийский.

(3) Рассказывают, что он был отправлен из Сирии в Рим и отдан на съедение зверям за исповедание Христа.

(4) Проходя по Асии под надзором строжайшей охраны, он в городах на остановках укреплял верующих беседой и увещаниями, уговаривал прежде всего беречься ересей, тогда только что явившихся на свет Божий, и убеждал крепко держаться апостольского Предания, которое он, идя на мученичество, счел необходимым закрепить письменно.

(5) Так, будучи в Смирне, где находился Поликарп, он написал послание Эфесской Церкви, упоминая ее пастыря Онисима; другое – в Магнезию на Меандре (тут он упоминает епископа Дамаса) и еще одно – в Траллы, где, по его сообщению, управлял Полибий.

(6) Написал он и Римской Церкви, умоляя не ходатайствовать за него и не лишать надежды на желанное мученичество. Стоит привести краткую выдержку в подтверждение сказанного. Вот его послание слово в слово:

(7) «На пути от Сирии до Рима я сражаюсь днем и ночью, на суше и на морс с дикими зверями, десятью леопардами, иначе говоря, отрядом в десять воинов, которые, если им делать добро, становятся еще хуже. Я даже учусь на их обидах, но тем «не оправдываюсь».

(8) Хорошо, если бы звери были мне уже готовы; молюсь, да будут готовы послужить мне. Я буду ласкать их и уговаривать поскорее съесть меня (они со страху до некоторых не дотрагивались), а если они не захотят, я их заставлю.

(9) Простите меня, я знаю, что мне полезно. Я теперь начинаю быть учеником; ничто мне не в радость – ни зримое, ни незримое, только бы встретить Иисуса Христа. Пусть огонь, и крест, и стая

зверей; пусть разбросают мои кости, отрубят члены, смелют в муку все тело; пусть придут на меня муки диавола – только бы встретить Иисуса Христа».

(10) Так писал он перечисленным Церквам из указанного города. Находясь уже за пределами Сирии, он писал из Троады жителям Филадельфии и в Смирну – Церкви и особо ее предстоятелю Поликарпу. Хорошо зная его как мужа апостольского, он, добрый, истинный пастырь, поручил ему свою антиохийскую паству и просил ревностно о ней заботиться.

(11) Он же в письме к жителям Смирны говорит о Христе (не знаю, откуда заимствовал он эти сведения): «Знаю и верю, что после воскресения Он являлся во плоти. И когда Он пришел к Петру и бывшим с ним, Он сказал:

«Потрогайте Меня, увидите, что Я не бестелесный дух». Они тотчас осязали Его и поверили».

(12) Знал о его мученичестве и Ириней; он упоминает о его посланиях и говорит: «Как сказал один наш человек, осужденный за исповедание Бога на съедение зверям: «Я пшеница Господня, и размалывают меня зубы зверей, чтобы я стал чистой мукой».

(13) И Поликарп вспоминает о том же в Послании своем к филиппийцам.

Приведем его слова: «Уговариваю вас всех повиноваться и терпеть. Вы воочию видели, как терпели не только блаженные Игнатий, Руф и Зосима, но и другие ваши люди, сам Павел и остальные апостолы. Верьте, что прошли они свой путь не вотще, а с верой и правдой и находятся сейчас в месте, уготованном у Господа, с Которым они и страдали, ибо любили не мир нынешний, а Того, Кто умер за нас и ради нас воскрешен Богом». И дальше он добавляет:

(14) «Вы, как и Игнатий, писали мне, что если кто отправляется в Сирию, то пусть отвезет и ваши письма. Я так и сделаю при случае либо сам, либо через человека, который будет и вашим вестником.

(15) Послания Игнатия, которые он писал ко мне, и другие, у меня оказавшиеся, я отправил вам, как вы и наказывали: они приложены к этому письму. Вы можете получить от них великую пользу: в них вера, терпение и наставление, как служить Господу».

Вот сведения об Игнатии; преемником его в Антиохии по епископству был Эрот.

ГЛАВА 37

(1) Среди славных людей того времени был и Кодрат, отличавшийся, как и дочери Филиппа, даром пророчества. Известны и многие другие их современники – ряд мужей, пришедших на смену апостолов. Достойные ученики таких мужей, они повсюду продолжали устраивать Церкви, основания которых положили апостолы, шли всё дальше со своей проповедью и во всю ширь вселенной сеяли спасительные семена Царства Небесного.

(2) Многие из тогдашних учеников, чью душу слово Божие поразило великим любомудрием, исполняли прежде всего спасительную заповедь:

раздавали свое имущество бедным, а затем отправлялись путешествовать и выполнять дело евангелистов, спеша преподать слово веры тем, кто о ней вовсе не слыхал, и передать книги Божественных Евангелий.

(3) Заложив где-нибудь на чужбине только основание веры, они ставили пастырями других люден, поручали им только что приобретенную ниву, а сами, сопутствуемые Божией благодатью и помощью, отправлялись в другие страны и к другим народам. Множество чудес совершалось ими тогда силой Духа Божия, так что после первой же проповеди все до единого человека с готовностью воспринимали душой своей веру в Создателя всего мира.

(4) Мы не можем перечислить по именам всех апостольских преемников, ставших по всей вселенной пастырями Церкви и евангелистами. Мы вспоминаем поименно только тех, о которых упоминается в апостольских, сохраненных доныне записях апостольского учения.

ГЛАВА 38

(1) Разумеется, к ним относятся Игнатий, упоминаемый в названных Посланиях, и Климент; свое Послание, всеми признанное, он написал Коринфской Церкви от лица Римской. В нем он приводит много мыслей из Послания к Евреям, выписывая некоторые дословно, и ясно доказывает, что писание это не новое.

(2) Поэтому, естественно, он решил причислить его к остальным Посланиям апостола. Павел писал евреям на родном языке, и одни говорят, что евангелист Лука, а другие, что сам Климент перевел его на греческий.

(3) Последнее кажется более вероятным и по сходству языка в Климентовом Послании и в Послании к Евреям, и по небольшой разнице между мыслями обоих писаний.

(4) Следует знать, что Клименту приписывают и другое Послание, но мы знаем, что оно не так известно, как первое, и в древности его не знали.

(5) С недавнего времени стали приписывать ему многословные, длинные диалоги Петра с Аппионом. Никто из древних о них не упоминает, и нет в них чистого апостольского правоверия. Итак, о несомненном Послании Климента сказано ясно, как и о Посланиях Игнатия и Поликарпа.

ГЛАВА 39

(1) Папию приписывают пять сочинений под заглавием «Истолкование Господних изречений». О них как о единственных его произведениях упоминает и Ириной, говоря так: «Папий, слушавший Иоанна, друг Поликарпа, из древних христиан, засвидетельствовал это письменно в четвертой своей книге, ибо им дочинено пять книг».

(2) Так сказано у Иринея. Сам же Папий в предисловии к своему сочинению отнюдь не выдаст себя за человека, лично видевшего и слышавшего святых апостолов, а говорит, что с верой ознакомили его люди, апостолам известные. Вот его собственные слова:

(3) «Я не замедлю в подтверждение истины восполнить мои толкования тем, чему я хорошо научился у старцев и что хорошо запомнил. Я с удовольствием слушал не многоречивых учителей, а тех, кто преподавал истину, не тех, кто повторяет заповеди других людей, а данные Господом о вере, исходящие от самой Истины.

(4) Если же приходил человек, общавшийся со старцами, я расспрашивал об их беседах: что говорил Андрей, что Петр, что Филипп, что Фома и Иаков, что Иоанн и Матфей или кто другой из учеников Господних; слушал, что говорит Аристион или пресвитер Иоанн, ученики Господни. Я понимал, что книги не принесут мне столько пользы, сколько живой, остающийся в душе голос».

(5) Следует обратить внимание, что Папий упоминает двух людей с именем Иоанна: одного, упомянутого им раньше вместе с Петром, Иаковом, Матфеем и прочими апостолами, он, несомненно, считает евангелистом Иоанном; другого Иоанна помещаете числе людей, стоявших рядом с апостолами, ставит впереди него Аристиона, прямо называя его пресвитером.

(6) Правдивость этого сообщения подтверждается тем, что в Асии называли двух людей с этим именем, а в Эфесе и ныне есть две гробницы, и каждая зовется Иоанновой. На это необходимо обратить внимание: если не считать автором Откровения, известного под именем Иоаннова, первого Иоанна, то, значит, все эти видения были второму.

(7) Папий, о котором мы сейчас говорим, признает, что слова апостольские он слышал от людей, с ним общавшихся; Аристиона же и пресвитера Иоанна слушал лично. Часто, упоминая их в своих книгах по имени, он передает их рассказы.

(8) Говорю это не зря: к приведенным уже словам Папия стоит присоединить и другие его рассказы, в которых он повествует и о некоторых чудесах, и том, что он узнал по преданию.

(9) Мы уже говорили, что апостол Филипп вместе с дочерьми проживал в Иераполе, а теперь расскажем, как Папий, их современник, вспоминает удивительную историю, слышанную им от дочерей Филиппа о воскрешении мертвого, тогда случившемся, и о чуде с Иустом, Варнавой по прозвищу он выпил смертельный яд и по милости Господней не потерпел никакого вреда.

(10) Этого Иуста после Вознесения Господня святые апостолы поставили вместе с Матфием и молились, чтобы жребий выпал на того, кем вместо предателя Иуды они пополнили бы свое число. В Деяниях об этом написано так: «И поставили двоих: Иосифа, называемого Варнавой, который прозван Иустом, и Матфия, и, помолившись, сказали…».

(11) Он же передает и другие рассказы, дошедшие до него по устному преданию: некоторые странные притчи Спасителя, кое-что скорее баснословное.

(12) Так, например, он говорит, что после воскресения мертвых будет тысячелетнее и плотское Царство Христово на этой самой земле. Я думаю, что он плохо истолковал апостольские слова и не понял их преобразовательного и таинственного смысла, ибо был ума малого.

(13) Это явствует из его книг, хотя большинство церковных писателей, живших после него, очень уважало его, как писателя старого, и мнения его разделяли, например, Ириней и другие.

(14) Сообщает он в своей книге и другие слова Господни в передаче упомянутого Аристиона, а также рассказы пресвитера Иоанна. Отсылаем к ним людей любознательных, но считаем нужным сейчас же добавить ко всему сказанному рассказ о евангелисте Марке.

(15) Вот что говорил пресвитер: «Марк был переводчиком Петра; он точно записал все, что запомнил из сказанного и содеянного Господом, но не по порядку, ибо сам не слышал Господа и не ходил с Ним. Позднее он сопровождал Петра, который учил, как того

требовали обстоятельства, и не собирался слова Христа располагать в порядке. Марк ничуть не погрешил, записывая все так, как он запомнил; заботился он только о том, чтобы ничего не пропустить и не передать неверно».

(16) Так говорит Папий о Марке; о Матфее он сообщает следующее:

«Матфей записал беседы Иисуса по-еврейски, переводил их кто как мог».

(17) Он же пользуется Первым посланием Иоанна, а также Петра и рассказывает о женщине, которую обвиняли перед Господом во многих грехах.

Рассказ этот есть в «Евангелии евреев». Я счел необходимым все это добавить к сказанному.

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

ГЛАВА 1

Около двенадцатого года царствования Траяна скончался недавно упомянутый нами епископ Церкви Александрийской. Четвертым после апостолов нес это служение Прим. В этом же году в Риме Эвареста, скончавшегося на восьмом году своего епископства, сменил Александр, пятый преемник Петра и Павла.

ГЛАВА 2

(1) Церковь Спасителя нашего и проповедь Его учения с каждым днем набирали сил и все больше преуспевали; бедствия же иудеев, непрерывно сменяясь, дошли до предела. На восемнадцатом году царствования Траяна иудеи подняли новое восстание, в котором погибло великое их множество.

(2) В Александрии, остальном Египте и еще в Киринес, словно одушевляемые каким-то страшным и мятежным духом, устремились они на греков, живших вместе с ними. Восстание разрасталось; в следующем году это была уже настоящая война.

(3) Всем Египтом управлял тогда Лупп; в первом сражении случилось так, что греков одолели. Бежавшие в Александрию переловили и перебили иудеев, живших в городе. Лишившись их поддержки, киринейские иудеи начали под предводительством Лукуаса грабить египетскую землю; опустошен не номов стало их постоянным занятием. Император выслал против них Марция Турбона с пешим войском, флотом, а также с конницей.

(4) Турбон вел долгую и упорную воину, много раз вступал в сражения и перебил тысячи тысяч иудеев не только киринейских, но и живших в Египте, пришедших на помощь своему царю Лукуасу.

(5) Император же, подозревая, что иудеи и в Месопотамии нападут на местное население, повелел Луцию Квинту очистить от них эту область. Луций, ведя с собой войско, истребил огромное количество тамошних иудеев, за что император и назначил его правителем Иудеи. Так рассказывают об этом и греческие историки, писавшие об этом времени.

ГЛАВА 3

(1) Траян правил без шести месяцев целых двадцать лет. После него правление принял Элий Адриан. К нему Кодрат обратился с Апологией, составленной в защиту нашей веры, так как некоторые злые люди старались не давать нам покоя. Это сочинение и сейчас имеется у большинства братьев; есть и у нас. Оно блестяще свидетельствует об уме и апостольском правоверии Кодрата.

(2) О том, как давно он жил, можно судить по его собственным словам:

«Дела нашего Спасителя всегда были очевидны, ибо были действительными:

людей, которых Он исцелил, которых воскресил, видели не только в минуту их исцеления или воскрешения; они все время были на глазах не только когда Спаситель пребывал на земле, но и жили достаточно долю и после Его Воскресения, некоторые дожили и до наших времен».

(3) Таков был Кодрат. И Аристид, твердый последователь нашей веры, подобно Кодрату, поднес Адриану Апологию ее. Сочинение это и доныне сохраняется у многих.

ГЛАВА 4

В третий год того же царствования скончался епископ Александр, десять лет управлявший Римской Церковью; преемником его стал Ксист. В Александрии около того же времени на десятом году своего служения ушел из жизни Прим. Его преемником стал Иуст.

ГЛАВА 5

(1) Списка иерусалимских епископов, указывавшего бы время их служения, я нигде не нашел (говорят, правда, что они были недолговечны).

(2) Из письменных источников я только узнал, что до осады Иерусалима Адрианом их было пятнадцать, преемственно сменявших друг друга, что все они были исконными евреями и Христово учение приняли искренне, так что люди, которые могли об этом судить, сочли их достойными епископского служения. Вся Церковь у них состояла из уверовавших евреев, начиная от апостолов и до тех, кто дожил до той осады, когда иудеи, опять отпавшие от римлян, были разбиты в нелегкой борьбе.

(3) Так как с этого времени епископов из обрезанных больше не было, то следует перечислить их, начиная с первого. Первым был Иаков, именуемый братом Господним; вторым – Симеон, третьим – Иуст, Закхей – четвертым, пятым – Товия, шестым – Вениамин, Иоанн – седьмым, восьмым – Матфий, девятым – Филипп, десятым – Сенека, одиннадцатым – Иуст, двенадцатым – Левий, тринадцатым – Ефрем, четырнадцатым – Иосиф, последним, пятнадцатым – Иуда.

(4) Столько было в Иерусалиме епископов, от апостолов и до нынешнего времени; вес они из обрезанных.

(5) В двенадцатый год правления Адриана Ксист, десять лет епископствовавший в Римской Церкви, скончался. Приемником его стал Телесфор, седьмой после апостолов. Спустя год и несколько месяцев предстоятелем Александрийской Церкви стал Евмен, шестой по счету, после смерти своего предшественника, управлявшего Церковью одиннадцать лет.

ГЛАВА 6

(1) Так вот, иудеи восстали вновь, и восстание их всё разрасталось. Руф, правитель Иудеи, с войском, присланным ему в помощь императором, безжалостно, пользуясь их безумием, преследовал и уничтожал их десятками тысяч: мужчин, женщин, детей – всех заодно; всю страну их, по закону войны, поработил.

(2) Вождем иудеев был тогда человек по имени Варкохеба, что значит «звезда», – убийца и разбойник; он, ссылаясь на это имя, внушил рабам, будто он светило, спустившееся с неба, (3) дабы чудом даровать им, замученным, свет.

На восемнадцатом году правления Адриана война была в разгаре; осада Бетферы (это был очень укрепленный городок недалеко от Иерусалима) затянулась; мятежники гибли от голода и жажды и дошли до последней крайности. Виноватый в этом безумец понес достой нос наказание; а по законодательному решению и распоряжению Адриана, всему народу запрещено было с того времени ногой ступать на землю в окрестностях Иерусалима; не разрешалось даже издали взглянуть на родные места. Это пишет Аристон из Пеллы.

(14) Так пришел в запустение город иудеев; никого не оставалось из старых жителей, и его заселил чужой народ; здесь возник потом римский город с другим именем: его назвали Элией в честь императора Элия Адриана.

Тамошняя Церковь составилась тоже из язычников, и первым после епископов из обрезанных принял служение в ней Марк.

ГЛАВА 7

(1) Словно яркие звезды, сияли по всей вселенной Церкви; вера в Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа была среди всего рода человеческого в расцвете, когда демон, ненавистник прекрасного, враг истины, неустанный противник человеческого спасения, ополчился на Церковь, пустив в ход всяческие уловки; раньше он подготовлял гонения извне, теперь, лишенный этой возможности, (2) воспользовался, чтобы губить души, услугами обманщиков и фокусников; изобретая разные способы борьбы, выдумывал он всяческие средства, чтобы эти фокусники и обманщики, прикрываясь именем нашей веры, увлекали души уловленных ими верующих в глубину погибели, незнакомых же с верой своими деяниями отвращали от пути к Слову спасения.

(13) От Менандра, преемника Симона, упомянутого нами раньше, изошла словно какая-то змееподобная сила, двуустая и двуглавая, которая породила создателей двух разных ересей: Сатурнина, антиохийца родом, и Василида, александрийца. Один в Сирии, а другой в Египте открыли школы богомерзких ересей.

(4) Ириней говорит, что Сатурнин повторял большинство лживых выдумок Менандра; Василид же, ссылаясь на что-то несказанное, уносился мыслью в бесконечное и придумывал чудовищные сказки для своей нечестивой ереси.

(5) Тогда же многие церковные писатели боролись за истину и силой разума отстаивали апостольскую и церковную веру. Некоторые из них оставили и для будущих поколений свои писания – оружие против названных ересей.

(6) До нас дошло сочинение знаменитейшего писателя того времени Агриппы Кастора – уничтожающее изобличение Василида, показывающее страшную ложь его ереси. Раскрывая ее тайны, Агриппа говорит, что Василид составил 24 книги на Евангелие, выдумал себе пророков Варкавву, Варкофа и других, никогда не существовавших и получивших эти варварские имена, чтобы поразить людей, способных такому поражаться; он учит вкушать идоложертвенное и спокойно отрекаться от веры во время гонений;

предписывает, следуя Пифагору, пятилетнее молчание приходящим к нему.

(8) Подобрав другие, подобные же примеры, упомянутый писатель превосходно рассмотрел и воочию показал заблуждения Василидовой ереси.

(9) Ириней пишет, что жил в это же время Карпократ, отец другой ереси – ереси гностиков. Эти уже не втайне, как Симон, но открыто занимались магическими операциями, словно каким-то великим делом, похвалялись своим тщательно изготовленным волшебным питьем, общением с демонами, их спутниками, посылающими сновидения, и прочим в том же роде. И соответственно они учили, что желающие в совершенстве постичь их мистерии, вернее, их мерзости, должны совершать поступки постыднейшие:

они не смогут ускользнуть от космических властителей (так они их называли) иначе, как удовлетворив их своим бесстыдным поведением.

(10) С помощью таких прислужников злорадный демон обрек вечной гибели люден, на горе себе обманутых, а язычникам предоставил полную возможность хулить слово Божие: основываясь на толках о тех людях, поливали они клеветой весь христианский народ.

(11) Потому главным образом и распространилось среди язычников нечестивое и нелепейшее подозрение в том, что мы вступаем в недозволенную связь с матерями – и сестрами и вкушаем ужасную пищу.

(12) Держалось оно, правда, не долго: истина крепка сама собой, и свет ее со временем ярко разгорается.

(13) Новые козни врагов тут же рушились, обличаемые самой деятельностью их; ереси одна за другой предлагали новые учения; прежние распадались, теряясь во множестве разнообразных мыслей, и исчезали. Росла и крепла всегда неизменная, сияющая Церковь, вселенская и единая истинная, озаряющая всех – и греков, и варваров – светом Божественного устроения и философии, величавой, беспримесной, свободной, мудрой и чистой.

(14) Потухла со временем клевета на нашу веру, и наше учение осталось единственным, господствующим и общепризнанным, ибо

превосходило все другие величием и мудростью своих Божественно-философских догматов.

Сейчас никто уже не осмелится ни хулить нашу веру, ни клеветать на нее так, как это любили раньше делать наши противники.

(15) Впрочем, в те времена истина выводила на арену многих своих борцов, сражавшихся с безбожными ересями и устно, и письменно.

ГЛАВА 8

(1) Среди них известен Егезипп, на которого мы уже много раз ссылались, заимствуя из сообщаемого им предания о временах апостольских.

(2) Он в 5-ти книгах своих «Записей» передаст самым простым слогом точное предание об апостольской проповеди и указывает время, когда он стал известен, так как упоминает тех, кто в старину ставил идолов: «Им воздвигали кенотафы и храмы, как это делают и доныне; поставили и рабу кесаря Адриана Антиною, который жил в наше время и в честь которого справляются Антиноевы игры. Основал Адриан и город, соименный Антиною, и учредил коллегию пророков».

(3) Тогда жил и Иустин, искренний любитель истинной философии; обучившись у греков, он занимался их науками. И он указывает свое время в Апологии к Антонину:

«Стоит упомянуть и жившего в наши дни Антиноя, которого все со страху спешили чтить как бога, хотя и знали, кто он и откуда».

(4) Он же сообщает о бывшей тогда Иудейской войне следующее: «В нынешней иудейской войне Варкохеба, предводитель иудейского восстания, приказывал жестоко пытать только христиан, если они не отрекались от Христа и отказывались хулить Его».

(5) Он же пишет, что обратился от греческой философии к почитанию Бога не бездумно, а по рассуждению: «Я сам любил учение Платона, но, слыша клевету на христиан и видя, как они бесстрашны перед смертью и перед всем, что считается страшным, я подумал: невозможно, чтобы такие люди жили в пороках и наслаждениях; человек, любящий наслаждение, невоздержанный и считающий, что хорошо есть человеческое мясо, может ли приветствовать смерть как избавление от всех страстей? Не постарается ли он всячески продлить земную жизнь и скрываться от властей, а не доносить на себя, чтобы его казнили?».

(6) Он же пишет, что Адриан получил от Серения Граннианa, известного наместника, письмо о христианах: несправедливо без всякого обвинения, только в угоду орущей толпе, без суда казнить их. Император в ответ написал Минуцию Фундану, проконсулу Асии,

приказывая никого не судить без обвинения и обоснованного обличения.

(7) Иустин прилагает и копию этого письма в латинском подлиннике, предваряя его такими словами: «Мы могли бы просить вас о том, чего хотим: о суде над нами на основании письма величайшего и славнейшего кесаря Адриана, отца вашего, но мы обращаемся к вам потому, что наша просьба справедлива. Прилагаем копию Адрианова письма, дабы вы знали, что мы и в этом говорим правду. Вот она».

(7) Затем названный писатель дает латинскую копию, которую мы, в меру своих сил, перевели на греческий.

ГЛАВА 9

(1) «Минуцию Фундану. Я получил письмо от Серения Граанниана, человека известного, твоего предшественника. Мне кажется, что дело это нельзя оставить без рассмотрения; нельзя, чтобы люди жили, не зная покоя, и на доносчиков была возложена обязанность вредить и злодействовать.

(2) Если жители провинции могут подтвердить свое обвинение против христиан и отвечать перед судом, то пусть этим путем и действуют, но не требованиями и воплями. Весьма приличествует, в случае обвинения, произвести тебе расследование.

(3) Если кто может доказать свое обвинение, а именно: что они поступают противозаконно, тогда в соответствии с преступлением и установи наказание.

Но клянусь Гераклом! Если кто сделал из доносов занятие, положи предел этому безобразию и сообрази, как наказывать за это». Такова копия Адрианова письма.

ГЛАВА 10

Адриан вернул долг земле после двадцати одного года царствования; преемником его стал Антонин, прозванный Благочестивым. В первый же год его царствования ушел из жизни Телесфор, на одиннадцатом году своего служения, и жребий Римского епископства выпал Гигину. Ириней пишет, что Телесфор славно отметил конец своей жизни мученичеством, и сообщает, что в это же время при упомянутом епископе Гигине стали в Риме известны Валентин, создатель собственной ереси, и Кердон, основоположник Маркионова заблуждения. Он пишет так:

ГЛАВА 11

(1) «Валентин прибыл в Рим при Гигине, вошел в силу и славу при Пии и продержался до Аникета. Кердон, предшественник Маркиона, появился тоже при Гигине, девятом епископе. Он пришел в Церковь, всенародно принес покаяние, но образ жизни вел такой: то тайком поучал, то опять каялся; уличаемы и теми, кого он учил злому, удалился от общения с братьями».

(2) Так пишет он в 3-й книге своего сочинения «Против ересей», а в 1-й рассказывает о Кердоне следующее: «Некто Кердон, исходя из того, что он усвоил от учеников Симона (прибыл он в Рим при Гигине, девятом епископе, считая от апостолов), учил, что Бог, проповедуемый Законом и пророками, не есть Отец Господа нашего Иисуса Христа; Его отца можно познать, а Тот Бог непознаваем; Тот справедлив, а этот благостен. Маркион, родом с Понта, заимствовал у него это учение и развил его, бесстыдно богохульствуя».

(3) Этот же Ириной убедительно раскрыл бездну пагубы в Валентиновом учении, связанном со столькими заблуждениями; он обнажал его скрытое зло, притаившееся, будто змея в норе.

(4) Современником их, пишет Ириней, был еще некий Марк, чрезвычайно искусный в магических выдумках. Ириней так описывает их постыдные посвящения и мерзкие мистерии:

(5) «Они приготовляют брачный чертог и совершают посвящение, произнося над посвященными какие-то заклинания; они говорят, что это духовный брак, подобный небесным союзам. Другие ведут посвящаемых к воде и крестят их с такими словами: «Во имя непознаваемого отца, во имя истины, матери всего, во имя снизошедшего Иисуса». Некоторые произносят при этом еврейские слова к вящему потрясению посвящаемых».

(6) После четырех лет епископства Гигин скончался, и место его в Риме занял Пий. В Александрии после Эвмена, скончавшегося через полных тринадцать лет епископства, пастырем стал Марк, несший это служение десять лет; его принял, по смерти Марка, Келадион.

(7) В Риме после Пия, скончавшегося на пятнадцатом году своего епископства, предстоятслем Церкви стал Аникет. Егизипп пишет, что

он при нем прибыл в Рим и оставался там до епископства Елевфера.

(8) В это время в полном расцвете сил был Иустин, который защищал слово Божие в философском обличии и в своих писаниях боролся за веру. Он написал книгу против Маркиона, где упоминает, что составлял ее еще при жизни того. Он говорит так: «Маркион с Понта и теперь еще учит доверчивых людей, что есть некий бог, больший, чем Создатель. Во всем роде человеческом нашел он людей, которых с помощью демонских внушений убедил богохульствовать и отрицать, что Творец всего мира есть Отец Христа; мир создан каким-то другим богом, большим, чем Он. Все наставленные такими учителями называются христианами; так и философы, придерживающиеся не одних и тех же мыслей, именуются одним и тем же именем, от философии взятым».

(10) В заключение он добавляет: «Есть у нас сочинение против всех возникших ересей. Если пожелаете прочесть, предоставлю».

(11) Тот же Иустин достаточно потрудился, споря с греками. Он обратился и к императору Антонину, прозванному Благочестивым, и к римскому сенату с произведениями, содержащими защиту нашей веры; жил в Риме. В Апологии он сам говорит, кто он и откуда.

ГЛАВА 12

«Самодержцу Титу Элию Адриану, Антонину Благочестивому, кесарю Августу; сыну Вериссиму, философу; Луцию, родному сыну кесаря философа и усыновленному Благочестивым, любителю просвещения, к священному сенату и ко всему народу римскому обращается с прошением за людей, несправедливо всеми народами ненавидимых и обижаемых, Иустин, сын Приска, сына Вакхия, уроженец Флавия Неаполя в Палестинской Сирии, один из этих людей».

Тот же император, получив подобные же прошения и от других братьев наших, живущих в Асии и всячески притесняемых от местного населения, обратился к асийскому Собранию со следующим распоряжением:

ГЛАВА 13

(1) «Самодержец, кесарь Марк Аврелий Антонин Август Армянский, верховный жрец, народны и трибун в пятнадцатый раз и консул в третий, приветствует асийское Собрание.

(2) Я знаю, что сами боги озабочены тем, чтобы такие люди от них не укрылись. Гораздо сильнее, чем вы, могут наказать они людей, не желающих им поклоняться.

(3) Тех, кому вы не даете покоя, вы только укрепляете в их вере, хотя обвиняете в безбожии. Допустим, что при обвинении у них есть свободный выбор: они предпочтут умереть за своего Бога. Потому они и одерживают победу, готовые скорее отдать душу свою, чем сделать то, что вы от них требуете.

(4) Что же касается землетрясений, бывших и нынешних, то уместно вам напомнить, что при таких бедствиях вы всякий раз падаете духом: сравните поведение их и свое.

(5) Они полны надеждой на Бога, а вы за все время о богах и не думаете, и не служите Бессмертному; христиане же, которые Ему служат, гоните и преследуете до смерти.

(6) Заступаясь за них, многие правители провинций писали нашему божественному отцу, и он ответил им, приказывая не беспокоить христиан, если окажется, что они ничего не замышляют против римского владычества. И мне многие давали знать о них, и я отвечал им согласно с мнением нашего отца.

(7) И сел и кто-то будет упорно обвинять христианина как такового, то с обвиняемого снимается обвинение, если он и действительно христианин, а обвинитель подлежит суду. Прочтено в Эфесе асийскому Собранию».

(8) О таком ходе событий свидетельствует современный им епископ города Сард Мелитон, известный по Апологии, которую он написал в защиту нашей веры императору Веру.

ГЛАВА 14

(1) В то время, когда Аникет управлял Римской Церковью, был еще жив Поликарп; он прибыл в Рим поговорить с Аникетом и разобраться, когда праздновать Пасху. Об этом пишет Ириней.

(2) Передает он и другой рассказе Поликарпе, который следует присоединить к уже о нем известному.

Из 3-й книги Иринея «Против ереси»:

(3) «Поликарп не только слушал наставления апостолов и общался со многими, кто видел Господа, но и в епископы Смирнской Церкви в Асии поставлен апостолами.

(4) Мы видели его в ранней юности (он жил очень долго и ушел из жизни в глубокой старости, явной со славой пострадав за Христа); он у ч ил всегда тому, в чем его наставляли апостолы, что передаст Церковь и что только и есть истина.

(5) Все асийские Церкви и преемники Поликарпа, вплоть до нынешних, свидетельствуют, что он свидетель истины более верный и заслуживающий гораздо большего доверия, чем Валентин, Маркион и прочие безумцы.

Поликарп, будучи при Аникете в Риме, многих вернул от тех еретиков в Церковь Божию, проповедуя, что от апостолов принял он учение истины, единое и единственное – то, которое передаст Церковь.

(6) Есть люди, слышавшие от него, как Иоанн, ученик Господень, зашел в Эфесе в баню и, увидав там Коринфа, не вымывшись, кинулся прочь, приговаривая: «Бежим, как бы не обрушилась баня: там ведь Керинф, враг истины».

(7) Тот же Поликарп, встретившись однажды с Маркионом, на его слова «Узнаешь нас?» ответил: «Узнаю, узнаю первенца сатаны». До такой степени апостолы и ученики их остерегались даже разговора с теми, кто искажал истину. И Павел ведь сказал: «Еретика после первого и второго вразумления остерегайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужен».

Есть Послание Поликарпа к филиппинцам, очень сильное; желающие спасения и думающие о нем могут из него узнать и образ его веры и услышать проповедь истины».

(9) Вот слова Иринея: «Поликарп в этом Послании к филиппийцам (оно дошло до нас) пользуется свидетельствами из Первого послания Петра».

(10) Антонин, прозванный Благочестивым, скончался на двадцать втором году царствования. Преемником его был его сын, Марк Аврелий Вер, называемый тоже Антонином, вместе с братом Луцием.

ГЛАВА 15

(1) В это время Асию потрясло великое гонение, и Поликарп завершил жизнь мученичеством. Я считаю необходимым внести в это повествование запись о конце его, дошедшую до нас.

(2) Есть Послание от лица Церкви, которой он управлял, к местным Церквам, так излагающее тогдашнее событие:

(3) «Церковь Божия, нашедшая пристанище в Смирне, Церкви Божией в Филомелии и всем местам, где нашла пристанище святая вселенная Церковь, – милость, мир и любовь Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да умножатся. Мы написали вам, братья, о мучениках и блаженном Поликарпе, который словно запечатал и прекратил гонение своим мученичеством».

(4) Непосредственно за этим и до рассказа о Поликарпе они повествуют об остальных мучениках и описывают их стойкость в страданиях. Толпа, стоявшая кругом, была поражена, глядя, как тела то рассекают бичами до артерий и жил, так что видны в самых тайниках тела внутренности, то укладывают на колючие морские раковины и острые лезвия. После всяческих мучений и пыток их, наконец, бросили на съедение зверям.

(5) Особенно, говорят, отличился благородный Германик, поправший, по Божией милости, врожденный страх телесной смерти. Проконсул хотел переубедить его: указывал на его возраст, старался, ссылаясь на его расцветающую юность, возбудить в нем жалость к себе, но юноша немедля, с готовностью привлек на себя зверя, дразнил его и натравливал, лишь бы поскорее избавиться от этой жизни с ее неправдой и беззаконием.

(6) Видя эту прекрасную смерть, изумляясь мужеству мученика, возлюбившего Бога, дивясь вообще доблести рода христианского, толпа начала дружно вопить: «Смерть безбожникам! Разыскать Поликарпа!».

(7) Эти крики вызвали большое смятение, и некий фригиец, именем Квинт, недавно прибывший из Фригии, увидав зверей и грозные орудия пыток, не помня себя от страха, ослабел душой и отрекся от спасения.

(8) В упомянутом сочинении рассказано, какой, очертя голову, ни о чем не подумав, побежал с другими в суд, был схвачен и всем ясно показал, что не следует ни опасности искать, ни безрассудно храбриться. На этом и заканчивается рассказ о мучениках.

(9) Дивный же Поликарп, услышав первые о них известия, не встревожился и пребывал в настроении ровном и спокойном. Он хотел оставаться тут же в городе, но уступил уговорам и упрашиваниям окружавших и отправился в деревню, недалеко от города; жил он там с несколькими людьми и только неустанно днем и ночью молился Господу, прося о мире и вымаливая его для Церквей по всей вселенной: это была его обычная молитва.

(10) За три дня до того, как был он схвачен, ночью ему, стоявшему на молитве, явилось видение: подстилка под его головой сразу вспыхнула и сгорела дотла. Проснувшись, он тут же истолковал присутствующим это явление и не только предсказал будущее, но прямо объявил своим, что надлежит ему умереть за Христа в огне.

(11) К розыскам его приложено было всяческое старание, и братская любовь вынудила его перебраться в другую деревню, куда вскоре пришли и преследователи. Схватив двух тамошних рабов, они, избив одного, направились по его указанию к убежищу Поликарпа.

(12) Пришли они поздно и узнали, что он лежит наверху. Отсюда ему можно было перейти в другой дом, но он не захотел, сказав: «Да будет воля Божия».

(13) Зная, что преследователи уже тут, он, как рассказывают, сошел вниз и стал беседовать с ними с таким сияющим кротким лицом, что им, раньше его не знавшим, показалось, будто они видят чудо; глядя на его глубокую старость, на его величавую и спокойную манеру держаться, они подумали, стоило ли так стараться, чтобы схватить такого старца.

(14) Он же немедленно приказывает поставить им стол, предлагает поесть досыта и просит дать ему один час спокойно помолиться; это разрешили; он, встав, стал молиться и был так исполнен Божией благодати, что присутствующие, слушая его молитву, перепугались и многие стали раскаиваться в том, что собираются погубить такого почтенного, угодного Богу старца.

(15) О следующих событиях повесть о Поликарпе сообщает дословно так:

«Когда он окончил молитву и помянул всех, когда-либо общавшихся с ним, незаметных и великих, славных и неизвестных, и всю вселенскую Церковь, пришло время отъезда; Поликарпа посадили на осла и повезли в город; была Великая Суббота. Ему повстречались иринарх Герод и отец его Никита. Они пересадили его в повозку и, сидя рядом, стали его уговаривать: «Что плохого сказать: «Владыка кесарь», принести жертву и сохранить себе жизнь?» (16) Поликарп сначала не ответил, а когда они стали приставать к нему, сказал:

«Что вы мне советуете, делать не собираюсь». Не успев в своих уговорах, они с бранью и угрозами выкинули его из повозки с такой силой, что он, падая, ободрал себе голень. Не обращая на это внимания, он, словно с ним ничего не случилось, бодро и торопливо пошел на площадь, куда его вели.

(17) На площади стоял такой шум, что многим ничего не было слышно, но Поликарпу, когда он пришел на площадь, был голос с неба: «Крепись, Поликарп, и мужайся». Говорившего никто не видел, а голос слышали многие наши.

(18) Когда его привели, был великий шум: услышали, что Поликарпа схватили. Когда он, наконец, подошел, проконсул спросил его: «Ты Поликарп?» и после утвердительного ответа стал уговаривать отречься:

«Уважь свою старость» и прочее, что им привычно говорить: «Поклянись фортуной кесаря, одумайся, скажи: «Смерть безбожникам!» (19) Поликарп помрачнел лицом и, поглядев на всю толпу на площади, погрозил ей рукой и, взглянув на небо, сказал: «Смерть безбожникам!» (20) А проконсул настаивал, говоря: «Поклянись, и я отпущу тебя; обругай Христа». Поликарп же сказал:

«86 лет я служу Ему, и ничем Он меня не обидел. Могу ли хулить Царя моего, спасшего меня?» (21) Тот опять настаивал и говорил: «Поклянись фортуной кесаря». – «Мысли у тебя насчет того, чтобы я поклялся фортуной кесаря, пустые. А как ты притворяешься, что не знаешь, кто я, то выслушай слово свободное: я христианин; если хочешь узнать учение христианское, отведи на это день и выслушай».

(22) Проконсул сказал: «Убеди народ». Поликарп сказал: «Тебя я удостоил разговора, потому что нас наставили воздавать подобающую честь властям и правителям, поставленным Богом, если это нам не на

пагубу. Они же, по-моему, не достойны того, чтобы перед ними защищаться».

(23) Проконсул сказал: «У меня звери: напущу на тебя, если не переменишь мыслей». Он же сказал: «Зови. Нельзя нам менять хорошее на плохое; хорошо отойти от худого к справедливому». Он опять ему: «Усмирю тебя огнем, если тебе нипочем звери и если не передумаешь».

(24) Поликарп сказал: «Ты грозишь огнем, который горит свое время и скоро гаснет; а не знаешь ты, что для будущего суда и вечного наказания нечестивцам готов огонь. Зачем медлишь? Делай, что хочешь!» (25) Говоря это и еще многое, он исполнился мужества и радости, и лицо его озарено было благодатью; он не смутился от слов проконсула, но проконсул вышел из себя и отправил глашатая трижды объявить на площади: «Поликарп признал себя христианином».

(26) Когда глашатай сказал это, тогда вся толпа язычников и иудеев, проживающих в Смирне, не в силах сдержаться, подняла неистовый рев: «Он учитель Асии, он отец христиан; наших богов отрицает и многих учит не приносить им жертв и не чтить их».

(27) Говоря так, они стали кричать и просить асиарха Филиппа выпустить на Поликарпа льва. Он сказал, что это нельзя, потому что борьба со зверями закончена. Тогда решили единодушно кричать, чтобы Поликарпа живого сжечь.

(28) Надлежало исполниться его видению с подушкой, когда, стоя на молитве, увидел он, что она горит, и, обратившись к окружающим его верным, пророчески сказал: «Надлежит мне сгореть живому».

(29) И вот, это произошло очень быстро, скорее, чем было сказано.

Немедленно толпы людей наносили дров и хвороста из мастерских и бань; особенно старались по своему обыкновению иудеи.

(30) Когда костер был готов, Поликарп снял с себя всю одежду, расстегнул пояс и попытался развязать обувь, чего раньше никогда не делал, потому что каждый верный всегда старался поскорее прикоснуться к его телу. Он всегда был почитаем: уважали его добрую жизнь и его старость.

(31) Сразу же разложили вокруг все принадлежности костра, но, когда хотели пригвоздить его, он сказал: «Оставьте меня так: Подающий мне силу вынести огонь подаст и без ваших гвоздей стоять спокойно на костре». Они не пригвоздили его, а только привязали.

(32) Он же, стоя с руками назади, привязанный, словно отборный овен из большого стада, приносимый в жертву всесожжения, угодную Богу Вседержителю, сказал:

(33) «Отец возлюбленного и прославленного Сына Твоего Иисуса Христа, через Которого мы познали Тебя, Бог Ангелов и Сил, демонов, всякой твари и всех праведных, живущих пред лицом Твоим, славлю Тебя, что Ты удостоил меня в этот день и час в числе мучеников Твоих получить часть в Чаше Христа Твоего (34), ради воскресения в жизнь вечную души и тела, в нетлении Духа Святого. Да буду принят как один из них сегодня пред лицо Твое в жертву тучную и желанную (35), ибо Ты ее заранее уготовал, предвозвестил и принес, Боже истинный, не знающий лжи. Поэтому за все Тебя благодарю, Тебя славлю, Тебя превозношу через вечного Архиерея, Иисуса Христа, возлюбленного Сына Твоего, чрез Которого и с Ним вместе в Духе Святом слава Тебе и ныне и в будущие века. Аминь».

(36) Когда он вознес это «Аминь» и закончил молитву, приставленные к костру зажгли огонь. Вспыхнуло большое пламя, и мы, которым дано было увидеть, увидели чудо; мы и уцелели, чтоб рассказать остальным о происшедшем.

(37) Пламя образовало нечто вроде свода; словно парус, полный ветром, оградил кругом тело мученика, и он стоял посередине не как плоть горящая, а как золото и серебро, очищаемое огнем в печи. Мы ощущали благоухание, как от курящегося ладана и какого-то другого драгоценного аромата.

(38) Наконец беззаконные увидели, что не могут уничтожить его тело огнем, и велели палачу пронзить его мечом.

(39) Когда он это сделал, то хлынуло столько крови, что потушило огонь, и вся толпа изумлялась: какая великая разница между неверными и избранными, из которых самым дивным был в наше время он, учитель апостольский и провидец, бывший епископом вселенской Церкви в Смирне. Всякое слово, исшедшее из уст его, исполнялось и исполнится.

(40) Лукавый враг и завистник, противник праведных, видя величие его мученичества, безукоризненный от начала образ жизни, зная, что он увенчан венцом бессмертия и награду унесет неоспоримую, постарался, чтобы мы не взяли его тела, хотя многие хотели это сделать и иметь частицу его святой плоти.

(41) Они убедили Никиту, отца Герода, брата Алки, упросить проконсула не отдавать его тела: «Как бы они, бросив Распятого, не стали почитать его». Это говорили они по подсказке и настоянию иудеев, которые уследили, что мы собираемся взять его с костра, и не понимали, что мы не можем ни оставить Христа, пострадавшего ради спасения всего мира спасаемых, ни почитать кого-либо другого; (42) Ему мы поклоняемся как Сыну Божию; мучеников же, как и достойно, любим как учеников Христа, Ему подражающих, за их непревзойдённую преданность своему Царю и Учителю. Довелось бы и нам стать их собеседниками и соучениками!

(43) Центурион, видя иудейскую склочность, положил его тело на виду у всех, как это у них принято, и сжег его; мы же потом собрали его кости, которые дороже драгоценных камней и благороднее золота, и положили их где следовало.

(44) Там по возможности Господь даст и нам, собравшимся в ликовании и радости, отпраздновать день рождения Его мученика в память прежних борцов за веру, в поучение и подготовку будущих.

(45) Это вот о блаженном Поликарпе, пострадавшем в Смирне двенадцатым после одиннадцати, из Филадельфии, но его вспоминают больше всех, и даже язычники повсюду о нем толкуют.

(46) О том, что касается Поликарпа, дивного мужа апостольского, и о том, какого конца был он удостоен, рассказывают братья Смирнской Церкви в Послании, мною упомянутом. Присоединено в этом писании и сообщение о других мучениках, пострадавших в той же Смирне почти одновременно с Поликарпом. Среди них был Митродор, как будто пресвитер Маркионовой ереси; он погиб на костре.

(47) Из тогдашних мучеников особенно прославлен был некий Пионий: его пространное исповедание, его смелые речи, защита веры перед народом и властями, поучения народу, ласковое обращение с павшими в испытаниях гонения, утешения братьям, которые навещали его в тюрьме; сведения о том, какие пытки он выдержал, о его дальнейших страданиях, о том, как его пригвоздили, о его мужестве на костре и его кончине после всех дивных дел его – об этом со всей полнотой изложено в сочинении о нем, к которому я и отсылаю тех, кто любит такое чтение. Писание это мы включили в нашу сводку о древних мучениках.

(48) Есть тут же отчеты и о других замученных в асийском городе Пергаме; о Карпе, Папиле и женщине Агафонике, со славой скончавшихся после многократного и славного исповедания.

ГЛАВА 16

(1) В это же время недавно упомянутый нами Иустин, вручивший книгу в защиту нашей веры упомянутым императорам, украсился святым мученичеством. Философ Крискент, который образом жизни и нравом старался заслужить свое имя киника, задумал коварный план. Иустин, часто беседуя с ним в присутствии слушателей, поправлял его и в конце концов, отстаивая истину, получил в награду венец мученичества.

(2) Воистину философствующий, он в названной Апологии, предвидя то, что еще не совершилось, прямо так и говорит:

(3) «Я ожидаю, что кто-нибудь из названных мною будет злоумышлять против меня и наденет на меня колодки, вот хотя бы Крискент; любит он вовсе не мудрость, а шумиху. Не достоин имени философа человек, который говорит о том, чего не знает. Он публично заявляет, что христиане безбожники и нечестивцы, и делает это, чтобы доставить удовольствие и радость людям, сбившимся с толку.

(4) Он или кидается на нас, не зная Христова учения, и тогда он негодяй из негодяев; он гораздо ниже простых людей, которые часто остерегаются говорить о том, чего не знают, и не дают ложных показаний. Или же, узнав это учение, он не понял его величия, или, поняв, поступает по-прежнему, чтобы его не заподозрили, будто и он христианин; (5) в таком случае он глупейший негодяй, раб страха и бессмысленного общепринятого мнения. Предложив ему несколько вопросов, я понял, что он действительно ничего не знает, и уличил его в этом. Я хочу, чтобы вам это было известно. А что я говорю правду, то я готов, если наши споры не были доведены до вас, спорить с ним в вашем присутствии: это тоже было бы дело царственное.

(6) Если же вам известны мои вопросы и его ответы, то вам ясно, что он ничего нашего не знает; если же что и знает, но, как я сказал раньше, не осмеливается сказать это, боясь слушателей, то он не мудрость любит, а славу и не считается с прекрасным словом Сократа».

(7) Так пишет Иустин. А что он кончил жизнь, как и предвидел, от козней Крискента, о том многократно свидетельствует в своих

произведениях Татиан, который в молодости был софистом, занимался греческими науками, приобрел тут немалую славу. В своей книге «Против эллинов» он говорит так: «Дивный Иустин правильно объявил, что вышеназванные люди подобны разбойникам».

(8) Потом, поговорив о философах, он заключает так: «Крискент, угнездившийся в великом городе, выделялся любовью к отрокам и был весьма сребролюбив.

(9) Советуя презирать смерть, он сам так боялся смерти, что постарался, как великому злу, предать смерти Иустина, потому что Иустин, проповедуя истину, изобличал в философах обжор и обманщиков».

Вот, по его словам, причина мученической смерти Иустина.

ГЛАВА 17

(1) Иустин в первой своей Апологии вспоминает мучеников, пострадавших до него и его борьбы. Поучителен один его рассказ.

(2) Пишет он так: «Некая женщина жила с развратником мужем и сама была раньше развратницей, но, познакомившись с учением Христовым, образумилась и пыталась образумить и своего мужа. Она рассказывала ему об учении Христа и о наказании в огне вечном людей, живущих беспутно, а не в чистоте и не по здравому рассуждению.

(3) Он продолжал жить в распутстве и своим поведением отвратил от себя жену. Женщина, считая нечестием и в дальнейшем делить ложе с мужем, который, вопреки закону природы и вопреки справедливости, старался все сделать средством наслаждения, решила разорвать их союз.

(4) Родные стали ее умолять и советовали подождать, в надежде, что муж еще переменится. Она заставила себя остаться.

(5) Муж ее уехал в Александрию, и, когда ей сообщили, что он ведет себя еще безобразнее, она, чтобы не быть причастной к его неправде и нечестию, оставаясь в браке и живя общей жизнью, дала ему то, что у вас называется «разводной».

(6) А ее прекрасный муж (ему следовало бы радоваться, что жена, которая раньше, не задумываясь, весело пьянствовала и распутничала со слугами и поденщиками, положила этому конец и хотела, чтобы он положил конец такому поведению), когда она ушла от него против его воли, подал на нее в суд, говоря, что она христианка.

(7) Жена подала тебе, император, прошение разрешить ей сначала уладить все домашние дела и затем уже, после приведения всего в порядок, начать защиту. Ты это ей разрешил.

(8) Бывший муж ее, которому сейчас не в чем было ее уличить, решил напасть на некоего Птолемея, наставника ее в христианском учении, которого Урбикий осудил.

(9) Повел муж дело таким образом: центуриона, своего друга, он подговорил схватить Птолемея и только спросить его, христианин ли он; Птолемей, человек правдивый, мыслящий честно и прямо,

исповедал себя христианином. Центурион заковал его и долго мучил в темнице.

(10) Наконец его повели к Урбикию, и тут опять-таки допрос был об одном:

христианин ли он? И опять же, сознавая благо, полученное им от Христова учения, исповедал Птолемей это училище Божественной добродетели.

(11) Ведь отрекающийся от какого-либо учения отрекается или потому, что увидел нечто плохое, или потому, что считает себя недостойным этого учения и чуждым ему. И то, и другое не к лицу истинному христианину.

(12) Когда Урбикий приказал казнить Птолемея, некий Луций, тоже христианин, видя, что приговор произнесен без всякого разумного основания, сказал Урбикию: «В чем дело? Этот человек не прелюбодей, не развратник, не убийца, не вор, не грабитель, он вообще не уличен ни в одном преступлении, и ты посылаешь его на казнь за исповедание имени христианина. Ты не судишь, Урбикий, как подобало бы императору благочестивому, и философу, сыну кесаря, и священному сенату».

(13) Урбикий, ничего не ответив, сказал Луцию: «По-моему, и ты такой же», и когда Луций ответил: «Целиком», велел казнить и его. Луций поблагодарил его, сказав, что он, наконец, избавлен от таких злых властителей и идет к благому Отцу, Царю и Богу. Подошел кто-то третий и тоже был приговорен к смерти».

Непосредственно за этим рассказом Иустин ведет кстати уже упомянутую нами речь: «И я ожидаю, что кто-нибудь из названных мною будет против меня злоумышлять» и т. д.

ГЛАВА 18

(1) Иустин оставил нам много полезнейших произведений; они свидетельствуют об уме, прошедшем школу и погруженном в размышления о Божественном; к ним мы и отсылаем людей любознательных, отметив им на пользу те, которые стали нам известны.

(2) Есть у него речь, обращенная к Антонину, именуемому Благочестивым, к его детям и к римскому сенату, с изложением нашего учения; вторая содержит защиту нашей веры и написана к преемнику названного самодержца, соименному Антонину Веру. О событиях того времени мы сейчас и рассказываем.

(3) Есть у него и другое сочинение – «К эллинам», где он пространно рассуждает о многих вопросах, которые занимают и нас, и греческих философов, определяет также и природу демонов; останавливаться сейчас на этом ни к чему.

(4) И еще дошло до нас его произведение к эллинам, которое он озаглавил «Обличение». Еще «О Божественном единодержавии», составленное им не только по нашим писаниям, но и по эллинским книгам.

(5) Затем еще озаглавленное «Лирник» и другое, толкующее о природе души: представив разные мнения по вопросу, поставленному в этом сочинении, он предлагает соображения греческих философов; опровергнуть их и изложить свое собственное он обещает в другом сочинении.

(6) Составил он и диалог против иудеев: это беседа, которую он вел в Эфесе с Трифоном, человеком известнейшим в то время среди евреев В ней он рассказывает, каким образом Божия благодать устремила его к слову веры, с каким рвением занимался он раньше философией и с каким одушевлением искал истину.

(7) В этой же книге рассказывает он о кознях иудеев против Христа и Его учения и развивает свои мысли следующим образом, обращаясь к Трифону:

«Вы не только не раскаялись в ваших злодеяниях, но разослали по всей земле из Иерусалима избранных людей объявить, что появилась

безбожная ересь христианская, и рассказывать про нее все, что на нас возводят люди, нас не знающие: вы виноваты не только перед собой, но вообще перед всеми людьми».

(8) Он пишет, что до его времени дар пророчества озарял Церковь, и вспоминает Откровение Иоанна, утверждая, что оно принадлежит этому апостолу; он приводит несколько пророческих изречений и уличает Трифона в том, что иудеи выбросили их из Писания. Есть много и других его трудов у многих братьев.

(9) В старину их считали заслуживающими внимания; Ириней вспоминает его слова и приводит их в 4-й книге «Против ересей»: «Прекрасно говорит Иустин в сочинении против Маркиона: «Я не поверил бы Самому Господу, если бы Он возвестил мне, что рядом с Создателем есть и другой Бог».

А в 5-й книге того же произведения Ириной пишет: «Прекрасно сказал Иустин, что до пришествия Господня сатана никогда не осмеливался хулить Бога, так как еще не знал, что осужден».

(10) Необходимо это сказать, чтобы любящие поучаться внимательно прочли его сочинения.

Вот, что касается Иустина.

ГЛАВА 19

На восьмом году упомянутого царствования скончался епископ Аникет, целых одиннадцать лет управлявший Римской Церковью; преемником его был Сотер. Преемником Келадиона, 14 лет стоявшего во главе Александрийской Церкви, был Агриппин.

ГЛАВА 20

В Антиохийской Церкви шестым после апостолов был Феофил; четвертым после Герона был Корнилий, а пятым по лестнице преемства – Эрот.

ГЛАВА 21

На это время приходится расцвет церковных писателей: Егезиппа, которого мы уже знаем; Дионисия, епископа Коринфского; Пинита, Критского епископа; Филиппа, Аполлинария, Мелитона, Мусана и Модеста и в особенности Иринея, писания которых донесли до нас истинную, здравую веру апостольского предания.

ГЛАВА 22

(1) Егезипп в пяти дошедших до нас книгах оставил полный отчет о своем образе мыслей. Он рассказывает, что во время своего путешествия в Рим он общался с очень многими епископами и от всех слышал одинаковые поучения.

Вот как заключает он свою беседу о Послании Климента к коринфянам:

(2) «Коринфская Церковь оставалась правоверной, до Прима, бывшего епископом в Коринфе. Я общался с ним по пути в Рим, куда направлялся морем, и провел с коринфянами достаточно дней, взаимно утешаясь нашим правоверием.

(3) Будучи в Риме, я составил список епископов, преемственно сменявших друг друга вплоть до Аникета. Диаконом у него был Елевфер, преемником Аникета – Сотер; после него – Елевфер. В каждой преемственной смене и в каждом городе все идет так, как велит Закон, пророки и Господь».

(4) Он же сообщает и о возникновении современных ересей: «После Иакова Праведного, пострадавшего по той же причине, что и Господь, епископом был поставлен его двоюродный брат Симеон, сын Клеопы. Его предложили все, как двоюродного брата Господня. Церковь в то время называли чистой девой, потому что никто еще не обольстил ее суетным учением.

(5) Обольщать ее учением одной из семи ересей, существовавших в народе (от них был и он), начал Фебуфис, недовольный тем, что не стал епископом.

Отсюда вышел Симон и его последователи – симониане; Клеобий и его последователи – клеобиане; Досифей и его последователи – досифиане; Горфей и его последователи – горфеане и масбофеи. От них же менандриане, маркиониты, карпократиане, валентиниане, василидиане и сатурнилиане:

каждый вводил свое собственное, отличное от чужих, учение.

(6) От них и пошли лжехристы, лжепророки, лжеапостолы; своими губительными речами против Бога и Христа они раздробили церковное единство».

(7) Он же рассказывает о сектах, издавна существовавших у иудеев:

«Существовали разные толки у обрезанных, то есть у сынов Израиля, о колене Иудином и о Христе: были ессеи, галилеяне, гемеробаптисты, масбофеи, самаритяне, саддукеи, фарисеи».

(8) Пишет он много и о другом; мы частью упоминали его рассказы, приводя их к месту и своевременно. Он приводит выдержки из «Евангелия евреев», из «Сирийского Евангелия», кое-что переводит с еврейского, тем самым обнаруживая, что он из евреев, принявших нашу веру. Упоминает он также кое-что из устного иудейского предания.

(9) Не только он, но иИриней, и все древние называли Премудростью Соломоновы Притчи. Говоря о так называемых апокрифах, он сообщает, что некоторые из них были составлены современными ему еретиками. Но перейдем к другому.

ГЛАВА 23

(1) Прежде всего надо сказать о Дионисии. Ему поручена была в Коринфе епископская кафедра. Плодами своего вдохновенного трудолюбия он щедро делился не только со своей паствой, но и с чужеземцами. Наибольшую пользу он принес, обращаясь к Церквам с вселенскими Посланиями.

(2) Есть Послание к лакедемонянам, наставляющее в правоверии и убеждающее хранить мир и единство, и другое, к афинянам, понуждавшее к вере и жизни по Евангелию. Дионисий упрекает афинян в легкомыслии; после того, как их предстоятель, Пуплий, мученически скончался в случившееся тогда гонение, они готовы были отпасть от веры.

(3) Вспоминает он и Кодрата, бывшего их епископом после замученного Пуплия, и свидетельствует, что его рвением были они собраны и вновь загорелись верой. Затем он рассказывает, что Дионисий Ареопагит, по словам Деяний обращенный к вере апостолом Павлом, был первым епископом Афин.

(4) Есть еще его Послание к никомидийцам, в котором он опровергает ересь Маркиона и стоит за установленную истину.

(5) Обращаясь к Церкви в Гортине и к прочим Критским Церквам, он хвалит их епископа Филиппа, ибо его Церковь неоднократно засвидетельствовала свою верность, и вновь напоминает, что следует остерегаться еретической заразы.

(6) Обращаясь к Церкви в Амастриде и к прочим понтийским Церквам, он вспоминает Вакхилида и Елписта, которые просили его написать это Послание; толкует Божественное Писание, называет по имени их епископа Пальму. Он дает много советов относительно брака и целомудрия и велит дружески принимать, если они покаялись, павших, согрешивших, даже повинных в еретическом заблуждении.

(7) Среди этих Посланий есть одно к жителям Кносса: в нем он убеждает их епископа Пинита не накладывать насильно на братьев тяжкого бремени целомудрия и считаться с тем, что многие слабы.

(8) Пинит в своем ответе восхищается Дионисием, хвалит его, но в свою очередь убеждает давать более твердую пищу и питать в

дальнейшем народ, ему вверенный, писаниями, ведущими к совершенству; нельзя, чтобы, все время сидя на поучениях, похожих на жидкую молочную пищу, они незаметно и состарились неразумными детьми. В этом Послании отчетливо выявлен облик Пинита: его правоверие, забота о пользе ему подвластных, образованность и понимание Божественного.

(9) Есть у Дионисия и Послание к римлянам, обращенное к тогдашнему епископу Сотеру; лучше всего привести его похвалу римскому обычаю, сохранившемуся до современного нам гонения:

(10) «Изначально есть у вас обычай всячески благодетельствовать всем братьям и посылать вспомоществование многим Церквам. Вы облегчаете бедняков, снабжаете посылками братьев, находящихся в рудниках. Вы, римляне, храните римский обычай, от отцов переданный, оказывать такую помощь. Ваш блаженный епископ Сотер не только соблюдал его, но обильно снабжал святых и как любящий отец ободрял приходящих к нему братьев добрым словом».

(11) В этом же послании вспоминает он и Послание Климента к коринфянам, замечая, что, по данному обычаю, его читают в Церквах.

«Сегодня святой день Господень, и мы прочитали ваше Послание; будем всегда читать его в наставление себе, как читаем и то, которое послал нам еще раньше Климент».

(12) Говорит он и о подделке своих Посланий: «Братья просили меня писать им послания; я и писал их, но апостолы диавола переполнили их сорняками:

одно выбросили, другое прибавили – горе им! Не удивительно, что постарались подделать и Писание Господне, раз занялись и не такими важными».

(13) Есть и еще послание Дионисия к глубоко верующей сестре Христофоре, в котором он подает приличествующую ей духовную пищу.

О Дионисии достаточно.

ГЛАВА 24

(1) У Феофила, упомянутого нами епископа Александрийской Церкви, есть три книги к Автолику, излагающие начала веры; книга, озаглавленная «Против ереси Гермогена»; в ней он пользуется свидетельствами из Иоаннова Откровения; есть и другие учительные книги.

А так как еретики, словно плевелы, засорили чистое поле апостольского учения, то повсюду пастыри церковные отгоняли их, как хищных зверей, от овец Христовых, то наставляя и убеждая самих братьев, то вступая в открытую борьбу с противником: уничтожали их устными рассуждениями; неопровержимо изобличали их учение доводами из письменных источников.

Что и Феофил выступил вместе с другими в этой борьбе, ясно из его превосходной книги против Маркиона; она вместе с другими, нами упомянутыми, сохранилась доныне.

Преемником его был Максимин, седьмой, считая от апостолов, епископ Антиохийской Церкви.

ГЛАВА 25

Филипп, бывший, по словам Дионисия, епископом в Гортине, написал обстоятельнейшее сочинение против Маркиона. Писали также Ириней и Модест. Последний сильнее, чем другие, всем воочию показал заблуждения этого человека. Писало и много других; труды их доны не сохраняются у многих братьев.

ГЛАВА 26

(1) В это же время на верху своей славы находились Мелитон, епископ в Сардах, и Аполлинарий, епископ в Иераполе, которые – каждый особо – обратились к тогдашнему римскому императору с Апологией нашей веры.

(2) До нашего сведения дошли следующие произведения Мелитона: «О Пасхе» две книги; «Об образе жизни и о пророках»; «О Церкви»; «О дне Господнем»; «О вере человеческой»; «О творении»; «О послушании чувств вере» и, кроме того, «О душе и теле, или О едином»; «О крещении»; «Об истине, вере и о рождении Христа»; «О пророчествах о Нем»; «О гостеприимстве»; «Ключ»; «О диаволе»; «Об Откровении Иоанна»; «О Боге воплотившемся» и, наконец, «Прошение к Антонину».

(3) В начале своего сочинения «О Пасхе» он указывает время его составления: «При Сервилии Павле, проконсуле в Асии, в то время, когда мученически скончался Сагарис, в Лаодикии возник великий спор о Пасхе, которая в те дни пришлась как раз на то самое время. Тогда это и было написано».

(4) Об этой книге вспоминает Климент Александрийский в собственной своей книге о Пасхе, которую, о его словам, он составил по поводу Мелитонова писания.

(5) «Такого никогда не бывало: сейчас в Асии по новым эдиктам гонят и преследуют людей благочестивых. Бесстыдные доносчики и любители чужого, исходя из этих распоряжений, открыто разбойничают, ночью и днем грабя людей, ни в чем не повинных».

(6) Затем он говорит: «Если это делается по твоему приказу – хорошо, пусть так и будет! Справедливый царь никогда не постановит решения несправедливого, и мы с радостью примем эту смерть как некую почесть. У нас к тебе только одна просьба: познакомиться сначала с теми, кто вызвал такую ненависть, и решить по справедливости, заслуживают они смерти и наказания или жизни и спокойствия; если же не от тебя идет это распоряжение и новый эдикт (издать его не пристало бы даже против врагов – варваров), то мы тем более просим тебя: не оставь нас на этот открытый грабеж».

(7) Дальше он говорит:

«Наша философия окрепла и утвердилась сначала у варваров; расцвет же ее у твоего народа приходится на великое царствование Августа, твоего предка.

Она принесла счастье твоей империи: с тех пор росли и мощь, и слава Рима.

Ты желанный наследник их и пребудешь им вместе с сыном, храня философию, которая возросла вместе с империей и получила начало с царствованием Августа; предки твои чтили ее, как и прочие религии.

(8) А вот неоспоримое доказательство, что на благо счастливо начавшейся империи росло и крепло наше учение: начиная с царствования Августа на Рим не надвигалось никакой беды, наоборот, по молитвам всех все было прекрасно и славно.

(9) Только Нерон и Домициан, подстрекаемые какими-то злодеями, пожелали оклеветать нашу веру и с тех пор, по бессмысленному обычаю доносить, на нас льются потоки лжи.

(10) Твои благочестивые предки старались исправить это невежественное представление: часто отправлялись письменные выговоры тем, кто осмеливался вводить какие-то новшества относительно христиан Твой дед Адриан писал об этом многим, и в том числе Фундану, проконсулу Асии, а твой отец, когда ты уже был его соправителем, писал городам, чтобы не было по отношению к нам никаких новшеств: лариссейцам, фессалоникийцам, афинянам и всем грекам.

(11) Ты разделяешь его мысли по этому поводу; ты и более человеколюбив, и более предан философии – и мы верим, что ты сделаешь все, о чем мы тебя просим».

(12) Все это находится в упомянутом письме. Написанные им «Эклоги» он начинает, в качестве предисловия, со списка общепризнанных книг Ветхого Завета. Этот список необходимо привести здесь. Пишет он так:

(13) «Мелитон брату Онисиму привет. По усердию к нашей вере ты часто просил меня сделать тебе выборки из Закона и пророков, относящиеся к Спасителю и ко всей нашей вере; ты хотел в точности узнать число ветхозаветных книг и порядок, в каком они расположены. Я постарался выполнить твое желание, зная твою ревность к вере и

любознательность к ее учению; ты считаешь это самым важным, любя Бога и трудясь для вечного спасения.

(14) Я отправился на Восток и дошел до тех мест, где Писание было проповедано и исполнено, в точности разузнал о ветхозаветных книгах и послал тебе их список. Вот их названия: пять книг Моисеевых – Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие; Иисус Навин, Судьи, Руфь, четыре книги Царств; две Паралипоменон, Псалмы Давида, Притчи Соломоновы, или книга Премудрости, Екклезиаст, Песнь песней, Иов; пророки: Исаия, Иеремия и двенадцать в одной книге, Даниил, Иезекииль, Ездра. Из них я и сделал выборки, разделив их на шесть книг».

О Мелитоне сказано достаточно.

ГЛАВА 27

У многих хранится много книг Аполлинария; до нас дошли следующие речь упомянутому императору; «К эллинам» в пяти книгах; «Об истине» две книги; «К иудеям» две. Позже писал он против фригийской ереси (она спустя немного времени расцвела буйно, но тогда только начала как бы прорастать) и против Монтана, ее создателя, сбившегося с правого пути вместе со своими мнимыми пророчицами.

ГЛАВА 28

От Мусана, нами раньше упоминавшегося, дошло очень сильное увещательное слово, написанное братьям, уклонившимся в ересь так называемых энкратитов, тогда зарождавшуюся и вводившую учение ложное, чуждое и пагубное Говорят, что сбил людей с правого пути Татиан.

ГЛАВА 29

(1) Приводя недавно его слова о дивном Иустине, мы сказали, что он был учеником мученика. Ириней подтверждает это в 1-й книге «Против ересей» и пишет так о самом Татиане и о его ереси:

(2) «От Сатурнина и Маркиона пошли так называемые энкратиты, которые проповедовали безбрачие, отрицали творение мира Богом и втихомолку обвиняли Его за то, что он создал мужчину и женщину для рождения детей. В своей неблагодарности Богу, Создателю всего, они вводили воздержание от того, что называли одушевленным, и отрицали спасение для первого человека.

Вот что у них выдумано, а богохульное это учение принес некий Татиан.

Слушатель Иустина, он, пока был с ним, ничего подобного не провозглашал; а после его мученической кончины отошел от Церкви и в чаду учительского самомнения, возомнив себя выше других, создал свое собственное учение, сочинил каких-то незримых эонов, вроде Валентиновых; объявил вместе с Маркионом и Сатурнином брак пагубой и развратом и придумал доказательства, утверждающие невозможность спасения для Адама».

(4) Так писал тогда Ириней. Через короткое время ересь эту усилил некий Север, и ее приверженцы стали называться по его имени северианами.

(5) Они признают Закон, Евангелия и пророков, но мысли Священного Писания толкуют по-своему; бранят апостола Павла, отвергают его Послания и не принимают Деяний.

(6) Их прежний глава, Татиан, составил – не знаю как – свод из четырех Евангелии, назвав его «Евангелием от четырех»; оно и посейчас кое у кого имеется. Говорят, он осмеливался излагать мысли апостола в других словах под предлогом исправления стиля.

(7) От него осталось множество сочинений; многие упоминают, как самое знаменитое, слово «К эллинам», в котором, вспоминая времена древнейшие, он заявляет, что Моисей и еврейские пророки старше всех, кто прославлен у эллинов. Это произведение, кажется, самое лучшее и самое полезное из всех его трудов.

Вот что касается этого человека.

ГЛАВА 30

(1) При этом же императоре ереси в Месопотамии умножились, и некий Бардесан, человек очень даровитый и прекрасно владевший сирийским языком, составил и написал на родном языке и родным шрифтом диалоги против последователей Маркиона и прочих ересиархов. Было у него много и других произведений. Ученики его (их было много, ибо он был сильным диалектиком) перевели их с сирийского на греческий.

(2) Среди этих произведений есть очень убедительный диалог с Антонином о судьбе; говорят, есть и другие сочинения, написанные по поводу тогдашнего гонения.

(3) Бардесан принадлежал раньше к школе Валентина, но, отдав себе отчет во множестве его выдумок и опровергнув их, он решил, что сам он вернулся к мыслям правоверным. Целиком, однако, он не счистил грязь старой ереси.

КНИГА ПЯТАЯ

(1) Епископ Римской Церкви Сотер скончался на восьмом году своего епископства. Преемником его стал Елевферий, двенадцатый, считая от апостолов, епископ. Шел семнадцатый год царствования императора Антонина Вера, когда в некоторых областях вспыхнуло страшное гонение на нас: по городам поднялся на нас народ. Что мучеников было неисчислимое множество, об этом можно догадаться по событиям, случившимся в одном народе; потомству сообщено о них в записи, и они воистину достойны остаться незабвенными.

(2) Сочинение, в котором они полностью изложены, мы целиком поместили в «Сборнике о мучениках», целью которого был не только рассказ, но и поучение. Теперь же я выберу оттуда то, что имеет отношение к нынешнему труду.

(3) Другие в своих исторических повествованиях обязательно пишут о воинских победах, о трофеях, о подвигах военачальников и доблести воинов, запятнанных кровью и убийствами, совершенными ради своих детей, родины и всякого богатства. Наше слово, повествующее о том, как жить в Боге, запишет на вечных скрижалях тех, кто вел мирную войну за мир своей души и мужественно сражался за истину, а не за родину, за веру, а не за близких. Оно возгласит непреходящую память о сопротивлении борцов за веру, об их многострадальном мужестве, о победе над демонами и незримыми противниками и о венцах, за всё это полученных.

ГЛАВА 1

(1) Галлия была той страной, где устроилось поприще для описываемых событий; ее славные метрополии Лугдун и Виенна превосходят прочие тамошние города. Через оба города проходит река Родан, обильно орошающая всю страну.

(2) Церкви этих двух городов, известные и славные, отправили запись о мучениках Церквам в Асии и Фригии. Они так рассказывают о том, что у них происходило (привожу их собственные слова):

(3) «Рабы Христовы, живущие в Виенне и Лугдуне, в Галлии, братьям в Асии и Фригии, имеющим одинаковую с нами веру и надежду на искупление, – мир, радость и слава от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего».

(4) Затем, после некоторого предисловия, они так начинают свой рассказ:

«Какое было здесь притеснение, какое неистовое негодование у язычников на святых, что претерпели блаженные мученики, мы в точности и рассказать не в силах, и описать не сможем.

(5) Со всей силой обрушился на нас враг, подготовляя свое неизбежное пришествие в будущем. Он всё пустил в ход: натравливал на нас и приучал к травле на рабов Божиих. Нас не только не пускали в дома, бани и на рынок; (6) нам вообще было запрещено показываться где бы то ни было; но ополчилась на них благодать Божия: она у крепила слабых, ею противопоставлен оплот крепкий, принявший на себя весь натиск лукавого; люди эти шли навстречу врагу, выдержали всяческое поношение и пытки; считая многое малым, спешили они ко Христу, воистину показав, что «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас».

(7) Сначала они мужественно выдерживали нападение черни, устремившейся скопом и толпами: на них кричали, их били, волокли, грабили, в них швыряли камнями, заключали в тюрьму, поступали, как озверевшая толпа любит поступать с врагами и неприятелем.

(8) По приказу трибуна и городских властей их вывели на площадь и допросили в присутствии всей толпы. Они исповедали свою веру и были заключены в тюрьму до приезда легата.

(9) Потом их привели к нему. Он обошелся с ними со всей жестокостью, обычной по отношению к нам. Тогда Веттий Эпагаф, один из братьев, достигший полноты любви к Богу и ближнему, ведший жизнь столь безукоризненную, что его, юношу, приравняли к старцу-пресвитеру Захарии (он поступал по всем заповедям и уставам Господним беспорочно, не медлил всячески послужить ближнему, имел великую ревность к Богу и горел духом), не вынес такого безрассудного суда и потребовал, чтобы выслушали его защиту братьев, ибо нету нас ни безбожия, ни нечестия.

(10) Окружавшие кафедру осыпали его бранью – а был он человеком известным; легат, раздраженный столь законно предъявленным требованием, только спросил, не христианин ли он. Эпагаф громко и ясно исповедал свою веру и сам получил жребий мученика. Его прозвали утешителем христиан, он же в самом себе имел утешителя: дух Захарии проявлен им в полноте любви; он предпочел выступить на защиту братьев и положить за них душу свою. Он был и остался настоящим учеником Христовым, который следует за Агнцем, куда бы Он ни повел его.

(11) Тут среди остальных обнаружилось различие: одни были готовы к мученичеству и со всей охотой произносили исповедание веры. Оказались, однако, и не готовые, без опыта, еще слабые, не могшие выдержать этого напряженного великого состязания. Таких отпавших было человек десять. Они доставили нам великое огорчение и неизмеримую скорбь и надломили мужественную решимость у тех, кто еще не был схвачен и кто, хотя и с великим страхом, но помогал мученикам и не оставлял их.

(12) Тут мы все были поражены ужасом, потому что темен был исход их исповедания; мы не страшились пыток, но, видя предстоящий конец, боялись, как бы кто не отпал.

(13) Каждый день хватали тех, кто был достоин восполнить число мучеников; из двух упомянутых Церквей забрали людей самых деятельных, на которых Церкви, по существу, и держались.

(14) Захватили и некоторых наших рабов-язычников; легат именем власти приказал всех нас разыскивать. Они, испугавшись пыток, которые на их глазах терпели святые, и поддавшись уговорам воинов, оболгали нас и дали по козням сатанинским ложные показания: у нас Фиестовы пиры, Эдиповы связи и вообще такое, о чем нам не то что

говорить, но и думать нельзя; нельзя и поверить, чтобы такое бывало когда-либо у людей.

(15) Когда эти слухи распространились, все озверели; даже те, кто раньше был к нам скорее расположен в силу дружеских связей, в ярости на нас скрежетали зубами. Сбылось слово Господа нашего: «Придет время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу».

(16) Теперь святые мученики терпели пытки, которые невозможно описать.

Сатана всячески старался, чтобы их устами произнесено было богохульное слово.

(17) Весь неистовый гнев и толпы, и легата, и солдат обрушился на Санкта, диакона из Виенны; на Матура, недавно крестившегося, но доброго борца; на Аттала, пергамца родом, всегда бывшего опорой и оплотом здешних христиан, и на Бландину: на ней Христос показал, что ничтожное, незаметное и презренное у людей у Бога прославлено за любовь к Нему, проявленную не напоказ, а в действии.

(18) Боялись за нес все: и мы, и ее земная госпожа, сама бывшая в числе исповедников, считали, что у Бландины, по ее телесной слабости, не хватит сил на смелое исповедание. Она же исполнилась такой силы, что палачи, которые, сменяя друг друга, всячески ее мучили с утра до вечера, утомились и оставили се. Они признавались, что побеждены, и не знали, что еще делать; они удивлялись, как Бландина еще живет, хотя все тело у нее истерзано и представляет собой сплошную зияющую рану. По их утверждению, пытки одного вида достаточно, чтобы человек испустил дух, – не надо стольких и таких.

(19) Но блаженная, как настоящий борец, черпала новые силы в исповедании: она восстанавливала их, отдыхала, не чувствовала боли, повторяя: «Я христианка, у нас не делается ничего плохого».

(20) И Санкт мужественно переносил страдания, которые были сверх всех человеческих сил и которыми умучивали его люди. Беззаконники надеялись услышать от него недолжное слово, вырванное непрерывными тяжкими пытками, но так тверд был он в своем отпоре, что даже не назвал ни своего имени, ни национальности, ни родного города, не сказал, раб он или свободный; на все вопросы он отвечал по-латыни: «Я христианин». Вместо имени, вместо города,

вместо своего происхождения, вместо всего он раз за разом повторял свое исповедание: другого слова язычники от него не услышали.

(21) И легат, и палачи были крайне раздражены и, не зная, что делать, стали, наконец, прикладывать раскаленные медные пластинки к самым чувствительным местам на теле.

(22) И плоть горела, но Санкт оставался незыблемо тверд в своем исповедании; вода живая, исходящая из чрева Христова, орошала его и давала ему силу.

(23) Тело же его свидетельствовало о пережитом: всё в рубцах и ранах, съежившееся, утратившее человеческий облик; но Христос, в нем страждущий, его и прославил, обессилив врага и на этом примере показав остальным, что ничто не страшно, где любовь Отца, ничто не больно, где слава Христова.

(24) Через несколько дней беззаконники принялись вновь пытать мученика, рассчитывая, что если они подвергнут его распухшие и воспаленные члены тем же мучениям, то они или одолеют его – а он тогда не мог вынести даже прикосновения руки, – или же он умрет под пыткой и смерть его распугает остальных. Ничего подобного с ним, однако, не случилось: в последующих пытках он, вопреки всеобщим ожиданиям, окреп, распрямился, приобрел прежний облик и способность пользоваться своими членами: вторичные пытки стали ему не в наказание, а, по милости Христовой, в исцеление.

(25) Библиаду, одну из отрекшихся, диавол уже собирался поглотить, но, желая, чтобы она была осуждена еще и за кощунство, повел ее на пытку, понуждая обвинять нас в делах безбожных – а была она существом хрупким и робким.

(26) Она, однако, под пыткой отрезвилась и, можно сказать, проснулась от глубокого сна: временная боль напомнила ей о вечной казни в геенне, и она стала противоречить клеветникам: «Как могут эти люди есть детей, если им запрещено есть кровь даже неразумных животных?» После этого она заявила, что она христианка. Ее причислили к мученикам.

(27) Стойкость мучеников, руководимых Христом, обессилила эти тиранические наказания, и диавол измыслил другие козни: заключение в мрачные, очень суровые тюрьмы, растягивание ног на деревянной доске до пятой дыры и прочие мучения, которым злобные слуги диавола, исполненные его духа, обычно подвергают заключенных.

Многие умерли, задохнувшись в тюрьме, – именно те, которых Господь пожелал освободить таким образом, являя Свою славу.

(28) Другие, терпевшие такие горькие муки, что, казалось, они не смогут выжить даже при самом тщательном уходе, продолжали жить в тюрьме: без всякой людской заботы, укрепленные от Господа душевно и телесно, они и других уговаривали и утешали. А новички, только что схваченные, еще не знакомые с телесными страданиями, не выносили тяжести заключения и умирали в тюрьме.

(29) Епископское служение в Лугдуне было вверено блаженному Пофину.

Было ему за девяносто, телесно он очень ослаб, с трудом дышал по причине телесной слабости, но был укреплен духом ревности и гоним жаждой мученичества. Он сам повлекся к судье, изможденный телом и от старости, и от болезни, но соблюдающий в себе душу, дабы через нее торжествовал Христос. Воины подвели его к судье; их сопровождали городские власти и огромная толпа, вопившая на вес лады так, словно он Сам Христос.

Исповедание его было прекрасно.

(31) На вопрос легата, что это за Бог у христиан, он ответил:

«Будешь достоин – узнаешь». Тогда его безжалостно поволокли, всячески осыпая ударами. Стоявшие рядом, не уважая его старости, били его руками и пинали ногами; находившиеся подальше швыряли всем, что попадало под руку:

все считали преступным нечестием отстать в этом грубом издевательстве; думали, что таким образом они мстят за своих богов. Пофина, едва дышавшего, бросили в тюрьму, и через два дня он испустил дух.

(32) И тут проявилась великая попечительность Господня и обнаружилось безмерное милосердие Иисусово, редкое даже для нашего братства, но отвечающее Христову замыслу.

(33) Схваченные первоначально и отрекшиеся все равно содержались в заключении и были тоже пытаемы. В то время отречение было бесполезно, и объявившие себя тем, чем они и были, были посажены как христиане и ни в чем другом их не обвиняли; этих же держали как убийц и развратников, и по сравнению с остальными наказаны они были вдвойне.

(34) Радость мученичества, надежда на обещанную награду, любовь ко Христу, дух Отчий – все это облегчало участь исповедников; зато отрекшихся сильно мучила совесть: когда узников выводили, то их сразу можно было отличить по виду.

(35) Исповедники шли веселые; на их лицах была печать благодати и славы; оковы казались достойным украшением – так идет невесте одежда с золотым шитьем. От них исходило благоухание Христово; некоторые даже думали, что они умащиваются миром; отрекшиеся шли понурые, приниженные, всякое благообразие было ими утрачено; к тому же язычники оскорбляли их как низких трусов, обвиняли в человекоубийстве; они утратили почетное, славное, животворящее имя. Видя это, и остальные укреплялись; схваченные не сомневаясь произносили свое исповедание, не раздумывая над диавольскими доводами».

(36) Сказав тут еще кое о чем, они продолжают:

«Мученичество их кончалось разной смертью: венок, сплетенный из всевозможных цветов разной окраски, поднесли они Отцу. Им, благородным борцам, одержавшим в разных состязаниях великую победу, надлежало получить венец бессмертия.

(37) Матура, Санкта, Бландину и Аттала бросили в амфитеатре зверям и языческой бесчеловечности, как зрелище; ради наших был назначен особый день травли.

(39) Матур и Санкт прошли в амфитеатре через все мучения, будто раньше вообще ничего не претерпели; вернее, как уже одолевшие противника во многих схватках и ведущие борьбу за самый венок, они перенесли опять принятый в тех местах переход от бичевания к бросанию зверям и вообще всё, что со всех сторон требовал обезумевший народ. Их, наконец, посадили на железное кресло; чад от поджариваемых тел окутал их.

(39) Язычники не унимались и бесновались еще больше, желая победить их выдержку, но ничего не услышали от Санкта, кроме тех слов, в которых он с самого начала привык излагать свое исповедание.

(40) Так как мученики в этом длительном состязании по большей части оставались живы, то в конце концов их закололи. В течение этого дня вместо пестрого разнообразия звериной травли зрелищем служили только мы.

(41) Бландину решено было подвесить к столбу на съедение зверям. Вид ее, словно распятой на кресте, ее горячая молитва внушали много рвения состязавшимся: благодаря сестре телесными глазами увидели они Распятого за нас; да убедятся уверовавшие в Него, что каждый пострадавший за Христа находится в вечном общении с Богом живым.

(42) Так как ни один зверь не прикоснулся к Бландине, то ее сняли со столба и опять отправили в тюрьму. Она сохранялась для другого состязания:

да одержит победу во многих схватках и сделает неизбежным осуждение коварного змия; да одушевит братьев она, маленькая и слабая, ничтожная – и великий непобедимый борец за Христа, одолевшая врага во многих схватках и за эту борьбу увенчанная венцом бессмертия.

(43) Чернь настойчиво требовала казни Аттала (он был человеком известным). Он вышел, готовый к борьбе: совесть его была чиста, он по-настоящему был наставлен в христианском учении и всегда свидетельствовал у нас об истине.

(44) Его обвели кругом амфитеатра; впереди несли дощечку с латинской надписью: «Это Аттал-христианин». Хотя народ и кипел от ненависти к нему, но легат, узнав, что он римский гражданин, приказал держать его вместе с остальными в тюрьме, о которых он послал письмо кесарю: он ждал решения.

(45) А пока что время для них не шло праздно и бесплодно; за их терпение явлено им было безмерное милосердие Христово: живые оживили мертвых, мученики простили отрекшихся и великая радость была у Девы-Матери, принявшей живыми мертвых выкидышей.

(46) Благодаря исповедникам большинство отступников вернулось к вере, зачало новые плоды, загорелось и выучилось исповеданию. Ожившие, полные сил подходили они к кафедре для нового допроса, и радовался Господь, не желающий смерти грешника, милостивый к кающимся.

(47) От кесаря пришел ответ: исповедников мучить; кто отречется, тех отпустить. Как раз начиналось Собрание провинциалов (очень многолюдное, так как на него сходятся ото всех племен), и легат превратил выход мучеников к трибуне в театральное зрелище для толпы. Тут он опять их допрашивал:

римским гражданам велел отрубить головы, а остальных бросить зверям.

(48) Прославили Христа, вопреки ожиданию язычников, недавние отступники. Их допрашивали каждого особо, обещая освобождение, но они исповедали свою веру и были причислены к мученикам. В стороне остались те, в ком не было и следа веры, кто не понимал, что значит брачная одежда, и не имел страха Божия. Сыны погибели, они самим отречением произнесли хулу на Путь; все остальные объединились с Церковью.

(49) При допросе присутствовал некий Александр, фригиец родом, врач. Он много лет жил в Галлии и почти всем был известен своей любовью к Богу и смелостью своей речи; не был он обделен и апостольским даром. Стоя у трибуны, он знаками поощрял исповедников; стоявшим кругом казалось, что он в родовых схватках, (50) и чернь, раздраженная тем, что недавние отступники стали исповедниками, стала вопить, что это дело Александра. Легат подозвал его и стал допрашивать, кто он, и, обозлившись на его ответ: «Христианин», осудил на съедение зверям. На следующий день он вышел на арену вместе с Атталом, и легат, в угоду черни, и Аттала отдал зверям.

(51) В амфитеатре они испытали на себе все орудия, придуманные для пыток, и выдержали великое состязание; наконец, их закололи. Александр не издал ни слова, ни звука: сердце его было с Богом.

(52) Аттал, когда его посадили на железное раскаленное кресло и от его тела пошел запах жареного, сказал, обращаясь к толпе, по-латыни: «Это вот и есть поедание людей – то, что вы делаете, а мы не едим людей и вообще не делаем ничего дурного». Когда его спросили об имени Бога, он ответил: «Бог не имеет имени, подобно человеку».

(53) После всего, в последний день травли, вывели опять Бландину с Понтиком, мальчиком лет пятнадцати. Их приводили каждый день поглядеть на мучения других и заставляли поклясться именем языческих идолов – а они пребывали в пренебрежительном спокойствии. Толпа озверела; не пожалели ребенка, не устыдились женщины:

(54) их обрекли на все пытки, провели по всему их кругу, неизменно заставляли поклясться, но ничего не добились. Понтика ободряла сестра:

язычники видели, как она убеждала и укрепляла брата. Он, мужественно выдержав все мучения, испустил дух.

(55) А блаженная Бландина, последняя из всех, убеждавшая, как благородная мать, своих детей и проводившая их, победителей, к Царю, прошла через все страдания своих детей и поспешила к ним, ликуя о своем отходе и радуясь ему, словно приглашенная на брачный пир, а не брошенная на съедение зверям.

(56) После бичей, встречи со зверями, раскаленной сковороды ее, наконец, посадили в ивовую корзину и бросили быку. Животное долго подбрасывало ее, но она уже ничего не чувствовала в надежде обетованного и в общении со Христом. Ее тоже закололи. Сами язычники сознавались, что у них ни одна женщина не смогла бы выдержать столько таких мучений.

(57) Их безумие и жестокость к святым и тут не насытились. Свирепые варварские племена, растревоженные лютым зверем, с трудом успокаиваются.

Они придумали нечто новое, свое: стали издеваться над мертвыми телами.

(58) Лишенные человеческой способности рассуждать, они не устыдились своего поражения, но, как звери, еще больше распалились гневом; и легат и народ испытывали одинаковую и несправедливую ненависть к нам, да исполнится Писание: «Неправедный пусть еще делает неправду, и святой да освящается еще».

(59) Тела задохнувшихся в тюрьме выбросили собакам и старательно охраняли днем и ночью, чтобы никто из наших не похоронил их. Выбросили то, что осталось от огня и звериных зубов; истерзанные, обугленные куски, а также головы и обрубки туловищ – все это много дней подряд оставалось без погребения и охранялось с воинской старательностью.

(60) Одни при виде этих останков злобно скрежетали зубами, ища, чем бы еще отомстить; другие, смеясь, издевались, восхваляли своих идолов и приписывали им наказание христиан. Люди более мягкие, склонные до некоторой степени к состраданию, укоряли нас, говоря: «Где же их Бог? Какая им польза от их веры, за которую они отдали жизнь?» (61) Так по-разному отнеслись к нам люди, мы же пребывали в великой печали, ибо не могли тела их предать земле. И ночь не приходила на помощь, и деньги не убеждали, и мольбы не

трогали: останки мучеников всячески охраняли, словно в расчете на большую выгоду от того, что не будет у них могил».

(62) Затем, между прочим, говорят они следующее:

«Тела мучеников, всячески поруганные в поучение всем, оставались шесть дней под открытым небом, затем беззаконники их сожгли и смели пепел в реку Родан, протекающую поблизости, чтобы ничего от них на земле не оставалось.

(62) Они это делали в расчете победить Бога и отнять у них возрождение.

(63) Они так и говорили: «Чтобы и надежды у них не было на воскресение, поверив в которое они вводят странную новую веру, презирают пытки и готовы с радостью идти на смерть. Посмотрим, воскреснут ли они, и сможет ли их Бог помочь им и вырвать из наших рук».

ГЛАВА 2

(1) Все это случилось в христианских Церквах при упомянутом императоре.

По этим событиям можно разумно заключить о том, что делалось в остальных провинциях. Стоит добавить из этого же письма дословный рассказ о доброте и человеколюбии упомянутых мучеников:

(2) «Столь ревностно подражали они Христу, Который, «будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу», что столь прославленные не раз и не два, а многократно мучимые, бросаемые зверям и возвращаемые в тюрьму, все в ожогах, рубцах и ранах, они не только сами не объявляли себя мучениками, но запрещали нам их так называть, и, если кто в письме или разговоре обращался к ним: «мученики», они горько его упрекали.

(3) Они охотно отдавали звание мученика Христу, верному, истинному Мученику, Первенцу из мертвых, Владыке жизни в Боге; вспоминали уже отошедших мучеников и говорили: «вот они, мученики: Христос удостоил принять их при исповедании, запечатлев смертью их свидетельство, а мы просто исповедники ничтожные». И они со слезами просили братьев усиленно молиться, чтобы им устоять до конца.

(4) Они на деле показали силу мученичества: смело разговаривали с язычниками; их терпение, бесстрашие, твердость показали благородство их душ; исполненные страха Божия, они просили братьев мучениками их не называть».

(5) Немного спустя продолжают:

«Они смиренно склонялись под мощной рукой, которая теперь высоко вознесла их. Тогда они всех защищали и никого не обвинили: развязали всех, никого не связали. Молились за палачей, как Стефан мученик, достигший совершенства: «Господи! не вмени им греха сего». Если он молился за побивающих его камнями, то насколько же больше за братьев?» (6) Затем, между прочим, говорят:

«Любовь их была настоящей, и потому шла у них великая война с диаволом:

они хотели так сдавить ему глотку, чтобы он изверг из себя еще живыми тех, кого собрался целиком поглотить. Они не превозносились над падшими; по материнскому милосердию своему уделяли нуждающимся от своего избытка и, проливая за них обильные слезы перед Отцом, просили даровать им жизнь, и Он давал ее; (7) они отдавали ее ближним и, победив все, отходили к Богу. Они всегда любили мир, мир завещали нам, с миром ушли к Богу. Матери не оставили забот и братьям не раздор и вражду, а радость, мир, единомыслие и любовь».

(8) Рассказ о любви тех блаженных мучеников к падшим братьям да послужит на пользу тем, кто потом так бесчеловечно и безжалостно обходился с этими членами Христовыми.

ГЛАВА 3

(1) В том же писании о вышеназванных мучениках имеется и другой достопамятный рассказ, с которым стоит познакомить будущих читателей. Вот он:

(2) «Алкивиад, один из них, жил жизнью суровой и ничего прежде не употреблял в пищу, кроме хлеба и воды. Он пытался и в тюрьме вести себя так же, но Атталу после первого выдержанного им в амфитеатре состязания было открыто, что Алкивиад поступает нехорошо, отказываясь от того, что создал Бог, и подавая повод к соблазну.

(3) Алкивиад послушался, стал есть всё, не разбирая и благодаря Бога.

Мучеников никогда не оставляла благодать Божия, и Дух Святой был им советником». Тут и все.

(4) Последователи Монтана, Алкивиада и Феодота во Фригии только-только заговорили тогда на людях о своих прорицаниях (так как очень много и других чудес еще до того времени совершалось по Божией благодати в разных церквах, то многие поверили и их пророческому дару). Возникли по этому поводу разногласия, и братья из Галлии, изложив собственное суждение, осторожное и вполне правоверное, извлекли еще письма разных мучеников, у них скончавшихся, которые те, беспокоясь о мире церковном, находясь еще в оковах, писали братьям в Асии и Фригии, а также Елевферию, тогдашнему Римскому епископу.

ГЛАВА 4

(1) Эти же мученики сообщили упомянутому Римскому епископу об Иринее, пресвитере лугдунском, сказав о нем много добрых слов, как это ясно из следующего:

(2) «Желаем тебе, отец Елевферий, радоваться в Боге сейчас и всегда. Мы попросили доставить тебе это письмо нашего брата и сообщника Иринея; просим тебя, будь к нему расположен: он ревностен к завету Христову. Если бы мы думали, что праведность доставляет человеку место, то мы поставили бы его, по его заслугам, первым среди пресвитеров церковных».

(3) Зачем приводить список мучеников из их послания? Одних обезглавили, других бросили на съедение зверям; некоторые успокоились в тюрьме.

Незачем перечислять и выживших исповедников. Кто захочет, тот с исчерпывающей полнотой узнает об этом, взяв в руки эту запись, которую я, как говорил, вставил в свой «Сборник о мучениках». Такие события были при Антонине.

ГЛАВА 5

(1) Рассказывают, что брат его, кесарь Марк Аврелий, перед сражением с германцами и сарматами оказался в безвыходном положении, так как войско его обессилело от жажды. Воины так называемого Мелитинского легиона с верой, которая с того времени и доныне поддерживала их в сражениях с неприятелем, опустились, по нашему молитвенному обыкновению, на колени и обратились с мольбой к Богу.

(2) Зрелище для врагов было удивительное, но то, что, по рассказу, постигло их тут же, было еще удивительнее: страшная гроза обратила врагов в бегство и погубила их; ливень, хлынувший на воззвавших к Богу, восстановил силы всего войска, бывшего на краю гибели.

(3) Рассказ об этом есть и у писателей, далеких от нашей веры, но излагающих те же события; есть и у наших. Историки со стороны признают чудо, но, в нашей вере ничего не понимая, отрицают, что оно произошло по нашим молитвам. Наши, сроднившиеся с истиной, передают факты просто и бесхитростно.

(4) Один из них, Аполлинарий, говорит, что легион, по молитве которого произошло чудо, получил от императора наименование, которое по-латыни означает «молниеносный».

(5) Свидетельствует об этом и почтенный Тертуллиан, обратившийся к римскому сенату с Апологией нашей веры, уже упомянутой. Он передает этот рассказ, подтверждая его доказательствам и более сильными и убедительными; (6) по его словам, до сих пор ходят письма Марка, императора весьма разумного, в которых он свидетельствует, что его войско в Германии почти погибало без воды и спаслось молитвами христиан. По его словам, император грозил смертью нашим обвинителям.

(7) Заключает Тертуллиан такими словами: «Что это за законы, которые применяют против нас только безбожные, жестокие правители? Их не соблюдал Веспасиан, хоть и победитель иудеев; частично зачеркнул их Траян, запрещая разыскивать христиан; их не

подтвердили ни Адриан, который вмешивался во все, ни император, прозванный «Благочестивым». Пусть думает об этом кто как хочет.

(8) Перейдем к последующим событиям. Когда Пофин на девяностом году жизни скончался, а с ним и галльские мученики, то преемником Пофина, управлявшего Лугдунской Церковью, стал Ириней. Мы узнали, что в юности он слушал Поликарпа.

(9) В 3-й книге своего сочинения «Против ересей» он дает список Римских епископов, преемственно сменявших друг друга, и доводит его до Елевферия, время которого мы описываем. В своем сочинении, написанном в его епископство, он и помешает лот список. Он пишет так:

ГЛАВА 6

(1) «Блаженные апостолы, основав и устроив Церковь, вручили епископское служение Лину; об этом Лине апостол Павел вспоминает в Посланиях к Тимофею.

(2) Преемником его был Анаклет; третьим после апостолов получил жребии епископства Климент: он видел блаженных апостолов и беседовал с ними; в ушах его звучала апостольская проповедь; он перед глазами имел их предание.

И не он один: тогда еще оставалось много учеников апостольских.

(3) При этом Клименте в Коринфе возникло между братьями большое несогласие, и Римская Церковь послала коринфянам убедительные письма, понуждая их к миру, оживляя их веру и напоминая о предании, которое они только что получили от апостолов».

Немного ниже он говорит:

(4) «Преемником Климента был Эварест, а преемником Эвареста – Александр; шестым после апостолов поставлен Ксист; после него был Телесфор, со славой, как мученик, скончавшийся. За ним был Гигин, потом Пии, после него – Аникет. Преемником Аникета был Сотер, а теперь двенадцатым после апостолов получил жребии епископства Елевферий.

(5) В таком порядке и при такой преемственной передаче дошли до нас апостольское предание и проповедь истины».

ГЛАВА 7

(1) Ириней в согласии с тем, о чем мы рассказывали раньше, во 2-й книге (их всего пять) своего сочинения, озаглавленного «Обличение и низвержение лжеименного знания», говорит, что до его времени в некоторых Церквах зримо оставалась Божия сила чудотворения:

(12) «Они[1] не могут воскресить мертвого, как воскрешали Господь и апостолы своей молитвою или как часто случалось, что когда среди братьев возникала нужда, то вся поместная Церковь пребывала в посте и усиленной молитве, и душа умершего возвращалась: человек был дарован по молитвам святых».

И дальше, между прочим:

(3) «Если скажут, что чудеса Господни были мнимыми, то поведем их к пророкам и, основываясь на их книгах, покажем, что все о Нем, как было предсказано, так действительно и произошло и что Он есть единственный Сын Божий. Поэтому истинные ученики Его, получившие от Него благодать, совершают Его дела благие, разные, смотря по тому, кто какой дар получил от Него.

(4) Одни изгоняют демонов действительно и надежно, и часто, очистившись от злых духов, люди становятся верующими членами Церкви; другие предвидят будущее, имеют видения и пророчествуют; иные лечат больных и, возлагая на них руки, возвращают им здоровье; даже, как мы говорили, они воскрешали умерших, и те долго жили с ними.

(5) Нельзя и перечислить все дары, которые Церковь во всем мире получает от Бога во имя Иисуса Христа, распятого при Понтии Пилате, и ежедневно изливает их на благо язычников, никого не обманывая и ни на ком не наживаясь: даром получила от Бога, даром и служит».

(6) В другом месте он же пишет:

«Как мы и слышали от многих, есть в Церкви много братьев, имеющих дар пророчества и говорящих на разных языках по наитию Духа; они обнаруживают к пользе сокровенные людские помыслы, а также изъясняют Божественные тайны».

Вот рассказ о том, что и до сих пор разные дары есть у достойных.

ГЛАВА 8

(1) В начале нашего сочинения мы обещали привести к месту мнения древних пресвитеров и церковных писателей относительно дошедших по преданию канонических книг. Одним из этих писателей был Ириной; мы приведем его слова – (2) прежде всего то, что касается святых Евангелии:

«Матфей дал евреям Евангелие, написанное на их родном языке, как раз в то время, когда Петр и Павел проповедовали в Риме и основывали Церковь.

(3) После их смерти Марк, ученик и переводчик Петра, передал нам записанную им проповедь Петра. Лука, спутник Павла, поместил в книге Евангелие, им проповеданное.

(4) Затем Иоанн, ученик Господа, возлежавший у Него на груди, написал Евангелие, живя в Асии, в Эфесе».

(5) Это сказано Иринем в 3-й книге упомянутого произведения, а в 5-й он так рассуждает об Откровении Иоанна и о числе имени антихриста: «Так обстоит дело; во всех тщательно сделанных древних списках приведено то же число; оно засвидетельствовано теми, кто лично видел Иоанна, да и разум говорит нам, что число имени зверя дано в буквах его имени по числовому их значению у эллинов».

(6) И ниже говорит о том же:

«Мы боимся сказать что-либо точное об имени антихриста. Если бы нужно было сейчас открыто провозгласить его имя, то его назвал бы тот, кому было Откровение. Оно ведь было дано недавно, почти при нас, к концу правления Домициана».

(7) Вот что сообщил об Откровении Ириней. Упоминает он и Первое послание Иоанна и приводит оттуда много свидетельств, так же как из Первого послания Петра. Он не только знал, но и принимал книгу «Пастырь».

Он говорит: «Хорошо говорит Писание: прежде всего веруй, что Бог един, что Он все создал и все привел в порядок».

(8) Приводит он почти дословно некоторые изречения из Премудрости Соломона: «Созерцание Бога делает человека недоступным греху, а эта недоступность приближает его к Богу».

Вспоминает он и писания некоего пресвитера, мужа апостольского, по имени его не называя, но приводя его объяснение Божественного Писания.

(9) Упоминает также Иустина Мученика и Игнатия, пользуется свидетельствами из их писаний и обещает тщательно заняться в особой работе опровержением Маркиона на основании его же собственных книг.

(10) Послушай его дословное сообщение о переводе богодухновенных Писаний семьюдесятью толковниками:

«Бог стал человеком, и Сам Господь спас нас, выбрав в знамение этого Деву.

Некоторые из нынешних, например, Феодотион Эфесский и Акила с Понта, оба прозелиты из иудеев, осмеливаются перетолковывать слова: «Отроковица во чреве зачнет и родит Сына» в том смысле, что Христос родился от Иосифа.

Последователями их являются эвиониты».

(11) Немного спустя он продолжает:

«Еще до римского владычества, когда Асия была во власти македонян, Птоломей, сын Лага, горя желанием украсить основанную им в Александрии библиотеку самыми совершенными произведениями всех народов, попросил у жителей Иерусалима их книг, переведенных на язык эллинов.

(12) Евреи, бывшие тогда подданными Македонии, отправили к Птоломею семьдесят старцев, прекрасно знавших и Писание, и оба языка, – Господь творил Свою волю.

(13) Птолемей пожелал подвергнуть их испытанию: боясь, как бы они, сговорившись, не утаили в переводе истинный смысл Писания, он поместил каждого отдельно от других и велел всем делать тот же самый перевод, причем всех книг.

(14) Когда переводчики собрались у Птоломея и стали сравнивать свои переводы, то прославлен был Господь и Писание признано воистину Божественным: у всех одни и те же мысли были выражены в одних и тех же словах – с самого начала и до конца. Бывшие при этом язычники поняли, что книги переводились по внушению Божьему.

(15) Нет ничего удивительного, что Бог сотворил это чудо: когда в Навуходоносорово пленение Писание было искажено и спустя семьдесят лет евреи вернулись в родную страну, то уже во время

Артаксеркса, царя Персидского, Господь внушил Ездре, священнику из колена Левиева, воссоздать все слова древних пророков и восстановить Моисееве законодательство».

Вот что сообщает Ириней.

ГЛАВА 9

Царствование Антонина длилось девятнадцать лет, власть от него принял Коммод. В первый же год его правления, по смерти Агриппина, двенадцать лет несшего епископское служение в Александрии, епископство принял Юлиан.

ГЛАВА 10

(1) В это время там обучением верующих руководил человек, известный своей образованностью, по имени Пантен. По древнему обычаю, в Александрии имеется училище, где преподается Священное Писание. Оно существует и доныне, и мы слышали, что им ведают люди, сильные в слове и ревностные в изучении Божественного. В то время, говорят, особенно блистал упомянутый муж, воспитанный в правилах стоической философии.

(2) Он, по рассказам, проявил такое горячее рвение к слову Божию, что явился смелым проповедником Христова Евангелия у язычников на Востоке и доходил даже до земли индийцев. Многие, да, многие возвещали тогда слово евангельское; по внушению Господню подражали они апостолам, распространяя слово Божие и наставляя в нем.

(3) Пантен, один из таких, дошел до индийцев и, говорят, нашел у местных жителей, познавших Христа, принесенное к ним еще до его прибытия Евангелие от Матфея. Христа проповедовал им Варфоломей, один из апостолов; он оставил им Евангелие от Матфея, написанное еврейскими буквами; оно сохраняется и доныне.

(4) Пантен многое улучшил в Александрийском училище; он руководил им до смерти, поясняя и письменно, и в живой беседе сокровища Божественных догматов.

ГЛАВА 11

(1) В это же время в Александрии известен был Климент, изучавший Святое Писание. Он был тезкой Римского епископа, которого считали учеником апостольским.

(2) В своих «Очерках» он как своего учителя называет Пантена по имени и в 1-й книге «Стромат», по-моему, прикровенно перечисляя наиболее известных преемников апостольских, в учении которых был наставлен, говорит:

(3) «Книга эта написана без ухищрении и не для людей; я собрал себе под старость сокровище воспоминаний – это средство от забвения: словно тени, проходят передо мной безыскусственно начертанные образы люден, живых и ярких, чьи слова я удостоился слушать, блаженных мужей, которые сами достойны слова.

(4) Один из них был ионийцем, другой происходил из Великой Греции, третий – сириец из Келесирии; был один из Египта, были с Востока; один – из Ассирии, другой, евреи, – из Палестины. Последним я случайно встретил первого по силе и на нем успокоился; я выследил его, скрывавшегося в Египте.

(5) Они хранили святое учение, в точности переданное им Петром, Иаковом, Иоанном и Павлом, принимая его от святых апостолов, как сыновья от отца (немногие дети похожи на своих отцов); слава Богу, дожили они до нас, чтобы вложить в нас эти прадедовские и апостольские семена».

ГЛАВА 12

(1) При них в Иерусалимской Церкви епископом был известный Наркисс, который известен многим и доныне. Он был пятнадцатым, считая от войны с иудеями при Адриане. Мы говорили уже, что с этого времени тамошняя Церковь впервые составилась из язычников (до того состояла из обрезанных) и первым епископом из язычников был Марк.

(2) После него в списке епископов, преемственно сменявших друг друга, стоят:

Кассиан, за ним Публии, потом Максим, за ними Юлиан, потом Гаий, потом Симмах, потом другой Гаии, опять другой Юлиан, Каптон, за ними Валент и Долихиан и после всех Наркисс, тридцатый по преемству от апостолов.

ГЛАВА 13

(1) В это время Родон, уроженец Асии, учившийся в Риме, как он сам говорит, у Татиана (с которым мы уже познакомились), писал разные книги и вместе с другими восстал на Маркионову ересь. Он рассказывает, что в его время в ней возникли разные направления, опровергает ложные выдумки и тщательно характеризует виновников этого разделения. Послушай его самого:

(2) «Они потому и не согласны между собой, что защищают учение несостоятельное. Апеллес из того же стада, уважаемый и за свои образ жизни, и за старость, признаёт единое начало, но пророчества, по его мнению, исходят от вражеского духа, в чем его убедили изречения одержимой демоном девицы Филумены.

(3) Другие, как и сам кормчий Маркион, вводят два начала; к ним относятся Потит и Василиск.

(4) Они, идя по пятам за понтийским волком и не различая, как и он, природы вещей, свернули на путь легкий и заявили о существовании двух начал просто и бездоказательно; других снесло к еще худшему: они принимают существование не двух, а трех природ. Их глава и вождь – Синерос, как утверждают восхваляющие его школу».

(5) Пишет он и том, какие беседы вел с Апеллесом:

«Старец Апеллес общался с нами, и мы часто уличали его в нелепостях.

Поэтому он стал говорить, что вообще не надо исследовать Писание: пусть каждый остается при своей вере. Он утверждал, что надеющиеся на Распятого спасутся, но только если делали добрые дела. Самыми темными в его учении были его рассуждения о Боге (мы об этом говорили). Так же, как и мы, он признавал единое начало».

(6) Затем, целиком изложив мнения Апеллеса, Родон говорит:

«Когда я ему говорил: «Откуда у тебя доказательства? Как ты можешь говорить, что есть единое начало? Скажи!», он говорил, что пророчества сами изобличают себя и что в них нет ни слова правды: они между собой не согласны, лживы и противоречат одно другому. А

что есть одно начало, он, по его словам, этого не знает, а только его влечет к этой мысли.

(7) Я заклинал его сказать мне правду, и он поклялся в правдивости своих слов: он не понимает, как это есть единый нерожденный Бог, но верует в Него.

Я засмеялся и укорил его, что он, называя себя учителем, не знает, как доказать то, чему учит».

(8) В том же сочинении, обращаясь к Каллистиону, Родон рассказывает, что учился в Риме у Татиана, который, по его словам, трудился над книгой под заглавием «Спорные вопросы»; хотя он и обещал объяснить в ней темное и сокрытое в Священном Писании, но Родон объявляет, что разрешение этих вопросов он предложит в собственной книге. Приписывают ему и толкование на шесть дней творения.

(9) Этот же Апеллес тысячами кощунственных слов поносил Моисеев Закон; во множестве книге великим усердием хулил Писание и, как ему казалось, изобличал его и изничтожал. Об этом довольно.

ГЛАВА 14

Враг Церкви Божией, ненавистник прекрасного и любитель зла, не упускающий ни одного способа строить козни людям, потрудился над возникновением ересей, странных и враждебных Церкви. Одни из еретиков, словно ядовитые змеи, ползали по Асии и Фригии, провозглашая Монтана утешителем, а его приспешниц, Прискиллу и Максимиллу, – пророчицами.

ГЛАВА 15

В Риме были сильны другие: во главе их стоял Флорин, лишенный священства. Заодно с ним был и Власт, впавший в подобное же заблуждение.

Они многих увели из Церкви, завлекши в свое учение; оба, каждый по-своему, искажали истину новыми выдумками.

ГЛАВА 16

(1) Против так называемой фригийской ереси встал строй защитников истины – оплот крепкий и необоримый: Аполлинарий из Иераполя, о котором мы упоминали раньше, и много ученых мужей, его современников. От них дошло до нас много сведений для нашей истории.

(2) Один из них в начале своего сочинения против Монтана сообщает, что он и устно изобличал еретиков. Вот его вступление:

(3) «С очень давнего времени велишь ты мне, дорогой Авиркий Маркелл, написать книгу против так называемой Мильтиадовой ереси. Я до нынешнего дня все откладывал – не по бессилию изобличить ложь и свидетельствовать об истине, но опасливо остерегаясь, не показалось бы кому, что я вписал что-то новое в Евангелие Нового Завета и что-то там переставлял; желающий жить по Евангелию не смеет ведь ничего ни убавить, ни прибавить.

(4) Недавно я был в Галатии, в Анкире, и застал местную Церковь почти оглохшей от этих новых, как они говорят, пророчеств, вернее, как будет показано, лжепророчеств. Я по возможности, с помощью Божией, много дней рассуждал в Церкви об этих людях и о предложенных мне вопросах. Церковь ликовала и укреплялась в истине – противники в это время были отброшены; враги опечалились.

(5) Местные пресвитеры просили меня в присутствии сопресвитера нашего Зотика из Отрии оставить им записи моих возражений врагам истины. Мы этого не сделали, но пообещали, Бог даст, тщательно их изложить дома и отослать им».

(6) Сделав несколько подобных замечании в начале книги, он так рассказываем о причине возникновения этой ереси:

«Новая ересь, вызвавшая раскол в Церкви, возникла вот почему.

(7) Есть в Мизии, на границе с Фригией, деревня Ардава. Говорят, что некий Монтан, из местных новообращенных (было это при Грате, проконсуле Асии), в безмерной страсти к первенству дал врагу войти в себя; одушевляемый им, придя внезапно в исступление, он начинал говорить нечто странное, пророчествуя вопреки обычаю Церкви, издавна и преемственно хранимому.

(8) Из тех, кому довелось в то время слушать его незаконные выкрики, одни возмущались, считая, что он одержим демоном, находится во власти духа заблуждения и приводит в смятение народ; его корили и не позволяли ему говорить, памятуя, что Господь учил различать духов и бдительно остерегаться появления лжепророков: другие, наоборот, словно гордясь и немало тщеславясь Духом Святым и пророческим даром, забыли о Господнем велении различать духов: они призвали этого духа безумия, льстивого, вводящего народ в заблуждение; прельщенные им, они сбились с правого пути до того, что их невозможно было заставить молчать.

(9) Диавол, замыслив, вернее, злоумыслив гибель ему непослушных и не чтивших его по достоинству, тайком возбуждал и разжигал их мысль, уснувшую для истинной веры. Он взволновал двух женщин, исполнил их своего лживого духа, и они, подобно Монтану, стали говорить бессмысленно, неуместно и странно.

Тех, кто радовался и гордился этим, дух объявлял блаженными и надмевал величием обещаний. Иногда, однако, догадавшись, он бросал им прямо в лицо убедительные обвинения, желал показать себя и обличителем (обманутых во Фригии оказалось мало). Этот мятежный дух учил хуле на всю существующую под небом Церковь: его лживые пророчества были ею презрительно отвергнуты.

(10) Асийские верующие стали часто и во многих местах собираться и рассматривать новое учение: его объявили нечистым и отвергли ересь, отлучив ее последователей от Церкви и запретив им общение с нею».

(11) Рассказав об этом в начале и на протяжении веси книги, изобличая их заблуждения, он во второй книге так говорит о смерти вышеупомянутых людей:

(12) «Они называли нас убийцами пророков, потому что мы не приняли их, не в меру болтливых пророков (это Господь, говорят он и, обещал их послать народу). Пусть же он и ответят нам перед Богом: есть ли из последователей Монтана, начиная с него и тех женщин, хоть кто-то, кого иудеи преследовали или беззаконники убили? Никого. Кто из них был взят и распят за имя христианина? Опять же никто. Была ли хоть одна из их женщин бичуема в синагогах иудейских или побита камнями? Нигде и никогда.

(13) Другой смертью, говорят, погибли Монтан и Максимилла. Оба они, гонимые духом безумия, повесились, но не вместе. Много говорили о конце каждого: умерли они, оборвав свою жизнь, как Иуда предатель.

(14) Общая молва утверждает, что их дивный Феодот, бывший как бы первым покровителем их «пророчеств», будучи вне себя, вверился духу лжи, пообещавшему поднять его от земли и взять на небо; низвергнувшись, он погиб жал кои смертью. Так, говорят, вес произошло.

(15) Мы небыли очевидцами; будем считать, дорогой, что это одни предположения. Может быть, та и было, а может быть, и не так скончались Монтан, Феодот и упомянутая женщина».

(16) В этой же книге он пишет, что святые епископы попытались изобличить духа, бывшего в Максимилле, но им помешали явные сотрудники этого духа.

(17) Он пишет так:

«Пусть не говорит дух через Максимиллу (это в той же книге Астерия Урбана): «Меня гонят, как волка из овечьей отары. Я не волк – я слово, дух и сила». Пусть покажет ясно силу в духе, подвергнется испытанию, пусть своим духом заставит епископов, Зотика из Команской деревни и Юлиана из Апамеи, мужей испытанных, которые тогда присутствовали ради испытания и беседы с говорящим в ней духом, признать его. Фемисон и его сторонники закрыли им рот и не позволили изобличить духа лжи и заблуждения».

(18) В этой же книге он указывает и время ее написания; изобличая лжепророчества Максимиллы, вспоминает ее предсказания будущих войн и переворотов и показывает их лживость.

(19) «Ужели не очевидна сейчас эта ложь? Больше тринадцати лег прошло от смерти этой женщины и до нынешнего дня, а войн нет ни во всем мире, ни в каком-то одном его углу. И христианам, по милости Божией, дарован длительный мир».

(20) Это из второй книги. Из третьей мы приведем небольшую выдержку:

его ответ еретикам, хвалившимся, будто у них много мучеников:

«Опровергнутые по всем статьям, не зная, что возразить, они пытаются прибегнуть к мученикам и говорят, что у них много

мучеников, а это, несомненно, свидетельствует о силе их «пророческого» духа. Это вовсе неверно.

(21) Есть много мучеников и в других ересях, но мы по этой причине не придем с ними в согласие и не сочтем их обладателями истины. Маркиониты, названные так по Маркионовой ереси, первые скажут, что у них много мучеников Христовых, но ведь Самого Христа не исповедуют истинно».

Немного ниже он продолжает:

(22) «Поэтому, если члены Церкви, призванные к мученичеству за истинную веру, встречаются с так называемыми «мучениками», последователями фригийской ереси, они держатся особо и умирают, не входя с ними в общение: они не хотят признавать духа, говорившего через Монтана и тех женщин. А что это правда, явствует из того, что случилось в наше время в Апамее на Меандре с мучениками Гаием и Александром из Эвмении».

ГЛАВА 17

(1) В этом же произведении он вспоминает и Мильтиада, тоже писавшего против этой ереси. Приведя некоторые слова еретиков, он продолжает:

«Я нашел это в некоем их произведении и привожу, сокращая, их возражения брату Мильтиаду, который доказывает, что пророк не должен говорить в исступлении».

(2) Несколько ниже в этой самой книге он перечисляет новозаветных пророков, в том числе некую Аммию и Кодрата. Он говорит:

«Лжепророк находится в мнимом исступлении, с которым связано дерзкое бесстрашие. Он начинает со своевольного бреда, который превращается, как мы сказали, в невольное безумие.

(3) Они не смогут указать ни одного ветхозаветного или новозаветного пророка, который исполнялся бы Духа Божия таким образом; не смогут похвалиться ни Агавом, ни Иудой, ни Силой, ни дочерями Филиппа, ни Аммией из Филадельфии, ни Кодратом и вообще никем, кто был бы к ним близок».

(4) Немного далее он говорит:

«Если, как они говорят, после Кодрата и Аммии Филадельфийской дар пророчества получили женщины, бывшие при Монтане, то пусть укажут тех, кто от Монтана и тех женщин принял этот дар. Апостол говорит, что дар пророчества должен быть во всей Церкви до последнего пришествия. Они не могут никого указать, хотя от смерти Максимиллы идет уже четырнадцатый год».

(5) Вот что он пишет. Упомянутый им Мильтиад оставил нам и другие памятники своих прилежных занятий Священным Писанием, в том числе книгу против эллинов и другую, против иудеев: он особо рассматривает обе темы в двух книгах каждого из названных произведении. Направил он еще владыкам мира и Апологию философии, которой следовал.

ГЛАВА 18

(1) Аполлоний, церковный писатель, тоже написал книгу с изобличением так называемой фригийской ереси, бывшей еще тогда во Фригии в полной силе.

Он написал особую книгу, где слово за словом показывает лживость их «пророчеств» и не щадит главарей ереси в рассказе об их жизни. Послушан, как он сам говорит о Монтане:

(2) «Что это за новый учитель, показывают его дела и учение. Именно он учил расторгать брак, устанавливал правила для постов; Пепузу и Тимий (маленькие фригийские города) называл Иерусалимом и хотел устраивать там собрания людей, отовсюду сошедшихся; он поставил сборщиков денег, прикрывал взятки именем приношении, платил жалование своим проповедникам, чтобы обжорство содействовало проповеди его учеников».

(3) Это вот о Монтане. Ниже он говорит о его пророчицах:

«Эти первые пророчицы бросили своих мужей, только когда исполнились духа. Разве не лгали те, кто называл Прискиллу девой?» (4) Дальше он говорит:

«Ты согласен, что всё Писание запрещает пророку брать дары и деньги? А когда я вижу пророчицу, которая берет и золото, и серебро, и дорогие одежды, как мне от нее не отвернуться?» (5) Несколько ниже он говорит об одном их исповеднике:

«Да и Фемисон был, конечно, прикрыт корыстолюбием: не желая терпеть мук исповедничества, он за большие деньги избавился от оков. Ему бы тут и почувствовать свое унижение, а он хвастливо объявил себя мучеником и осмелился, в подражание апостолу, составив соборное послание, поучать тех, кто верил правильнее его, завязывать пустые споры и хулить Господа, апостолов и Святую Церковь».

(6) Пишет он опять же и о другом человеке из числа тех, кого они почитают как мучеников:

«Чтобы не говорить о многих, пусть сама пророчица расскажет нам об Александре, называвшем себя мучеником, с которым она угощается, которому многие кланяются в ноги. Нам незачем говорить

о его грабежах и прочих преступлениях, за которые он и понес наказание: записи об этом хранятся в государственном архиве.

(7) Но кто кому прощает грехи? Пророк – грабежи мученику? Или мученик – корыстолюбие пророку? Сказано ведь Господом: «Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни двух одежд»; у них наоборот: они как раз нагрешили этим запретным стяжанием. Мы покажем, что их так называемые «пророки» и «мученики» попрошайничают не только у богатых, но и у бедняков, сирот и вдов.

(8) Если они уверены в себе, пусть предстанут и дадут ответ, и если их уличат, то пусть хоть впредь не грешат. Нужно проверять, какие плоды принес пророк; ибо дерево познается по плодам.

(9) Желающим познакомиться с Александром да будет известно, что он был осужден в Эфесе проконсулом Эмилием Фронтином не за христианство, а за грабежи: он просто преступник. Прикрывая свою ложь именем Христа, он обманул местных верующих и был освобожден, но родной приход, откуда он был, его не принял, как вора. Желающие получить сведения о нем имеют в своем распоряжении асийский государственный архив.

(10) И пророк, много лет живущий с ним вместе, его не знает. Изобличая его, мы изобличаем самую природу пророка. Те же обвинения мы можем выдвинуть против многих; если осмелятся, пусть выдержат изобличение».

(11) В другом месте этого сочинения он говорит о тех, кем они гордятся как пророками:

«Если они утверждают, что их пророки не принимают даров, то пусть согласятся, что люди, в этом уличенные, пророками быть не могут. А мы представим тысяч и доказательств того, что принимали. Необходимо проверить все плоды пророка. Скажи мне: пророк ходит в баню? пророк подводит глаза? пророк любит украшения? пророк играет в шахматы и кости?

пророк даст деньги в рост? Пусть признаются: допустимо это или нет? А я докажу, что все это у них было».

(12) Этот самый Аполлоний в той же книге сообщает, что она написана сорок лет спустя после того, как Монтан взялся «пророчествовать».

(13) Он же говорит, что Зотик, которого у поминает предыдущий писатель, узнав, что Максимилла объявила себя в Пепузе пророчицей,

пытался изобличить действующего в ней духа, но ему помешали ее единомышленники.

Вспоминает он и Фрасея, одного из тогдашних мучеников. А еще говорит, будто есть предание, что Спаситель велел Своим апостолам двенадцать лет не покидать Иерусалима; он пользуется свидетельством из Иоаннова Откровения, рассказывает, что Иоанн силой Божией воскресил в Эфесе умершего. Он приводит разные доказательства, которыми полностью опроверг заблуждения названной ереси. Это рассказ Аполлония.

ГЛАВА 19

(1) Книги Аполлинария против этой ереси упоминает Серапион, которого называют тогдашним епископом Антиохийской Церкви, преемником Максимина. Вспоминает он и самого Аполлинария в письме к Карику и Понтику: изобличая в нем ту же ересь, он заключает так:

(2) «Дабы вы знали, что деятельность этого общества лжецов, именующего себя «новым пророчеством», мерзостна братству нашему но всем мире, посылаю вам письмо Клавдия Аполлинария, блаженнейшего епископа Иерапольского в Асии».

(3) В этом же письме Серапиона имеются подписи разных епископов; один из них подписался так: «Аврелий Кириний мученик, молюсь о вашем здравии».

Другой так: «Элий Публий Юлий, епископ Девельта, Фракийской колонии.

Жив Бог на небесах: хотел Сотас, блаженный епископ Анхиальский, изгнать демона из Прискиллы, но лицемеры ему не дали».

(4) В указанных писаниях имеются собственноручные подписи многих единомысленных им епископов. Вот что написано против этих еретиков.

ГЛАВА 20

(1) Против тех, кто портил в Риме здравый церковный устав, разные письма писал Ириней: одно озаглавлено «Власту о расколе», другое – «Флорину о единоначалии, или о том, что Бог не создал зла». Флорин, кажется, защищал мысль противоположную. Для него, влекомого к заблуждениям Валентина, написана Иринеем книга «О восьмерице», в которой он называет себя непосредственным преемником апостолов.

(2) В конце этой книги мы нашли приятную заметку, которую не смогли не включить в эту свою работу:

«Заклинаю тебя, будущий переписчик этой книги, Господом нашим Иисусом Христом и славным пришествием Его, когда Он придет судить живых и мертвых: сравнивай с подлинником то, что будешь переписывать, и тщательно выправляй свой список по тому, с которого переписываешь.

Перепиши также это заклятие и внеси его в свой список».

(3) Пусть слова эти послужат на пользу и нам: они приведены, дабы те древние, действительно святые мужи стали нам убедительным примером внимания и тщательности.

(4) В названном уже письме к Флорину Ириней вспоминает о своем общении с Поликарпом:

«Эти мнения, Флорин, мягко говоря, созданы мыслью нездоровой. Эти мнения не согласны с Церковью; они ввергают в величайшее нечестие тех, кто их принял. Эти мнения никогда не осмеливались провозглашать даже еретики, стоящие вне Церкви. Этих мнений не сообщали тебе пресвитеры, наши предшественники, ученики апостольские.

(5) Я еще мальчиком видел тебя в Нижней Асии у Поликарпа: ты блистал при дворе и старался отличиться.

(6) Я помню тогдашние события лучше недавних (узнанное в детстве срастается с душой). Я могу показать, где сидел и разговаривал блаженный Поликарп, могу рассказать о его уходах и приходах, особенностях его жизни, его внешнем виде, о беседах, какие он вел с народом, о том, как он говорил о своих встречах с Иоанном и с теми

остальными, кто своими глазами видел Господа, о том, как припоминал он слова их, что он слышал от них о Господе, о чудесах Его и Его учении. Поликарп и возвещал то, что принял от видевших Слово жизни, это согласно с Писанием.

(7) По милости Божией ко мне, я тогда внимательно это слушал и записывал не на бумаге, а в сердце. И по благодати Божией, я все время как следует пережевываю и могу перед Богом засвидетельствовать, что, если бы этот блаженный апостольский старец услышал что-либо подобное, он возопил бы, заткнул уши и по обычаю своему воскликнул: «Боже милостивый! На какое время сохранил Ты меня, чтобы такое мне выносить!» Он убежал бы с того места, где сидел или стоял, услышав такие слова.

(8) Это совершенно ясно из его писем, которые он посылал или соседним Церквам, чтобы подкрепить их, или какому-нибудь брату, чтобы наставить и уговорить его». Это слова Иринея.

ГЛАВА 21

(1) С возвращением Коммода пришло для нас время тихое, относиться к нам стали мягче, и Церковь, по милости Божией, жила в мире по всей вселенной. Спасительное учение начало приводить всякое звание к благочестивому служению Богу, Творцу всего; в Риме многие, известные богатством и родовитостью, вместе со всем домом и всей родней шли по пути спасения.

(2) Это было невыносимо демону, по природе своей клеветнику, ненавидящему прекрасное, и он стал нам строить разные козни: в Риме, например, привел на суд Аполлония, человека известного среди тогдашних верующих своим философским образованием, подучив обвинить Аполлония одного из своих слуг, к такому делу привычного.

(3) Не в добрый час пришел, однако, несчастный в суд: по императорскому постановлению, таких доносчиков следовало казнить, и ему тут же перебили голени – такой приговор вынес судья Переннний.

(4) Судья горячо умолял и упрашивал Аполлония защищаться перед сенатом; любимый Богом, он произнес перед всеми убедительнейшую апологию исповедуемой им веры и был, по постановлению сената, обезглавлен; у них в силе древний закон, по которому однажды представших перед судом можно отпустить только в том случае, если они изменят свои образ мыслей.

(5) Кому хотелось бы прочесть его разговор с судьей, ответы на уговоры Переннния и всю апологию, обращенную к сенату, тот может ознакомиться с этим по нашему своду о древних мучениках.

ГЛАВА 22

В десятый год царствования Коммода преемником Елевферия, несшего епископское служение тринадцать лет, стал Виктор. В том же году после Юлиана, бывшего епископом десять лет, управление Александрийской Церковью вручено Димитрию. В их время славился уже известный нам Серапион, епископ Антиохийской Церкви, восьмой после апостолов. В Кесарии Палестинской Церковью управлял Феофил; Наркисс, упомянутый выше, еще руководил Иерусалимской Церковью; в Коринфе, в Элладе, тогда же епископом был Вакхил, а в Эфесе – Поликрат. Было, конечно, в это время много и других замечательных епископов, но, разумеется, я перечислил по именам только тех, от кого дошли до нас писания правоверные.

ГЛАВА 23

(1) В это время стали пересматривать весьма важный вопрос: все асийские Церкви, основываясь будто бы на очень древнем предании, считали, что праздник спасительной Пасхи следует назначать на четырнадцатый день лунного месяца, в который иудеям велено было заклать агнца; на какой бы день недели ни пришлось четырнадцатое, пост следует прекращать. Такого обычая у Церквей во всей остальной вселенной не было; по апостольскому преданию они хранили и доныне сохраняемый обычай: пост следует прекращать только в день Воскресения Спасителя нашего.

(2) Епископы по этому поводу созывали Соборы и совещания; все единодушно постановили – и письменно сообщили это церковное решение всем верующим – праздновать таинство Христова Воскресения не в иной какой день, а только в день Господень, и только в тот день прекращать пост.

(3) Послание палестинских епископов, собравшихся тогда под председательством Феофила, епископа Кесарийского, и Наркисса Иерусалимского, имеется доныне. Есть также об этом спорном вопросе и Послание от собравшихся в Риме, из коего видно, что тамошним епископом был тогда Виктор; Послание понтийских епископов, собравшихся под председательством Пальмы, как старейшего; галльских (епископом в Галлии был Ириней); (4) а также епископа Осроены и тамошних городов. Особо следует назвать Послания Вакхила, епископа Коринфского, и многих других, единомысленно вынесших одно и то же решение и за него голосовавших. Решение было единым, как мы и сообщали.

ГЛАВА 24

(1) Главой асийских епископов, настаивавших на том, что следует соблюдать издревле переданный обычай, был Поликрат. В письме к Виктору и к Римской Церкви он так говорит о предании, дошедшем до его времени:

(2) «Мы строго соблюдаем этот праздник, мы ничего не прибавляем, ничего не убавляем. В Асии покоятся великие светила веры, которые восстанут в день пришествия Господня, когда Он во славе сойдет с небес и разыщет всех святых:

Филиппа, одного из двенадцати, который покоится в Иераполе, двух дочерей его, состарившихся девственницами, и еще одну его дочь, жившую в Духе Святом, почивающую в Эфесе; (3) Иоанна, возлежавшего на груди у Господа, бывшего священником и носившего дщицу, свидетеля и учителя, (4) который почивает в Эфесе; и Поликарпа Смирнского, епископа и мученика, и Фрасею, епископа и мученика Эвменийского, который покоится в Смирне.

(5) Говорить ли о Сагарисе, епископе и мученике, который покоится в Лаодикии, о блаженном Папирии, Мелитоне евнухе, целиком жившем в Духе Святом, почивающем в Сардах, ожидая пришествия с небес и воскресения из мертвых.

(6) Все они праздновали Пасху в четырнадцатый день (лунного месяца) по Евангелию, ничего не преступая и следуя правилу веры. И я, Поликрат, самый малый из вас, поступаю так, как передано мне моими родственниками, им следую. Семь человек моей родни были епископами, я восьмой. И всегда родные мои справляли этот праздник, когда народ не употребляет квасного хлеба.

(7) Я, братья, прожил шестьдесят пять лет в Господе, пребывал в сношениях с братьями во всей вселенной, прочитал все Священное Писание и никаких угроз не испугаюсь, ибо большие меня сказали: «Повиноваться следует больше Богу, нежели людям».

(8) Затем он пишет о епископах, бывших с ним, когда он писал, и с ним единомысленных:

«Я мог бы назвать всех присутствующих епископов, которых вы посоветовали мне созвать; я и созвал их. Если я напишу все их имена,

то выйдет великое множество. Они знают, как я мал и ничтожен, но согласились с моим письмом, зная, что не кое-как дожил я до седин, а всегда устраивал свою жизнь, следуя Христу».

(9) Тогда Виктор, предстоятель римлян, собрался разом отлучить за инакомыслие асийские и сопредельные с ними Церкви; он клеймил всех тамошних братьев письменно, огульно объявляя их отлученными.

(10) Не всем, однако, епископам пришлось это по душе; Виктора уговаривали подумать о мире, единении с ближними, о любви. Известны послания с резкими нападками на Виктора.

(11) Среди противников Виктора был Ириней, писавший от лица всех галльских братьев, главой которых был: он сразу заявил, что таинственное Воскресение Господне должно праздновать только в день Господень, и стал подобающим образом уговаривать Виктора не отлучать целые Церкви Божие за то, что они соблюдают издревле переданный им обычай. Дает он много и других советов, заключая их такими словами:

(12) «Спор идет не только о дне, но и о том, какой пост соблюдать. Одни думают, что следует поститься один день, другие – что два, а некоторые еще больше; иные отсчитывают для поста сорок дневных и ночных часов.

(13) Вся эта пестрота в соблюдении поста возникла не при нас, а гораздо раньше, у прадедов наших, а они, не беспокоясь, конечно, о точности, передали потомкам свои обычаи, укрепившийся в их простой, непритязательной жизни. Тем не менее, все жили в мире, и мы живем в мире друг с другом, и разногласие в посте не разрушает согласия в вере».

(14) Тут он приводит рассказ, который хорошо поместить здесь:

«Пресвитеры, жившие до Сотера, предстоятели Церкви, которой ты ныне управляешь: Аникет, Пий, Гигин, Телесфор и Ксист – сами не соблюдали поста и не заповедали его своим. Тем не менее они, несоблюдавшие, были в мире с братьями, которые приходили к ним из Церквей, где он соблюдался, хотя соблюдение его казалось несоблюдавшим чрезвычайно нелепым.

(15) Никогда за этот обычай никого не отвергали; епископы, твои предшественники, его не соблюдавшие, посылали Евхаристию членам Церквей, его соблюдавшим.

(16) Блаженный Поликарп был при Аникете в Риме; кое в чем они слегка не ладили, но тут же заключали мир, об этом же главном вопросе и спорить не хотели; ни Аникет не мог убедить Поликарпа оставить то, что всегда соблюдали Иоанн, ученик Господа нашего, и остальные апостолы, с которыми Поликарп общался; ни Поликарп Аникета, говорившего, что он обязан соблюдать обычай своих предшественников.

(17) Тем не менее, они пребывали в общении друг с другом; Аникет, из уважения, конечно, предоставлял Поликарпу совершать в его Церкви Евхаристию, и они расстались а мире друг с другом и в мире со всей Церковью соблюдавших и несоблюдавших».

Ириной, в соответствии со своим именем, оказался миротворцем и на деле:

звал к миру в Церкви и заботился о нем Он переписывался не только с Виктором, но и со многими главами Церквей по поводу поднятого вопроса.

ГЛАВА 25

Палестинские епископы: недавно упомянутые нами Наркисс и Феофил, Кассий, епископ Тирский, Клар Птолемаидский и другие, – собравшись вместе, после многих рассуждений о преемственно сохранившемся до них апостольском предании о праздновании Пасхи такими словами заключают свое послание:

«Постарайтесь разослать по всем Церквам списки нашего послания, чтобы не быть нам в ответе за тех, чьи души легко впадают в заблуждение. Сообщаем вам: в Александрии праздник справляют в тот же день, что и мы. От нас отправляется Послание к ним, от них к нам, так что мы празднуем святой день согласно и вместе».

ГЛАВА 26

Кроме названных произведений Иринея и его Посланий, есть его Слово к эллинам под заглавием «О познании», очень краткое и весьма необходимое; другое – к брату Маркиану с изложением апостольской проповеди и маленькая книжечка, составленная из разных рассуждений: в ней он упоминает Послание к Евреям и так называемую Премудрость Соломонову, откуда приводит разные изречения. Вот то, что мы узнали о писаниях Иринея.

Коммод царствовал тринадцать лет; после смерти его около шести месяцев власть была у Пертинакса, затем императором стал Север.

ГЛАВА 27

У многих и доныне сохраняются многие писания старых церковных писателей – памятники их благородной ревности. Нам известны, например, сочинения: Гераклита «О Посланиях Павла»; Максима о том, откуда зло (вопрос, о котором много шумели еретики), и о том, что материя создана; рассуждение Кандида о шести днях творения, Апиона на ту же тему; Секста «О воскресений»; какое-то сочинение Аравиана и множество других; при отсутствии всякой точки опоры невозможно определить ни время их написания, ни время событии, о которых они рассказывают. Очень много дошло сочинений, даже заглавий которых нельзя назвать. Все они написаны правоверными церковными писателями (что видно из того, как они толкуют Писание), но нам неизвестными, ибо в заглавии имя их не приведено.

ГЛАВА 28

(1) В произведении кого-то из них против ереси Артемона, которую старается возродить Павел Самосатский, есть повествование о событиях, о которых и мы рассказывали.

(2) Творцы этой ереси, утверждающей, что Спаситель был просто человеком, стараются внушить к ней уважение ссылкой на ее древность; наш автор опровергает их, указывая, что появилась она совсем недавно. Много у него и других изобличений этой богохульной лжи. Вот слово в слово его рассуждение:

(3) «Они говорят, что в старину все люди и сами апостолы были наставлены и учили тому, чему учат сейчас; истина сохранялась до Виктора, тринадцатого епископа в Риме; с его же преемника Зефирина истину стали искажать.

(4) Слова их могли бы показаться убедительными, если бы им не противоречило, во-первых, Святое Писание, а затем и сочинения некоторых братьев, написанные еще до Виктора в защиту истины, против язычников и против тогдашних ересей. Я разумею Иустина, Мильтиада, Татиана, Климента и многих других. Все они признают Христа Богом.

(5) Кто не знает книг Иринея, Мелитона и других? Все провозглашают Христа Богом и Человеком. И сколько псалмов и песнопений от начала христианства написали верующие братья, славя Христа как Слово Божие!

(6) И если в течение стольких лет провозглашаемо было мнение Церкви, то можно ли поверить, что жившие до Виктора учили так, как они говорят? Не совестно ли им возводить такую клевету на Виктора? Они ведь прекрасно знают, что сапожника Феодота, главу и отца этого богоотступнического учения, первого заявившего, что Христос – просто человек, Виктор отлучил от Церкви. Если бы Виктор, по их словам, придерживался их богохульного учения, разве отвергнул бы он Феодота, измыслившего эту ересь?» (7) Это о Викторе. Он нес свое служение десять лет; преемником его стал Зефирин на девятом году царствования Севера. Автор упомянутой книги о названной ереси

рассказывает и о другом происшествии, случившемся при Зефирине. Вот его собственные слова:

(8) «Напомню многим из братии то, что случилось при нас. Думаю, случись такое в Содоме, это, пожалуй, образумило бы тамошних жителей. Был некий исповедник Наталий, не из давних, а наш современник.

(9) Его как-то обманули Асклепиодот и меняла Феодот (другой, не ересиарх). Оба они были учениками Феодота сапожника, которого первым за его умствования, вернее, безумства отлучил от Церкви тогдашний епископ Виктор.

(10) Они убедили Наталия назваться епископом еретиков за плату – сто пятьдесят динариев в месяц; (11) и в то время, когда он был с еретиками, Господь часто вразумлял его видениями, ибо милосердный Бог и Господь наш Иисус Христос не желал, чтобы свидетельствующий о Его страданиях погиб отлученным.

(12) Он, однако, не обращал внимания на эти видения, поймавшись на приманку главенства и корысти, погубившей столько людей; в конце концов, был он избит святыми ангелами, всю ночь его бичевавшими: встав поутру, весь в ранах, он надел рубище, посыпал голову пеплом и кинулся, обливаясь слезами, в ноги епископу Зефирину; простирался не только перед клиром, но и перед мирянами и тронул слезами милосердную Церковь милостивого Христа; но, хотя он просил, молил и показывал рубцы от полученных ран, обратно в Церковь приняли его с трудом».

(13) Присоединим к этому и другие слова того же писателя об этих еретиках. Он говорит так: «Священное Писание они спокойно подделывали, отвергали правила древней веры, Христа не понимали, до смысла Писания не доискивались и усердно старались найти некий силлогизм для утверждения своего безбожия. Если кто-либо обращал их внимание на изречение Писания, они доискивались, будет ли оно силлогизмом объединяющим или разделяющим.

(14) Оставив Святое Божественное Писание, они занимаются геометрией:

от земли взятые, от земли говорят, не зная Сходящего с небес; а некоторые прилежно занимаются геометрией Эвклида; они восхищаются Аристотелем и Теофрастом; Галена чтут почти как Бога.

(15) Злоупотребляя языческой наукой для своего еретического учения, они с ловкостью безбожников разбавляют цельную истину Божественного Писания.

Нужно ли говорить, что с верой они и рядом не стоят? Поэтому они бесстрашно и наложили руку на Священное Писание, говоря, что они его исправляют.

(16) Желающий может узнать, что я не клевещу на них: пусть соберет и сравнит между собой имеющиеся у них списки; он найдет много разногласии:

Асклепиадотовы не согласны с Феодотовыми.

(17) Можно достать множество этих списков: ученики их усердно переписывали то, что учителя, по их словам, исправили, то есть испортили.

Возьми Ермофиловы – опять разлад с другими. Аполлонидовы противоречат сами себе. Можно сравнить ранние с переделанными позже – несогласий множество.

(18) Сколько дерзости в этом преступлении, они, вероятно, понимают и сами. Они или не верят, что Священное Писание – это слова Духа Святого, – тогда они люди неверующие, – или они считают себя мудрее Духа – тогда они одержимы демоном. Они не могут отречься от этого преступления, потому что списки их собственноручные. Не такому писанию обучали их оглашатели, и они не могут показать подлинник, с которого списывали.

(19) Некоторые решили, что и подделывать Писание не стоит: они просто отвергли Закон и пророков и, объявив свое безбожное учение благодатным, дошли до «бездны погибели». Да будет рассказано об этом таким образом.

КНИГА ШЕСТАЯ

ГЛАВА 1

Когда Север начал преследовать Церковь, то борцы за веру повсюду завершили свое блистательное свидетельство мученичеством. Особенно много было их в Александрии; из Египта и со всей Фиваиды сюда, словно на огромную арену, отправлены были борцы Божии; с великим терпением и мужеством переносили они разные пытки, умерли разной смертью – и возложены на них венцы от Господа. В числе их был и почитаемый отцом Оригена Леонид, которого обезглавили; он оставил совсем юного сына. С каким усердием стал с этого времени юноша заниматься словом Божиим, об этом пора вкратце рассказать, тем более что среди многих людей шла о нем громкая слава.

ГЛАВА 2

(1) Многое пришлось бы рассказать тому, кто взялся бы на досуге описать жизнь этого человека: потребовалась бы отдельная книжка. Мы же сейчас, многое опустив, переберем с допустимой краткостью то немногое, о чем мы узнали из писем и рассказов его учеников, доживших до нашего времени.

(2) Жизнь Оригена кажется мне достопримечательной, так сказать, с пеленок. Шел десятый год царствования Севера; Александрией и остальным Египтом управлял Лэт, а епископом александрийского прихода недавно стал Димитрий, преемник Юлиана.

(3) В разгоравшемся пожаре преследования на очень многих возложены были венцы, и такая жажда мученичества охватила душу совсем юного Оригена, что он радостно спешил навстречу опасностям, с готовностью устремляясь на состязание.

(4) Он бывал уже на краю смерти, и только небесный Божий Промысл, ради пользы многих, голосом матери укрощал его рвение.

(5) Сначала она умоляла его пожалеть мать, так его любящую, но юноша, узнав, что отец взят и сидит в тюрьме, всем существом своим тянулся к мученичеству. Видя это, она спрятала всю его одежду: пришлось сидеть дома.

(6) Ничего другого не оставалось делать – а при своей, не по возрасту, горячности он не мог сидеть спокойно, – как послать письмо отцу и горячо уговаривать его идти на мученичество; вот его собственные слова: «Держись, не передумай ради нас!» Пусть это будет первым письменным свидетельством живого ума юного Оригена и его искренней веры.

(7) Что касается изучения Священного Писания, то тут начало у Оригена было положено прекрасное; с детства он прилежно, больше чем принято, им занимался; отец не считал эти занятия простой добавкой обычному школьному обучению.

(8) Прежде, чем мальчик брался за эллинские науки, он вводил его в святую науку, заставляя ежедневно что-то заучивать и рассказывать.

(9) Мальчик занимался этим охотно, с большим усердием, но ему мало было простого, легкого чтения; уже с того времени искал он

большего и делал выводы более глубокие. Отцу доставлял он немало хлопот своим вопросом: в чем цель богодухновенной книги?

(10) Видимости ради он бранил сына, советуя ему не умничать не по возрасту и удовлетворяться прямым смыслом Писания, но в душе ликовал, горячо благодаря Бога, Подателя всего доброго, за то, что Он удостоил его стать отцом такого сына.

(11) Рассказывают, что он часто подходил к спящему мальчику, открывал ему грудь и благоговейно целовал се, как освященную пребыванием Духа Божия; счастье свое полагал он в сыне. Таковы эти и сходные воспоминания о детстве Оригена.

(12) После мученической кончины отца он на семнадцатом году жизни остался сиротой с матерью и шестью маленькими братьями.

(13) Отцовское имущество было отобрано в царскую казну; ему и всей семье жить было не на что, но Господь удостоил его попечения. Он нашел приют и покой у очень богатой и очень известной женщины, опекавшей одного прославленного еретика из тогдашних александрийских, родом он был антиохиец. Она приняла его к себе как приемного сына и всячески его опекала.

(14) Оригену поневоле пришлось жить вместе, и тут впервые со всей ясностью обнаружилось его правоверие; хотя Павел (так звался этот человек) собирал вокруг себя многое множество людей, не только еретиков, но и наших – его считали сильным в слове, – однако Оригена нельзя было уговорить стать вместе на молитву; с детства хранил он церковное правило, и, по его собственным словам, его тошнило от еретических учений.

(15) Отец продвинул его в науках эллинских; после его кончины он целиком отдался их изучению, достаточно подготовив себя к обязанностям грамматика; он вскоре после смерти отца занялся преподаванием и щедро обеспечил себя всем по своему возрасту необходимым.

ГЛАВА 3

(1) Пока он этим занимался – так он сам об этом пишет, – в Александрии не оказалось никого, кто мог бы нести обязанности оглашателя – угроза гонения разогнала всех, – а между тем к нему стали приходить кое-кто из язычников, чтобы послушать слово Божие.

(2) Первым из них он называет Плутарха – прекрасной была его жизнь, и он украсился венцом мученичества; вторым был Геракл, Плутархов брат, чья жизнь – пример того, как жить в мудрости и воздержании; он был удостоен после Димитрия епископства в Александрии.

(3) Оригену было восемнадцать лет, когда он стал во главе училища для оглашаемых. Он преуспевал здесь во время гонения при Акиле, правителе Александрии, и приобрел славное имя у всех верных за свое участие ко всем мученикам, знакомым и незнакомым, и за готовность им послужить.

(4) Он не только бывал у них в тюрьме и оставался с ними до последнего приговора; он сопровождал ведомых на смерть, с великой смелостью идя навстречу опасности. Когда он, решительно подойдя к мученикам, прощался с ними, целуя их, то стоявшая вокруг обезумевшая языческая чернь зачастую готова была вот-вот наброситься на него, и только Десница Господня чудесным образом неизменно спасала его от смерти.

(5) Милость Божия вновь и вновь – не перечислить сколько раз – охраняла его от всяких злоумышлении, грозивших ему за ревность к учению Христову и смелость. У неверных поднялась против него настоящая война: они собирались толпами и окружали воинами дом, где он жил; у него бывало очень много наставляемых в святой вере.

(6) Гонение на него с каждым днем разгоралось, во всем городе ему некуда было деться: он ходил из дома в дом, и отовсюду его гнал и, потому что под его влиянием много людей обращалось к Божественному учению, ибо его поведение убедительно свидетельствовало о высоте его философии, единственно настоящей (у него, как говорят, «слово заодно с делом, дело заодно со словом»). Это,

при содействии силы Божией, особенно привлекало к тому, чем он ревностно занимался.

(8) Когда он увидел, что учеников приходит все больше и больше, а труд оглашения поручен епископом Димитрием ему одному, он пришел к мысли, что преподавание грамматики несовместимо с изучением слова Божия, и немедленно отказался от преподавания, как от бесполезного и противоречащего святой науке.

(9) Благоразумно рассудив, что не следует ему нуждаться в чужой поддержке, он отдал сочинения древних писателей, которые еще недавно с такой любовью изучал; купивший их приносил ему ежедневно четыре обола, которых ему хватало. Много лет жил он такой жизнью философов, отбрасывая все, что питает юношеские страсти; в течение целого дня нес он тяжкий труд своей аскезы; большую часть ночи посвящал занятиям Священным Писанием, упорно вел жизнь самого строгого философа, то упражняя себя в посте, то строго отмеривая время сна; спал, по рвению своему, не на тюфяке, а на голой земле.

(10) Всего важнее считал он соблюдение евангельских слов Христа: не иметь ни двух хитонов, ни обуви и не изводиться заботами о будущем.

(11) В ревности, не соответствовавшей возрасту, он упорно переносил и холод и наготу. Его крайнее нестяжание повергало в изумление окружающих.

Он огорчал очень многих: видя, как ради них несет он тяжкий труд обучения Писанию, его упрашивали делить с ними их средства, но он упорствовал в своей строгой жизни.

(12) Говорят, что в течение многих лет он вовсе не обувался и ступал по земле босиком, многие годы отказывался от вина и от всякой пищи, кроме необходимой; в конце концов ему стала грозить тяжелая легочная болезнь.

(13) Естественно, многие из учеников, видя эту философскую жизнь, устремились к подобной; из неверующих язычников его учение привлекало людей не последних по своему образованию и философским познаниям.

Искренне приняли они в глубине души веру в Божественное учение, и некоторые прославились в час тогдашнего гонения, скончавшись мучениками.

ГЛАВА 4

(1) Первым был недавно упомянутый Плутарх. Когда его вели на смерть, то человек, о котором идет сейчас речь, до последней минуты его не оставлявший, едва не был убит согражданами, видевшими в нем виновника смерти Плутарха, но и тут его сохранила воля Божия.

(2) После Плутарха вторым мучеником был Серен, Оригенов ученик, в огне доказавший принятую им веру.

(3) Третьим мучеником из того же училища был Ираклид, за ним четвертым – Ирон; первый еще оглашаемый, второй только что крещенный: обоих обезглавили. Из этой же школы вышел пятый борец за веру – Серен второй.

После пыток, перенесенных им с величайшим терпением, он был, говорят, обезглавлен. Ираида, из оглашаемых, получив, по его словам, Крещение в огне, скончалась.

ГЛАВА 5

(1) Седьмым среди мучеников посчитаем Василида. Он вел на казнь знаменитую Потамиэну, которую до сих пор славят ее земляки. Охраняя девственную чистоту своего тела, оборонялась она от влюбленных (а была в полном расцвете душевной и телесной красоты) и после страшных пыток – от одного рассказа о них содрогаешься – была сожжена вместе с матерью Маркеллой.

(2) Говорят, что судья (он звался Акилой), велевший тяжко изранить ее тело, издеваясь, пригрозил отдать ее гладиаторам. Она немного подумала и на вопрос, что же она выбрала, дала ответ, который показался присутствующим чем-то нечестивым.

(3) Тут же услышала она свой приговор, и Василид, один из прикомандированных воинов, повел ее на казнь. Толпа пыталась дразнить ее и осыпать грубой руганью, но воин отпугнул оскорбителей и обращался с Потамиэной очень жалостливо и доброжелательно. Она приняла его сострадание и посоветовала ему не падать духом; по отшествии своем она его вымолит у своего Господа и очень скоро оплатит ему за то, что ей сделал.

(4) Сказав это, она мужественно ожидала конца, а ее медленно и постепенно поливали кипящей смолой по всему телу от подошв до головы.

Такую борьбу вела эта девушка, достойная хвалебной песни.

(5) Спустя немного времени товарищи Василида попросили его поклясться; он заявил, что ему вообще не дозволено клясться: он христианин и открыто это исповедует. Сначала подумали, что он шутит, но он твердо держался своего; его отвели к судье, который после его исповедания отправил его в тюрьму.

(6) Когда братья о Господе приходили к нему и расспрашивали о причине такого полного, похожего на чудо порыва, он, говорят, ответил, что Потамиэна через три дня после своего мученичества пришла к нему ночью, возложила ему на голову венец и сказала, что она просила Господа смилостивиться над ним, что молитва ее услышана и Он скоро возьмет его к Себе. После этого братья

запечатлели его печатью Господней, и на следующий день славному за Христа мученику отрубили голову.

(7) Рассказывают, что в Александрии тогда толпами обращались к вере Христовой; Потамиэна являлась им во сне и звала ко Христу. На этом закончим.

ГЛАВА 6

В то время Александрийским училищем руководил преемник Пантена Климент, Ориген был его учеником. Излагая содержание «Стромат», Климент в 1-й книге их поместил хронологию событий до смерти Коммода; ясно, что он работал над своим сочинением при Севере, о времени которого рассказывает и эта книга.

ГЛАВА 7

Тогда же другой писатель, Иуда, размышляя по поводу семидесяти седьмин Даниила, довел свою хронику до десятого года царствования Севера. Он думал, что близится пришествие антихриста, о котором без конца говорили.

Тогдашнее сильное гонение на нас породило смуту во многих умах.

ГЛАВА 8

(1) В это время Ориген, занятый делом оглашения в Александрии, совершил поступок, свидетельствующий о душе юной, незрелой и в то же время глубоко верующей и стремящейся к самообузданию.

(2) Поняв слова: «Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царствия Небесного» в их буквальном смысле, думая и выполнить спасительный совет, и прекратить грязную клевету язычников (ему, юноше, приходилось беседовать о вопросах Божественных не только с мужчинами, но и с женщинами), он и поторопился на деле осуществить спасительные слова, полагая, что большинство его учеников ничего не узнает.

(3) Скрыть, однако, такое дело оказалось невозможным, как он этого ни хотел. Позднее об этом узнал Димитрий, предстоятель Александрийской Церкви, изумился отваге Оригена, похвалил за усердие к вере и ее искренность, посоветовал не падать духом и отныне еще больше прилежать к делу оглашения.

(4) Тогда повел он себя так, но вскоре, видя, что Ориген благоденствует, что он везде известен и всюду прославляем, он поддался человеческой слабости: постарался всем епископам описать его поступок как чистое безумство, между тем как наиболее известные и уважаемые палестинские епископы – Кесарийский и Иерусалимский – сочли Оригена достойным высшей чести и рукоположили его в пресвитеры.

(5) Он был в это время весьма известен, пользовался у всех людей во всем мире славой за свою мудрость и добродетель, и Димитрий, не зная, в чем бы его обвинить, придрался к его давнему детскому проступку, страшно оклеветал его, осмелившись при этом задеть и тех, кто продвинул его в пресвитеры.

(6) Все это, впрочем, случилось несколько позже, а тогда Ориген в Александрии всех приходящих безбоязненно поучал днем и ночью слову Божию; весь свои досуг он посвящал изучению Писания и тем, кто приходил к нему поучиться.

(7) После восемнадцати лет царствования Севера ему наследовал сын его Антонин. В тогдашнее гонение среди мужественных борцов,

уцелевших по Промыслу Божию во время исповедании и состязании, был некий Александр, которого мы недавно упоминали как епископа Иерусалимской Церкви; он так отличился своим исповеданием Христа, что был удостоен упомянутого епископства, хотя Наркисс, его предшественник, был еще жив.

ГЛАВА 9

(1) Члены этой Церкви помнят многие чудеса Наркисса; предание о них преемственно сохраняется братьями. Рассказывают, между прочим, об одном удивительном деле, им совершенном.

(2) Однажды на великой Пасхальной всенощной у диаконов не хватило масла, и весь народ пришел в уныние. Наркисс велел служителям, которые ведают освещением, набрать воды и принести ему.

(3) Это было немедленно выполнено; он помолился над водой и с искренней верой в Господа распорядился разлить воду по светильникам. Сделали и это; вопреки здравомысленным соображениям, чудесной и Божественной силой вода приобрела свойства масла. У многих тамошних братьев с давних пор и доныне хранится часть этого масла, как свидетельство о чуде.

(4) Рассказывают о многих достопамятных событиях его жизни; вот одно из них.

(4) Каким-то гнусным и ничтожным людям невыносима была его строгая, упорядоченная жизнь; зная за собой множество мерзостей, боясь обличения и суда, они, забегая вперед, измыслили и возвели на него клевету страшную.

(5) Чтобы убедить слушателей, они подтвердили ее клятвой: «Чтоб мне погибнуть в огне (если это неправда)», – сказал один; «Чтоб мне заболеть страшной болезнью», – поклялся другой; «Чтоб мне ослепнуть», – произнес третий. Несмотря на их клятвы, никто из верующих не принял в расчет их слова: все воочию видели трезвую и безупречную чистую жизнь Наркисса.

(6) Он, однако, не смог пренебречь гнусным злословием; ему вообще издавна была любезна жизнь философа, и он бежал от братии и провел много лет, скрываясь в неведомой пустыне.

(7) Между тем Высшая Правда не сводила глаз с происшедшего:

нечестивцев вскоре постигло то, что они сами навлекли на себя своими клятвами. У первого, неизвестно почему, ни с того, ни с сего на дом, где он жил, упала ночью маленькая искра; дом сразу занялся, и

хозяин сгорел вместе со всей семьей. У второго все тело от подошв до головы было поражено болезнью, которую он на себя накликал.

(8) Третий, видя конец соучастников и трепеща неотвратимого суда Всевидящего Господа, перед всеми сознался в своих кознях, терзался в покаянных стенаниях и столько плакал, что ослеп на оба глаза. Такое наказание потерпели они за свою ложь.

ГЛАВА 10

Когда Наркисс ушел неизвестно куда, епископы соседних Церквей посвятили в епископы другого, именем Дия. Епископствовал он недолго; его преемником был Германий, преемником последнего – Гордий]. При нем появился, словно воскресший, Наркисс, и братья упрашивали его стать их предстателем. Им еще больше восхищались за его отшельничество и за его любомудрие, а больше всего за то, что он был удостоен от Господа возмездия за него.

ГЛАВА 11

(1) Когда он по глубокой старости не смог нести епископское служение, то велением Господним призван был к сослужению с ним упомянутый Александр, бывший епископом другой Церкви: а было ему это открыто в ночном видении.

(2) Следуя как бы Божественному знамению, он отправился из Каппадокии, где впервые был удостоен епископского сана, в Иерусалим, чтобы помолиться и разузнать о тех местах. Местные жители приняли его очень радушно и упрашивали не возвращаться домой, ссылаясь и на свое ночное видение, и на голос, отчетливо указавший на него наиболее ревностным братьям; им приснилось, что они вышли за городские ворота принять епископа, предназначенного Господом. Так они и сделали и с общего согласия соседних Церквей принудили его остаться.

(3) Об этом вспоминает и сам Александр в своих письмах к жителям Антинои, до сих пор у них сохраняемых. О своем сослужении с Наркиссом он пишет в конце одного письма так:

«Приветствует вас Наркисс, бывший до меня здесь епископом и теперь молитвенно трудящийся со мной. Ему исполнилось сто шестнадцать лет; он убеждает вас, как и я, пребывать в единомыслии».

(4) Так это происходило. В Антиохийской Церкви преемником скончавшегося Серапиона стал Асклепиад, прославивший себя исповеданием во время гонений.

(5) Александр, вспоминая о его посвящении, так пишет антиохийцам:

«Александр, раб и узник Иисуса Христа, приветствует о Господе блаженную Церковь Антиохийскую. Удобными и легкими сделал Господь мои оковы, когда, сидя в тюрьме, я узнал, что по Божиему Промыслу епископом святой вашей Антиохийской Церкви поставлен Асклепиад, который этого по своей вере вполне достоин».

(6) Письмо это он послал через Климента; в конце он пишет об этом так:

«Эту грамотку я переслал вам, братья и господа мои, через Климента, блаженного пресвитера, человека хорошего и почтенного.

Вы его знаете и познакомитесь еще больше. Он, будучи здесь по Промыслу Господа, укрепил и увеличил Его Церковь».

ГЛАВА 12

(1) Из трудов Серапиона над Писанием что-нибудь, вероятно, у кого-либо сохраняется, но до нас дошли только: «К Домнину» – он во время гонения отпал от Христовой веры и перешел в иудейское суеверие; «К Понтию и Карику» (оба клирики) и к другим лицам.

(2) Составлена им и книга «О так называемом Евангелии Петра»; он написал ее, чтобы обличить это лживое «Евангелие» ради тех членов Росской Церкви, которые, ссылаясь на него, заблудились в учении, не согласном с Церковью Следует выписать из нее его краткие выражения об этом «Евангелии». Он пишет так: «Мы, братья, принимаем Петра и других апостолов, как Христа, но, люди опытные, мы отвергаем книги, которые ходят под их именем, зная, что учили нас всех не так.

(4) Будучи у вас, я предполагал, что все вы держитесь правой веры, и, не прочитав «Евангелия», которое слывет у них Петровым, указал, что если это единственная причина вашего смущения, то читать его можно. Теперь же, узнав из рассказанного мне, что душа их ускользнула, как в нору, в ересь, потороплюсь к вам опять, братья, так что ждите меня вскорости.

(5) Мы узнали, братья, какой ереси держался Маркион; он противоречил себе, сам не зная, что говорит. Вы узнаете об этом из того, что я вам написал.

(6) Мы смогли достать это «Евангелие» от людей, признающих его, то есть от преемников тех, кто его вел и кого мы зовем докетами (в этом учении очень много их мыслей), – мы смогли благодаря им достать его и нашли, что в нем многое согласно с правым учением Спасителя, а кое-что и добавлено, что и привожу для вас». Вот слова Сера пиона.

ГЛАВА 13

(1) «Строматы» Климента в восьми книгах все сохранились до нашего времени. Озаглавил он их так: «Строматы Тита Флавия Климента. Заметки о познании истинной философии».

(2) Столько же книг и в его сочинении под заглавием «Очерки». Тут он упоминает по имени, как своего учителя, Пантена, приводит его толкования Священного Писания и предания, от него полученные.

(3) Есть у него еще «Увещания к эллинам»; три книги сочинения, озаглавленного «Педагог»; затем «Какой богач спасется», книга «О Пасхе»; диалоги «О посте и о злоречии», увещательное слово «О терпении, или К новокрещенным», еще «Церковное правило, или Против иудействующих», посвященное упомянутому епископу Александру.

(4) В «Строматах» он не только рассыпает мысли из Писания, но берет и у эллинских писателей, если что покажется ему полезным; вспоминает мнения многих, развертывает вероучение и эллинов, и варваров; выправляет ложь ересиархов, приводит множество сведении, закладывая основу для разностороннего образования. Ко всему этому добавлены рассуждения философов, так что заглавие «Строматы» находится в полном соответствии с содержанием.

(6) Он использует для этой книги и писания, Церковью не признанные: так называемую Премудрость Соломонову, книгу Иисуса Сираха, Послание к Евреям. Послания Варнавы, Климента и Иуды.

(7) Вспоминает он и «Слово к эллинам» Татиана; вспоминает Кассиана – он тоже писал хронику, а также Филона, Аристовула, Иосифа, Димитрия и Эвполема, еврейских писателей – все они доказывали в своих сочинениях, что Моисеи и народ иудейский старше древних эллинов (8) Много и других полезных сведений имеется в этом его сочинении. В 1-й книге его он говорит о себе как о человеке, стоявшем в непосредственной близости к преемникам апостолов, и обещает дать толкование на Бытие.

(9) В книге «О Пасхе» он говорит, что друзья вынуждали его записать для будущих поколений всё, что он своими ушами слышал от старых пресвитеров.

Вспоминает он Мелитона, Иринея и других, чьи беседы и приводит.

ГЛАВА 14

(1) В «Очерках» он, коротко говоря, дает сжатый пересказ всего Нового Завета, используя и книги оспариваемые: Послание Иуды и прочие Соборные Послания, Послание Варнавы и Откровение, приписываемое Петру.

(2) Послание к Евреям он считает Павловым и говорит, что на писано оно было для евреев и по-еврейски, а Лука старательно перевел его для эллинов.

Вот почему одинаковый стиль и в переводе этого Послания, и в Деяниях.

(3) Что в заглавии его не стоит «Павел апостол», это понятно: обращаясь к евреям, относившимся к нему предвзято и с подозрением, разумно было не отталкивать их сразу же своим именем; несколько ниже он добавляет:

(4) «Как сказал блаженный пресвитер: Господь, Апостол Вседержителя, был послан к евреям, а Павел, как посланный к язычникам, по скромности и не назвался апостолом евреев, не смея равняться с Господом, а также и потому, что Послание к Евреям только добавка к его деятельности, ибо был он проповедником и апостолом язычников».

(5) В этих же книгах Климент приводит предания древних пресвитеров о порядке Евангелий: «Первыми написаны Евангелия, где есть родословные.

(6) Евангелие от Марка возникло при таких обстоятельствах: Петр, будучи в Риме и проповедуя Христово учение, излагал, исполнившись Духа, то, что содержится в Евангелии. Слушавшие – а их было много – убедили Марка, как давнего Петрова спутника, помнившего всё, что тот говорил, записать его слова. Марк так и сделал и вручил это Евангелие просившим.

(7) Петр, узнав об этом, не запретил Марку, но и не поощрил его. Иоанн, последний, видя, что те Евангелия возвещают земные дела Христа, написал, побуждаемый учениками и вдохновленный Духом, Евангелие духовное». Вот что сообщает Климент.

(8) Известный нам Александр в одном из писем Оригену вспоминает Климента и Пантена как людей хорошо ему знакомых и пишет так: «Воля Божия, ты знаешь, была в том, чтобы любовь, завещанная нам старшими, пребывала нерушимой, становилась горячее и крепче.

(9) Мы считаем отцами блаженных предшественников наших – скоро мы будем вместе: Пантена, воистину блаженного мужа и учителя, святого Климента, моего учителя и благодетеля, да и других таких же. Через них познакомился и я с тобой, человеком безукоризненным, господином и братом моим».

Таковы эти сведения.

(10) Адамантий (это было прозвище Оригена) отправился в Рим – Римской Церковью управлял тогда Зефирин, – о чем пишет так: «Я захотел увидеть самую древнюю Церковь – Римскую». Пробыл он там недолго и, вернувшись в Александрию, (11) со всем усердием продолжал заниматься своим делом оглашателя.

Димитрий, тамошний епископ, поощрял его и только что не упрашивал неленостно потрудиться на пользу братьев.

ГЛАВА 15

Он увидел, что его не хватит на углубленные занятия по изучению и толкованию Священного Писания и на оглашение приходящих – а шли к нему в училище один за другим с утра до вечера, не давая передохнуть. Поэтому он разделил всю эту толпу, выбрал из своих учеников некоего Геракла, прилежно занимавшегося богословием, человека вообще очень разумного и не чуждого философии, и сделал его помощником в оглашательной работе: ему он поручил начальное преподавание, а себе оставил слушателей более совершенных.

ГЛАВА 16

(1) Старательно исследовать слово Божие было для Оригена столь важно, что он даже выучил еврейский язык, приобрел у евреев в собственность подлинники священных книг, написанные еврейским шрифтом, и выискивал переводы, существующие помимо семидесяти и кроме общеупотребительных переводов Акилы, Симмаха и Феодотиона. Не знаю, из каких тайников, где они лежал и давным-давно, извлек он их на свет Божий.

(2) Владелец их остался ему неизвестен, и он только сообщил, что один экземпляр он нашел в Никополе, недалеко от Акция, а другой – в каком-то ином месте.

(3) В Гекзаплах же он, рядом с четырьмя известными переводами псалмов, помещает не только пятый, но и шестой и седьмой с примечанием к одному: он нашел его при Антонине, сыне Севера, в Иерихоне, в огромном глиняном кувшине.

(4) Сведя все переводы вместе, разделив на строфы, взаимно сопоставив и сравнив с еврейским подлинником, он и оставил нам так называемые Гекзаплы.

Переводы же Акилы, Симмаха и Феодотиона вместе с переводом семидесяти поместил в Тетраплах.

ГЛАВА 17

Следует знать, что Симмах, один из этих переводчиков, был эвионит. Так называемая ересь эвионитов состоит в следующем: они говорят, что Христос родился от Иосифа и Марии, считают Его просто человеком и настаивают на соблюдении Закона в строго иудейском духе – мы указывали на это и в предыдущем повествовании. Замечания Симмаха сохранились: он, по-видимому, старается подкрепить свою ересь Евангелием от Матфея. Ориген говорит, что эти замечания вместе с другими толкованиями Симмаха на Священное Писание он получил от некоей Юлиании, которой вручил эти книги сам Симмах.

ГЛАВА 18

(1) В это же время Амвросия, последователя Валентиновой ереси, убедила истина, представленная ему Оригеном: словно светом озарило его ум, и он обратился к Церкви и ее правой вере.

(2) Много и других образованных людей приходило к Оригену – слава его разнеслась широко, – чтобы ознакомиться с тем, как умело толковал он Священное Писание. Тьма еретиков и немало самых знаменитых философов стекались к нему и ревностно изучали не только богословие, но и мирскую философию.

(3) Тех из учеников своих, в ком он замечал дарование, он вводил в дисциплины философские, преподавал им арифметику, геометрию и другие предметы, предваряющие знания более серьезные, знакомил с философскими теориями, объяснял сочинения их творцов, делал свои замечания и рассматривал каждую теорию особо; сами эллины объявили его крупным философом.

(4) Большинство же учеников, не очень способных, он привлекал к элементарным школьным занятиям, говоря, что они очень помогут им понять Писание и подготовят к нему. Поэтому он считал, что даже ему необходимо заниматься философией и науками светскими.

ГЛАВА 19

(1) О том, как преуспел Ориген в этих областях, свидетельствуют современные ему философы-эллины; в их произведениях мы находили частые упоминания о нем: одни посвящали ему свои произведения, другие приносили свои труды ему на суд, как учителю.

(2) Зачем говорить об этом, когда Порфирий, наш современник, обосновавшись в Сицилии, написал против нас книгу, в которой, пытаясь оклеветать Писание, поминает и его толкователей; так как обвинить христианские догматы в чем-то дурном никак невозможно, то он за неимением доказательств обратился к ругани, клевеща на толкователей Писания, и особенно на Оригена.

(3) По его словам, он знал его с юности; пытаясь его оклеветать, он, сам того не замечая, возвышает его, то говоря правду, если другой возможности нет, то прибегая ко лжи и думая, что это останется незамеченным; иногда обвиняет его как христианина, иногда подробно рассказывает о его преданности философским дисциплинам. Послушай его собственные слова:

(4) «Горячо желая сохранить грязные рассказы иудейского писания, они[2] обратились к толкованию, которое совершенно не вяжется с содержанием этих рассказов: тут было не столько защиты этих нелепиц, сколько самодовольного восхваления собственных писаний. Ясные слова Моисея они торжественно объявили загадочными и клялись Богом, уверяя, что они, как изречения оракулов, полны тайного смысла; лишившись в этом дурмане здравого разума, они и ввели свое толкование».

(5) Дальше, между прочим, он говорит:

«Этот нелепый метод заимствован у человека, с которым я часто встречался в юности, весьма известного в то время, известного и теперь своими сочинениями, – я разумею Оригена; слава его широко разошлась среди учителей этой веры.

(6) Он был учеником Аммония, который в наше время преуспевал в философии; Аммоний ввел его в науку и многое ему дал, но в выборе жизненного пути Ориген свернул на дорогу, противоположную дороге учителя:

прошел совсем по иному пути.

(7) Аммоний был христианином и воспитан был родителями-христианами, но, войдя в разум и познакомившись с философией, он перешел к образу жизни, согласному с законами. Ориген – эллин, воспитанный на эллинской науке, – споткнулся об это варварское безрассудство, разменял на мелочи и себя, и свои способности к науке.

(8) Жил он по-христиански, нарушая законы. О мире материальном и о Боге думал как эллин, но эллинскую философию внес в басни, ей чуждые. Он жил всегда с Платоном, читал Нумения, Крония, Аполлофана, Лонгина, Модерата, Никомаха и писателей, известных в пифагорейских кругах. Пользовался книгами Херемона стоика и Корнута; узнав от них аллегорическое толкование эллинских мистерий, он применил его к иудейским писаниям».

(9) Так сказано у Порфирия в 3-й книге его сочинения против христиан. Он правильно говорит о воспитании и широкой образованности Оригена, но явно лжет (чего бы и не насказать врагу христиан!), будто Ориген обратился из эллинов, а Аммоний после благочестивой жизни впал в язычество.

(10) Ориген хранил от предков унаследованную христианскую веру (на это я уже указывал); Аммоний до последнего часа держался чистого и совершенного Божественного любомудрия, о чем и доныне свидетельствуют его труды, которые широко его прославили, например, ею книга «О согласии Моисея с Иисусом» и другие, которые можно найти у любителей истины.

(11) Все это изложено, чтобы показать и ложь клеветнических выдумок, и великую осведомленность Оригена в эллинских науках. В одном письме, обращаясь к тем, кто упрекал его в усердных занятиях этими последними, он защищается так:

(12) «Когда я стал прилежно изучать Слово и пошла молва о моих занятиях, тогда ко мне стали приходить то еретики, то эллинские ученые, преимущественно философы, и я решил тогда основательно рассмотреть учения об истине и еретические, и философские.

(13) Это я и сделал, подражая Пантену, чьи уроки еще до меня многим принесли пользу, так как он был очень осведомлен в этих вопросах, как и Иракл, который ныне заседает в Александрии в совете священников и которого я нашел у учителя философских дисциплин;

он упорно трудился у него еще за пять лет до того, как я стал заниматься у того же учителя.

(14) Под его влиянием он снял с себя обычную одежду, которую носил раньше, и принял облик философа, доныне сохраняемый; он не перестает по возможности заниматься и эллинскими науками». Так говорит Ориген в защиту своих занятий эллинской наукой.

(15) В это время, когда Ориген жил в Александрии, Димитрию, тамошнему епископу, и тогдашнему префекту Египта принес воин письма от правителя Аравии с просьбой как можно скорее прислать к нему Оригена, так как он хочет с ним побеседовать. Ориген прибыл в Аравию, быстро выполнил свою миссию и тут же вернулся в Александрию (16) За этот промежуток времени в Александрии разгорелся мятеж, и Ориген, тайно выбравшись из Александрии, направился в Палестину и поселился в Кесарии. Хотя он еще не был тогда рукоположен в священника, но местные епископы просили его беседовать с общиной и разъяснять ей Писание.

(17) Что именно так и было, видно из писем Александра, епископа Иерусалимского, и Феоктиста Кесарийского, посланных ими в свою защиту Димитрию.

«Он добавил в письме, что никогда не слыхано, да и сейчас не бывает, чтобы миряне в присутствии епископов проповедовали в Церкви. Зачем он говорит явную неправду?

(18) Где найдутся люди, способные принести пользу братьям, оттуда и приглашают их святые епископы проповедовать народу; так делали наши блаженные братья: в Ларанде Эвелпист пригласил Неона; в Иконии – Цельс Павлина; в Синнаде – Аттик Феодора, – вероятно, так поступали и в других местах, только мы этого не знаем».

Человеку, о котором мы рассказываем, еще молодому, оказывали такую честь не только епископы-земляки, но и епископы на чужбине.

(19) Димитрии, однако, отправил за ним диаконов с письмом, торопя его вернуться в Александрию. Вернувшись, Ориген занялся обычными трудами.

ГЛАВА 20

(1) В это время в полной силе находилось много даровитых церковных писателей; письма, которыми они обменивались, сохранились, и найти их легко и сейчас. До нашего времени они хранились в библиотеке города Элии, созданной тамошним епископом Александром; там мы и смогли достать материалы для данной работы.

(2) Один из таких писателей, Берилл, епископ Бостры Аравийской, оставил, кроме писем, разные работы, исполненные любви к прекрасному. Остались и сочинения Ипполита, епископа другой Церкви.

(3) Дошел до нас и диалог Гая, мужа весьма разумного, жившего в Риме при Зефирине; он спорит с Проклом, отстаивающим фригийскую ересь. В этом диалоге, обуздывая дерзкую готовность еретиков составить новое Писание, он упоминает только тринадцать Посланий святого апостола, но среди них не числит Послания к Евреям. Некоторые в Риме и сейчас считают, что оно не принадлежит апостолу.

ГЛАВА 21

(1) Антонин царствовал семь лет и шесть месяцев; после него был Макрин, который прожил год, а после него владычество над римлянами получил другой Антонин. В первый год его царствования переселился в другой мир епископ Зефирин, целых восемнадцать лет служивший Церкви.

(2) После него епископство вручили Каллисту; прожив пять лет, он оставил свое служение Урбану. Антонин прожил только четыре года; власть наследовал самодержец Александр. В это время в Антиохийской Церкви преемником Асклепиада стал Филит.

(3) Мать императора Мамея – была ли еще на свете такая благочестивая женщина! – сочла за счастье встретиться с Оригеном – слава его разнеслась повсюду и дошла до ее слуха – и ознакомиться с его удивительным для всех проникновением в смысл Священного Писания. Находясь в Антиохии, она пригласила его прибыть к ней в сопровождении воинов-телохранителей. Он пробыл там некоторое время, разъяснил многое во славу Господа, показал, как обучаться науке Божественной, и поторопился вернуться к обычным занятиям.

ГЛАВА 22

Тогда же Ипполит среди прочих «Памяток» написал книгу «О Пасхе», где, высчитывая время, дает пасхалию на шестнадцать лет, начиная первым годом царствования императора Александра. Из прочих его сочинений до нас дошли:

«О шести днях творения», «Что было после этих шести дней», «Против Маркиона», «О Песни песней», «О некоторых главах Иезекииля», «О Пасхе», «Против всех ересей» и очень много других, которые ты сможешь найти у многих.

ГЛАВА 23

(1) Тогда же Ориген положил начало своим толкованиям Писания.

Амвросий не только настоятельно убеждал и уговаривал его взяться за эту работу, но и щедро предоставлял всё необходимое для этих занятий.

(2) Более семи скорописцев писали под его диктовку, сменяясь по очереди через определенное время; не меньше было переписчиков и красиво писавших девушек. Амвросий щедро снабжал их всем необходимым, а главное, он вносил в занятия Священным Писанием усердие невыразимое, и это особенно побуждало Оригена заниматься своими комментариями.

(3) Так обстояли дела, когда Урбана, восемь лет бывшего епископом Рима, сменил Понтиан, а Филита в Антиохии – Зебин.

(4) Тогда же Ориген отправился по необходимым церковным делам через Палестину в Элладу и был в Кесарии местными епископами рукоположен в священника. Поднявшаяся против него по этому поводу буря; постановления, принятые по поводу этих волнений предстоятелями Церквей; вклад в богословие, который сделал, войдя в возраст, Ориген, – для рассказа об этом потребовалась бы особая книга. Об этом достаточно сказано во 2-й книге Апологии, написанной нами в его защиту.

ГЛАВА 24

(1) К этому следует добавить: в 6-й книге Толкований на Евангелие от Иоанна Ориген замечает, что первые пять он составил, еще будучи в Александрии; от всей работы его над этим Евангелием до нас дошло только двадцать два тома.

(2) В 9-й книге Толкований на Бытие (их всего двенадцать) он вспоминает, что в Александрии были им написаны не только первые восемь на эту книгу, но и Толкования на первые двадцать пять псалмов и на Плач Иеремии. Из них до нас дошло пять томов. В них он упоминает книгу «О воскресении», в 2-х томах.

(3) И книгу «О началах» он написал до своего переселения из Александрии, как и другую, под заглавием «Строматы», в 10-ти томах; она написана в том же городе в царствование императора Александра, как об этом свидетельствуют его собственноручные пометки в начале каждого тома.

ГЛАВА 25

(1) Объясняя первый псалом, Ориген приводит список священных книг Ветхого Завета. Вот как он пишет дословно: «Следует знать, что ветхозаветных книг, по еврейскому преданию, двадцать две – столько же, сколько букв у них в алфавите».

(2) Затем он добавляет:

«Вот эти двадцать две книги: Бытие по-нашему, а у евреев по первому слову этой книги – «Береигит», что значит «в начале»; Исход – «Вэле шемот», то есть «эти имена»; Левит – «Ваикра», то есть «и Я воззвал»; Числа – «Гаммисфекодим»; Второзаконие – «Элле гаддебарим», то есть «эти слова»; Книга Иисуса Навина – «Иозуе бен нун»; Судьи, Руфь – у них это одна книга:

«Шофетим»; Первая и Вторая книги Царств, соединенные у них в одну – «Шемуэл», то есть «призванный Богом»; Третья и Четвертая книги Царств – в одной: «Ваммелех Давид», то есть «царствование Давида»; Первая и Вторая книги Паралипоменон, соединенные вместе – «Дибре гайомим», то есть «слова дней»; Первая и Вторая книги Ездры в одной – «Эзра», то есть «помощник»; Книга псалмов «Сефертегиллим»; Притчи Соломона – «Мишлот»; Екклезиаст – «Когелет»; Песнь песней (а не Песни песней, как думают иные) – «Шир гашширим»; книги: Исаии – «Ешая», Иеремия с Плачем и Посланием в одной книге – «Ирмиаг»; книги: Даниила – «Даниэль»; Иезекииля – «Ехезкель», Иова – «Иоб», Есфирь – «Эстер». Есть еще книги Маккавеев – «Шарбет шарбане».

(3) Это сказано в упомянутом сочинении. В 1-й книге Толкований на Евангелие от Матфея Ориген, придерживаясь церковного канона, свидетельствует, что признает только четыре Евангелия, и пишет так:

(4) «Вот что из предания узнал я о четырех Евангелиях, единственных бесспорных для всей Церкви Божией, находящейся под небом: первое написано Матфеем, бывшим мытарем, а потом апостолом Христовым, предназначено для христиан из евреев и написано по-еврейски; (5) второе, от Марка, написано по наставлениям Петра, назвавшего Марка в Соборном Послании сыном: «Приветствует вас избранная Церковь в Вавилоне и Марк, сын мой».

(6) Третье Евангелие – от Луки, которое одобряет Павел, написано для христиан из язычников. Последнее Евангелие – от Иоанна».

(7) В 5-й книге Толкований на это Евангелие Ориген так говорит об апостольских Посланиях:

«Павел, которому дано было достаточно, чтобы стать служителем Нового Завета не по букве, а по духу, насытивший Евангелием земли от Иерусалима и кругом до Иллирика, писал не ко всем Церквам, которые наставил, и даже тем, которым писал, посылал по несколько строк.

(8) От Петра, на котором основана Церковь Христова и врата адовы не одолеют ее, осталось только одно Послание, всеми признанное. Примем, пожалуй, и Второе, хотя о нем спорят.

(9) Что сказать об Иоанне, возлежавшем на груди Христовой? Он оставил одно Евангелие, заметив, что всему миру не вместить того, что он мог бы написать; написал он и Откровение, но ему приказано было молчать и не писать о том, что сказали семь громов.

(10) Осталось от него и Послание в несколько строк. Примем, пожалуй, Второе и Третье – не все признают их подлинными; в обоих не больше ста строк».

(11) О Послании к Евреям Ориген так рассуждает в своих беседах о нем:

«В языке Послания, озаглавленном «К Евреям», нет особенностей, свойственных языку апостола, который признает, что он «неискусен в слове», то есть в умении выражать свои мысли. Послание составлено на хорошем греческом языке, и каждый, способный судить о разнице стилей, это признает.

(12) Мысли же в этом Послании удивительные, не уступающие тем, которые есть в Посланиях, признаваемых подлинно Павловыми. Что это так, с этим согласится каждый, кто внимательно читает эти Послания».

(13) Затем, между прочим, он говорит:

«Если бы мне пришлось открыто высказаться, я бы сказал: мысли в этом Послании принадлежат апостолу, а выбор слов и склад речи – человеку, который вспоминает сказанное апостолом и пишет, как бы поясняя сказанное учителем. Если какая-нибудь Церковь принимает это Послание за Павлове, хвала ей за это. Не зря же древние мужи считали это Послание Павловым.

(14) Кто был настоящий его автор, ведомо только Богу. Еще до нас его приписывали одни Клименту, епископу Римскому, другие – Луке, написавшему Евангелие и Деяния». Об этом достаточно.

ГЛАВА 26

На десятом году упомянутого царствования Ориген переселился из Александрии в Кесарию, оставив Огласительное училище на Иракла. В скором времени скончался Димитрий, епископ Александрийский, несший свое служение целых сорок три года. Преемником его стал Иракл. В это время славен был епископ Кесарии Каппадокийской Фирмилиан.

ГЛАВА 27

Он так высоко ставил Оригена, что иногда, церковной пользы ради, приглашал его к себе, в свою область, а иногда сам отправлялся к нему в Иудею и проводил с ним некоторое время, совершенствуясь в вопросах богословских. И Александр, епископ Иерусалимский, и Феоктист Кесарийский все время прислушивались к нему и как учителю единственному уступали ему толкование Священного Писания и то, что касалось церковного обучения.

ГЛАВА 28

После императора Александра, царствовавшего тринадцать лет, власть принял кесарь Максимин. Из ненависти к дому Александра, состоявшему большей частью из верующих, он начал гонение, но казнить велел, как виновных в обучении христианству, только стоявших во главе Церквей. В это время Ориген написал «О мученичестве» и посвятил это сочинение Амвросию и Протоктиту, кесарийскому пресвитеру: все вокруг в это гонение было для обоих крайне неблагоприятно. Рассказывают, что они прославили себя и исповеданием при Максимине, царствовавшем не дольше трех лет. Время этого гонения указано Оригеном в 22-й книге его Толкований на Евангелие от Иоанна и в его разных письмах.

ГЛАВА 29

(1) После Максимина власть над римлянами получил Гордиан; преемником Понтиана, бывшего шесть лет епископом Римским, стал Антерот, а после Антерота, несшего свое служение только месяц, – Фабиан.

(2) Рассказывают, что Фабиан, после кончины Антерота, вместе с другими переселился из деревни в Рим и здесь, по Божией небесной милости, стал епископом совершенно чудесным образом.

(3) Когда все братья собрались для выбора будущего епископа, то большинству приходил на ум кто-либо из славных, известных мужей. О Фабиане, здесь находившемся, и мысли ни у кого не было. Вдруг сверху слетает голубь и садится ему на голову – так Дух Святой, в виде голубя, сошел на Спасителя.

(4) Тут весь народ в одном порыве, словно по внушению Духа Божия, единодушно возгласил «достоин» и немедленно посадил его на епископскую кафедру.

В это же время Антиохийский епископ Зебин перешел в иную жизнь; его преемником стал Вавила; в Александрии после Димитрия обязанности его нес Иракл; управление Огласительным училищем перешло к Дионисию, тоже одному из учеников Оригена.

ГЛАВА 30

К Оригену, занимавшемуся в Кесарии обычным своим делом, приходило много не только местных жителей, но и множество иностранцев, оставивших родину. Я знал из них особенно известных: Феодора – это знаменитый в наше время епископ Григорий – и брата его Афинодора. Оба страстно увлекались эллинской и римской наукой; но Ориген внушил им любовь к философии и направил всю их ревность на изучение богословия. Они провели с ним целых пять лет и так усовершенствовались в этой науке, что оба еще молодыми удостоились епископства в понтийских Церквах.

ГЛАВА 31

(1) В это время известен стал и Африкан, написавший «Узоры». Есть его письмо к Оригену: он недоумевает по поводу рассказа о Сусанне в книге Даниила, – не выдумка ли это. Ориген очень подробно ответил ему.

(2) От этого же Африкана дошли до нас и другие работы: пять книг «Хроник», обработанных с большой точностью и тщательностью. Он рассказывает, как, наслышавшись об Иракле, он предпринял путешествие в Александрию; Иракл, как мы говорили, отличался своими познаниями в философии и других эллинских науках и был епископом Александрийской Церкви.

(3) Есть еще письмо Африкана к Аристиду о мнимом разногласии родословий Христа: одного – у Матфея и другого – у Луки; основываясь на рассказе, до него дошедшем, он с полной ясностью согласовывает обоих евангелистов. Этот рассказ я привел к месту в 1-й книге этого моего сочинения.

ГЛАВА 32

(1) Ориген в это время составил Толкование на Исаию и тогда же на Иезекииля. Из Толкования на Исаию дошла до нас только третья часть – до видения животных в пустыне – тридцать томов; на Иезекииля – двадцать пять, единственные на этого пророка.

(2) Он был тогда в Афинах, там закончил эту работу и начал Толкование на Песнь песней, дошел до пятой книги и, уже вернувшись в Кесарию, довел толкование до конца, т. е. до десятой книги.

(3) Зачем, однако, составлять сейчас точный список работ Оригена, когда для этого требуется особая книга? Я привел его в жизнеописании святого мученика Памфила, нашего современника, показав, с каким усердием занимался Памфил богословием, и тут же поместил список книг его библиотеки, состоявшей из работ Оригена и других церковных писателей.

Желающий может из этой книги полностью узнать о трудах Оригена, до нас дошедших. Продолжаю последовательное изложение событий.

ГЛАВА 33

(1) Берилл, недавно упомянутый нами епископ Бостры Аравийской, нарушая церковное правило, попытался внести в наше вероучение нечто ему чуждое: осмелился говорить, что Спаситель и Господь наш до Своего прихода к людям не имел ни собственной сущности, ни собственной Божественности, что в Нем только пребывала Отчая.

(2) Очень многие епископы рассматривали его мнение и говорили о нем; был приглашен и Ориген. Он начал свою беседу с вопросов, выясняющих образ мыслей собеседника; ознакомившись с ним, убедил его своими рассуждениями, выправил его неправоверие и вернул к прежней здравой вере, показав истину догматов.

(3) И доныне имеется подробный отчет о тех событиях: заявления Берилла, постановление собора, созванного по этому поводу, вопросы Оригена и беседы его с Бериллом, происходившие в местной Церкви.

(4) Многое об Оригене помнят и рассказывают нынешние священники, но я решил это опустить, как не относящееся к этой книге. Необходимые же сведения о нем можно собрать из «Апологии Оригена», написанной нами и святым мучеником Памфилом, нашим современником: мы старательно работали вместе, ибо нападок на Оригена много.

ГЛАВА 34

После полных шести лет правления Гордиана власть получил Филипп вместе с сыном своим Филиппом. Рассказывают, что он был христианином и захотел в последнюю предпасхальную всенощную помолиться в Церкви вместе с народом, но тамошний епископ разрешил ему войти только после исповеди и стоять вместе с кающимися на отведенном для них месте. Не сделай он этого, епископ не допустил бы его по множеству взводимых на него обвинений.

Говорят, что Филипп сразу же согласился и на деле доказал, что он искренне благочестив и боится Бога.

ГЛАВА 35

Шел третий год царствования Филиппа, когда после шестнадцать лет епископства в Александрии скончался Иракл; его преемником стал Дионисий.

ГЛАВА 36

(1) Тогда, как и следовало, вера умножилась, наше учение можно было свободно проповедовать всем; Оригену было уже за шестьдесят, у него накопился огромный опыт, и свои беседы, обращенные к народу, он прямо диктовал скорописцам, чего раньше никогда себе не позволял.

(2) В это время он составил в восьми книгах возражения эпикурейцу Цельсу, написавшему против нас сочинение под заглавием «Слово истины», двадцать пять томов Толковании на Евангелие от Матфея, а также Толкования на двенадцать пророков, из которых мы нашли только двадцать пять.

(3) Имеется его письмо к императору Филиппу и другое – к его супруге Севере, есть и иные письма к разным людям. Я собирал их, сколько мог – их хранили у себя по разным местам разные люди, – и составил из них особые тома, их больше ста.

(4) Писал Ориген письма и Фабиану, епископу Римскому, и многим другим епископам о своем православии. Они приведены в 6-й книге Апологии, написанной нам и об этом великом человеке.

ГЛАВА 37

В это время опять в Аравии появились люди, распространявшие учение, истине чуждое. Они утверждали, что душа человека в смертный час умирает с телом и вместе с ним разрушается, а в час воскресения вместе с ним и оживет.

Тогда был созван немалый собор и опять приглашен Ориген. Он изложил перед собранием свои соображения о данном вопросе, которые заставили их отказаться от недавних заблуждении.

ГЛАВА 38

Началось новое разномыслие – так называемая ересь элксаитов; она, впрочем, появилась и тут же исчезла. О ней вспоминает Ориген в своей Беседе на 82-й псалом; он говорит так:

«Появился человек, гордый своим безбожием и нечестивейшим учением, которое зовется Элксаитовым; недавно восстало оно на Церковь. Я раскрою вам зло этого учения, да не похитит оно вас. Оно отвергает некоторые части Писания, но пользуется изречениями из всего Ветхого Завета и Евангелия, отвергает последнего апостола. По их словам, отречение от веры ничего не значит: человек здравомысленный отречется по необходимости языком, но не сердцем. Они ссылаются на какую-то книгу, упавшую с неба; внимающий и верующий ей получит отпущение грехов, только это не то отпущение, которое дал Христос Иисус».

ГЛАВА 39

(1) После семилетнего царствования Филиппа власть получил Деций. Из ненависти к Филиппу он поднял на Церковь гонение, во время которого мученической смертью скончался в Риме Фабиан; преемником его был Корнилий.

(2) В Палестине епископ Иерусалимский Александр предстал в Кесарии вновь перед правительственным судом и после вторичного славного исповедания изведал тюрьму, а был уже украшен честными сединами глубокой старости; его мужественная старость и честные седины внушали уважение.

(3) Он почил в тюрьме после своего прекрасного и славного исповедания перед судом правителя; преемником его в Иерусалиме называют Мазабана.

(4) Так же, как Александр, скончался в Антиохии в тюрьме после исповедания Вавила; во главе Церкви поставлен Фабий.

(5) Что и сколько пережил Ориген в это гонение и какой был этому конец, когда злобный демон выстроил против этого человека все свое воинство и накинулся на него всеми силами и средствами – больше, чем на всех, с кем он вел тогда войну; что и сколько выдержал за веру Христову этот человек: оковы, телесные муки, истязания железом, тюремное подземелье, многодневное сидение с растянутыми до четвертой дыры ногами, угрозу сожжения и вообще что только ни делали с ним враги – всё он мужественно вынес. А конец этому был такой: судья всей силой власти своей воспротивился его казни. Какие после этого оставил он сочинения и как они полезны тем, кто нуждается в поддержке, – об этом правдиво и точно сообщают многочисленные письма этого человека.

ГЛАВА 40

(1) О том, что случилось с Дионисием, он рассказывает сам в письме к Герману. Привожу оттуда выдержку:

«Говорю перед Богом, Он знает, лгу ли я. Я никогда бы не ушел своей волей и без Божиего указания.

(2) Еще раньше, когда при Деции объявлено было гонение, Сабин в тот же час послал фрументария разыскать меня; я четыре дня сидел дома, ожидая прихода фрументария, а тот кружил по всей окрестности, выслеживая меня по дорогам, рекам, по полям, где, подозревал он, я прячусь или разгуливаю. Как пораженный слепотой, он не смог найти дом, да и не верил, что я сижу дома, когда меня преследуют.

(3) С трудом через четыре дня, когда Господь велел мне уйти и чудесным образом уготовал путь, я, и мои слуги, и многие братья – все вместе мы отправились. А что все это было по Божиему Промыслу, это стало ясно из дальнейшего, и мы тут кое-кому оказались полезны».

(4) Рассказав затем о некоторых событиях, он говорит, что произошло с ним после ухода:

«Около захода солнца меня и бывших со мной воины вели в Тапосирис. По Божиему смотрению, Тимофея с нами не было и его не схватили. Придя позднее, нашел он дом пустым и под охраной, а мы были уже невольниками».

(5) И затем говорит:

«Вот как удивительно Домостроительство Его! Расскажу правду. С Тимофеем, в перепуге бежавшим, повстречался какой-то крестьянин и спросил, чего он так торопится. Тимофей сказал правду, (6) а тот выслушал (он шел, намереваясь попировать на свадьбе; у них там в обычае не расходиться целую ночь) и, придя, всё рассказал гостям. Те разом, словно сговорившись, вскочили, понеслись бегом и, догнав нас, радостно закричали. Воины, охранявшие нас, тут же убежали, а они обступили меня; я же как был, так и лежал на голых носилках.

(7) И я – видит Бог – принял их сперва за разбойников, которые нас разденут и ограбят. Я сидел на своем ложе голый, в одной льняной рубахе; остальная одежда лежала около меня, им я и протянул ее. Они же велели мне встать и как можно скорее уходить.

(8) И тогда, поняв, зачем они пришли, я стал криком просить и молить их уйти и нас оставить. Если же хотят они мне добра, то пусть предупредят взявших меня и сами отрубят мне голову. Пока я это выкрикивал, как это известно моим спутникам, все со мной пережившим, они силой меня подняли.

Я навзничь упал на землю, но они потащили меня за руки и за ноги.

(9) За мной шли свидетели всего этого: Гай, Фавст, Петр и Павел. Они же взвалили меня себе на спину, вынесли из этого городка и увезли, посадив на осла, даже не покрыв его попоной».

Вот что рассказывал о себе Дионисий.

ГЛАВА 41

(1) Он же в письме к Антиохийскому епископу Фабию так рассказывает о том, что претерпели при Деции мученики в Александрии:

«Преследование у нас началось не с царского указа, а на целый год раньше, когда какой-то пророк и виновник бедствий этого города – кто бы он ни был – стал возбуждать и натравливать на нас языческую толпу, разжигая их родное суеверие.

(2) Подученные им язычники решили, что всякое злодеяние им дозволено и что благочестивое почитание демонов требует одного – убивать нас.

(3) Первым они схватили старца Метру и приказали ему богохульствовать; он отказался, его стали бить палками по телу и колоть острым тростником лицо и глаза, затем вывели за город и побили камнями.

(4) Верующую женщину, именем Квинту, привели в капище и заставляли кланяться кумирам; она с отвращением отворачивалась; ей связали ноги и протащили через весь город по острым камням мостовой, бичевали, толкали на мельничные жернова и, приведя туда же, куда Метру, убили.

(5) Затем все единодушно устремились на христианские дома; каждый врывался к знакомым и соседям, тащил и грабил. Вещи подороже забирали себе, дешевые и деревянные выбрасывали и жгли на улицах; казалось, город взят неприятелем. Братья уклонялись и уходили, радуясь расхищению своего имущества, как и те, о которых говорил Павел.

(7) Не знаю, нашелся ли до сих пор человек, который, попав к ним в руки, отрекся от Господа, разве один-единственный.

Язычники схватили также Аполлонию, дивную старушку-девственницу, били по челюстям, выбили все зубы; устроили за городом костер и грозили сжечь ее живьем, если она заодно с ними не произнесет кощунственных возгласов. Аполлония, немного помолившись, отошла в сторону, прыгнула с разбега в огонь и сгорела.

(8) Серапиона взяли дома, измучили жестокими пытками, переломали все суставы и сбросили головой вниз из верхней комнаты.

Нам не было проходу ни на людных улицах, ни в переулках, ни днем, ни ночью; всегда и всюду вес кричали: кто не произнесет слов мерзостных, сейчас же его в костер.

(9) Очень долго всё так и шло, ничуть не ослабевая, но потом поднялся мятеж, и гражданская война обратила на них самих прежнюю их жестокость к нам. Мы немного передохнули: им в их злобе было не до нас, но скоро пришло известие о смене милостивой к нам власти; великий страх перед тем, что угрожало, навис над нами.

(10) И вот появился указ, говоривший почти о том же, что предречено было Господом нашим, – такой страшный, что могли, пожалуй, соблазниться даже избранные.

(11) Все притаились. Многие видные люди явились сразу: одни – из страха; магистраты – повинуясь своим обязанностям, некоторых тащили близкие.

Вызванные по имени подходили к нечистым жертвам, одни – бледные и дрожащие, словно не они собрались принести жертву, а сами шли как жертвы на заклание. Толпа, стоявшая вокруг, осыпала их насмешками: явные трусы, они боялись и умереть, и принести жертву.

(12) Другие быстро, с готовностью подходили к жертвеннику, развязностью своей подтверждая, что никогда и не были христианами; об этих людях истинно изрек Христос: трудно им спастись. Из остальных одни вели себя или как первые, или как вторые из упомянутых, иные сбегали.

(13) Из тех, кто был схвачен, одни даже пошли в тюрьму и кое-кто долго просидел в заключении, но затем они отреклись, не представ еще даже перед судом; другие некоторое время терпели пытки, но терпеть дальше отказались.

(14) Крепкие и блаженные столпы Господни, укрепляемые Им, черпая в своей твердой вере соответствующие ей достоинство и терпение, стали дивными свидетелями Его царствования.

(15) Первым из них был Юлиан; он страдал подагрой и не мог ни стоять, ни ходить; он был взят вместе с двумя другими людьми, его несшими. Один из них сразу же отрекся; другой же, Кронион, по прозвищу Евнус, и сам старец Юлиан исповедали Господа; бичуя, их провезли на верблюдах по всему городу – а вы знаете, что он

большой, – и, наконец, среди окружающей толпы бросили в негашеную известь.

(16) Воин, сопровождавший их по дороге, не позволял над ними издеваться; толпа подняла крик, и Вису, смелого воина Божия, отличившегося в великой борьбе за веру, привели на суд и обезглавили.

(17) Другой, ливиец родом, Макарий, воистину блаженный – и по смыслу своего имени и по благословению Божиему – остался непоколебимым, хотя судья долго уговаривал его отречься, и был сожжен живым. Затем Епимаха и Александра, долго просидевших в узах, перенесших «когти» и бичевание, облили негашеной известью.

(18) Вместе с ними были и четыре женщины: Аммонария, святая дева, которую судья пытал усердно и долго, ибо она сразу объявила ему, что не скажет ни слова из тех, которые от нее потребуют; обещание свое она сдержала и была уведена на казнь. Остальных: почтеннейшую старицу Меркурию, Дионисию, многодетную мать, возлюбившую, однако, Христа больше детей, судья, устыдившись напрасных пыток и поражения, нанесенного женщинам и, распорядился убить мечом и не пытать. Аммонария, первая в этой борьбе, прошла через всё.

(19) Ирон, Атир, Исидор, египтяне, и вместе с ними Диоскор, отрок лет пятнадцати, были выданы. Судья пытался сначала обмануть отрока, казалось, доверчивого, и припугнуть пытками, рассчитывая, что он сразу же сдастся, но Диоскор не поддался на уговоры и ни в чем не уступил.

(20) Остальных, истерзанных самым зверским образом и выдержавших эти муки, он предал огню. Диоскор вызвал общее восхищение и удивил судью умными ответами на его убеждения; он отпустил отрока, сказав, что он, считаясь с его возрастом, дает ему отсрочку для раскаяния. И сей час богоугодный Диоскор пребывает с нами, ожидая борьбы более длительной и награды более достаточной.

(21) Некий Немезион, тоже египтянин, ложно обвиненный в сообщничестве с разбойниками, оправдался перед центурионом в этой нелепейшей клевете, но был уличен как христианин и в цепях приведен к правителю. Этот несправедливейший человек измучил его пытками и бичеванием вдвойне против разбойников и сжег вместе с разбойниками – блаженный был почтен примером Христа.

(22) Целое воинское отделение: Аммон, Зенон, Птоломей, Инген и с ними старец Феофил – выстроилось перед судилищем. Когда кого-то судили как христианина и он уже склонялся к отречению, они, стоявшие рядом, стали скрежетать зубами, кивать головой, протягивать руки, принимать разные позы.

(23) Все обернулись на них, но прежде, чем кого-либо из них схватили, они сами избежали на помост и объявили себя христианами. И правителя, и его советников охватил страх; подсудимые еще более укрепились в своей вере, а судьи оробели. Христиане выходили из суда с торжеством и ликованием о своем исповедании: Господь даровал им славный триумф.

ГЛАВА 42

(1) Множество других но городам и деревням были растерзаны язычниками; я приведу ради примера один случаи. Исхирион был вилланом на жаловании у одного из правителей. Хозяин велел ему принести жертву; отказавшегося выругал, упорствующего осыпал оскорблениями, непреклонного убил: вогнал ему в живот, в самые внутренности, огромную палку.

(2) Что сказать о толпах людей, скитавшихся и горах и пустынях, погибавших от голода, жажды, мороза, от болезней, от разбойников и зверей?

Выжившие свидетельствуют об их избранничестве и победе. В подтверждение приведу один случаи.

(3) Херимон, глубокий старец, епископ города, именуемое Нилонолем, бежал вместе с женой на Аравийскую гору; они не вернулись обратно, и братья, несмотря на все поиски, не нашли ни их самих, ни их тел.

(4) Многие на этой же самой Аравийской горе стали рабами варваров-сарацин. Одни из них с трудом и за большие деньги были выкуплены, другие и доныне пребывают в рабстве. Я рассказал об этом, брат, не зря, но чтобы ты знал, сколько страшного мы пережили. Многие, испытавшие еще больше, могут многое рассказать».

(5) Затем несколько ниже он добавляет:

«А эти наши Божественные мученики, которые ныне восседают вместе с Христом, причастны Его Царству, участвуют в суде Его и вместе с Ним выносят решения, – они вот взяли под защиту павших братьев, которым надлежало держать ответ в принесении жертв. Видя их обращение и раскаяние, уверенные, что оно может быть принято Тем, Кто вообще хочет не смерти грешника, а его покаяния, они приняли их, собрали воедино, вместе с ними молились и вкушали пищу.

Что относительно их посоветуете, братья? Что нам делать? Будем ли согласны и единомысленны с ними, соблюдаем их милостивый суд и дружелюбно отнесемся к тем, кого они пожалели, или же сочтем их

суд несправедливым и поставим себя судьями над ними? Оскорбим их доброту и отменим приказ?»

ГЛАВА 43

(1) Возобновляя разговор о тех, кто ослаб во время гонения, Дионисий весьма кстати все это привел. Дело в том, что, превозносясь над ними в гордыне своей, Новат, священник Римской Церкви, заявил, что для них вовсе нет надежды на спасение, даже если они выполнят все, что требуется при искреннем обращении и честном исповедании грехов. Он стал главой особой ереси, последователи которой в надмении ума называли себя «чистыми» (катарами).

(2) По его поводу в Риме собрался очень большой собор: шестьдесят епископов, гораздо больше священников и диаконов; в остальных церковных округах местные пастыри – каждый – обдумывали, как поступить. Всеми принято решение: считать чуждыми Церкви Новата и превозносящихся вместе с ним, предпочитавших братоненавистническое и бесчеловечное мнение этого человека. Несчастных же, попавших в беду братьев лечить целительным покаянием.

(3) До нас дошли письма Корнилия, епископа Римского, к Фабию, епископу Антиохийскому, со сведениями о римском соборе и постановлениях, принятых в Италии, Африке и тех краях; есть и письма от Киприана и его африканских соепископов, написанные по-латыни, из коих явствует, что и они согласны с необходимостью подавать помощь соблазненным и считают справедливым отлучение от Церкви ересиарха и тех, кто пошел за ним.

(4) К этим письмам присоединено другое письмо Корнилия о том, что было угодно собору, и еще другое – о поведении Новата. Ничто не мешает привести из него выдержки, дабы познакомить моих читателей с тем, что его касается.

(5) Корнилий, описывая Фабию поведение Новата, пишет так:

«Так вот, знай: этот диковинный человек давным-давно стремился к епископству, но скрывал ото всех это страстное свое желание, а прикрыл он свое безумие, пользуясь исповедниками, которых первоначально имел на своей стороне, – вот что я хочу сказать.

(6) Максим, священник у нас, и Урбан, дважды пожавшие урожай доброй славы за свое исповедание, Сидоний и Келерин, человек,

который все пытки по милости Божией перенес, укрепил силой веры слабую плоть и победил противника своим мужеством, – все эти люди, хорошо поняв Новата и воочию видя его злобность, двоедушие, клятвопреступничество, лживость, его неумение жить с людьми и его волчью дружбу, вернулись в Святую Церковь и перед множеством епископов, священников и мирян раскрыли все его уловки и злые дела, давно им замышленные; они скорбели и каялись, что, поверив этому лукавому и злонравному животному, на короткое время покинули Церковь».

(7) Немного дальше он говорит: «Непонятную перемену, возлюбленный брат, увидели мы в нем вскоре: этот блистательней человек, страшными клятвами заверявший, что он вовсе недомогается епископства, вдруг является епископом, как «бог из машины» в театре.

(8) Этот толкователь догматов, этот поборник церковной науки, решив ухватить и похитить епископство, которое не было ему дано свыше, нашел себе двух помощников, отчаявшихся в своем спасении, и отправил их в какой-то глухой уголок Италии обмануть ловкой выдумкой тамошних трех епископов – людей необразованных и простодушных, уверить их и настоять на том, будто они должны поскорее ехать в Рим и там, при посредничестве этих людей, уладить все несогласия с другими епископами.

(9) Когда прибыли эти, как мы уже сказали, простецы, ничего не понимающие в кознях и хитростях обманщиков, их заперли люди, сходные с теми, кто доставил им столько хлопот. В десятом часу, когда они напились, их, совершенно охмелевших, Новат силой заставил через возложение рук дать ему мнимое, ложное епископство, вытребованное хитростью и мошенничеством и ему не положенное.

(10) Один из этих епископов немного спустя вернулся в Церковь, со слезами всенародно исповедал свой грех, и мы приняли его в общину, но как мирянина; за него просил весь присутствовавший тут народ. Что касается остальных епископов, то мы рукоположили им преемников и послали в те места, где они были.

(11) Этот страж Евангелия разве не понимает, что в Церкви кафолической должен быть один епископ? В ней имеется – он не мог этого не знать – 46 священников, 7 диаконов, 7 иподиаконов, 42 аколуфа (послушника), 52 человека заклинателей и чтецов и

привратников, больше полутора тысяч вдов и калек, которых питает благодать Христова.

(12) Даже такое множество, столь необходимое в Церкви, – число, по Божиему Промыслу, обильное и все умножающееся, вместе с неисчислимым количеством мирян, не отвратило его от этого неразумного, безнадежного поступка и не вернуло в Церковь».

(13) И далее, между прочим, добавляет следующее:

«Так вот, сразу же скажем и о том, за какие дела, за какое поведение осмелился он притязать на епископский сан. Не за то ли, что с самого начала жил в Церкви, многократно боролся за нее, испытал за веру много великих опасностей? Отнюдь нет.

(14) Начало его вере положил сатана, который вошел в него и жил в нем достаточно долго. Помогли ему заклинатели, а когда он тяжко заболел, то его, считая почти умирающим, крестили – если можно сказать про такого человека, что он крещеный, – окропив водой на той же постели, где он лежал.

(15) Он выздоровел, но над ним не было совершено остальное, что требуется по церковным правилам: он не был запечатлен епископом. Не получив этого, могли он получить Духа Святого?» (16) Немного далее он продолжает: «Из трусости и жизнелюбия он во время гонения отрекся от того, что был священником. Диаконы просили и убеждали его выйти из комнаты, где он заперся, и помочь братьям, насколько священнику и полагается и возможно помочь в опасности братьям, но он решительно отвернулся от увещавших его диаконов и ушел в гневе, сказав, что он больше не хочет быть священником: он увлечен другой философией» (17) Немного дальше он добавляет следующее: «Итак, эта знаменитость покинула Церковь Божию, в которой он после того, как уверовал, был почтен священническим саном по милости епископа, через возложение рук введшего Новата в круг священников. Возражал весь клир и многие миряне, ибо крещенному по болезни окроплением в кровати, как был окрещен Новат, не дозволено быть членом клира, но епископ просил разрешения рукоположить только его одного».

(18) И затем он описывает самое тяжкое из преступлений этого человека:

«Совершая приношение и уделяя каждому его частицу, он, подавая ее, заставлял несчастных людей вместо слов благодарности

клясться, держал обеими руками руки берущего и не отпускал их, пока тот не поклянется (пользуюсь его же словами): «клянусь Телом и Кровию Господа нашего Иисуса Христа, что никогда не покину тебя и не перейду к Корнилию».

(19) И несчастный человек приобщался не раньше, чем взяв на себя клятву, и вместо того, чтобы, взяв хлеб, произнести «Аминь», говорил: «Я не перейду к Корнилию».

(20) Между прочим, говорит он и следующее: «Знай, что он покинут и одинок, ибо братья ежедневно покидают его и возвращаются в Церковь. И Моисей, блаженный мученик, недавно произнесший у нас свое прекрасное, дивное исповедание, будучи еще в этом мире и видя его дерзость и безумие, отлучил его вместе с пятью пресвитерами, которые вместе с ним откололись от Церкви».

(21) И в конце письма он приводит список епископов, приходивших в Рим и осудивших глупость Новата; он называет их имена и округ, которым кто управлял; (22) упоминает тех, кого не было в Риме, но кто письменно подтвердил свое согласие с мнением вышеупомянутых, называет тут же и города, которыми они ведали и откуда писали. Вот о чем уведомил Корнилий Фабия, епископа Антиохийского.

ГЛАВА 44

(1) Дионисий Александрийский в Послании к этому самому Фабию, несколько склонявшемуся к расколу, рассуждая о многом и между прочим о покаянии, рассказывал о недавних подвигах александрийских мучеников и сообщил между прочим об удивительном происшествии, о котором необходимо сообщить в этом произведении:

(2) «Я предложу тебе один пример – то, что случилось у нас. Был у нас некий Серапион, один старик, верующий; долгое время жил он безупречно, но в испытании пал. Часто просил он о прощении, однако никто не обращал на него внимания, ибо он принес жертву. Заболев, он три дня подряд лежал без языка и без сознания.

(5) На четвертый день ему стало лучше, он подозвал внука и сказал: «До каких пор, дитя, будете вы меня держать? Поторопитесь, прошу, скорее дайте мне разрешение. Позови ко мне священника». Сказав это, он опять лишился языка.

(4) Мальчик побежал к священнику; дело было ночью; священник болел и не мог прийти. Но так как я распорядился давать умирающим отпущение грехов, если они его просят, особенно если они еще раньше умоляли о нем, – да умрут исполненные благой надежды, – он дал мальчику кусочек Агнца, велел размочить его и вложить старику в рот.

(5) Мальчик пошел обратно, неся Причастие, но еще не успел переступить порог, как Серапион опять заговорил: «Ты пришел, дитя? Священник не смог прийти, но ты быстро сделай, что тебе приказано, и отпусти меня». Мальчик размочил частицу и влил все в рот старику; тот проглотил и тут же скончался».

(6) Не ясно ли, что он был сохраняем и удерживаем на земле, пока не будет прощен? И так как грех его был стерт многими хорошими делами, то его и можно было считать христианином». Вот что рассказывает Дионисий.

ГЛАВА 45

(1) Посмотрим, как писал Дионисий Новату, взволновавшему тогда римское братство. Виновниками своего отступничества и раскола он считал некоторых братьев – они заставили его дойти до этого, – и Дионисий пишет ему так:

«Дионисий приветствует брата Новата. Если, как ты говоришь, тебя увели из Церкви против воли, то, добровольно вернувшись, ты докажешь это.

Следовало всё перетерпеть, только бы не раскалывать Церковь Божию: отказ от раскола был бы не менее славен, чем отказ от идолослужения, а, по-моему, еще более. В том случае ты борешься только за свою душу, а здесь – за всю Церковь. И если сейчас ты силой или убеждением вернешь братьев к единодушию, это дело загладит твою ошибку целиком: ее не зачтут, а дело твое прославят. Если же ты не сможешь сладить с непокорными, спасая их, – спаси свою душу. Будь здоров и пребывай в мире с Господом, о чем и молюсь».

ГЛАВА 46

(1) Так писал он Новату. Написал он еще Послание к египтянам «О раскаянии»; в нем он излагает свои мысли о падших, определяя разные степени виновности.

(2) Есть еще Послание к Конону, епископу Гермопольской Церкви, целиком о покаянии, а также увещательное, к своей александрийской пастве. Среди его писем находятся: письмо «О мученичестве» к Оригену и к братьям лаодикийским, предстоятелем которых был епископ Филимидр, а также о покаянии к братьям в Армении, где епископом был Меружан.

(3) Кроме того, писал он и в Рим Корнилию, когда получил от него письмо о Новате; в Послании он сообщает, что был приглашен Еленом, епископом Тарса Киликийского, и другими епископами, с ним бывшими: Фирмилианом Каппадокийским и Феоктистом Палестинским для встречи с ними в Антиохии, где некоторые старались укрепить раскол Новата.

(4) Кроме того, он пишет, что, как ему сообщили, Фабий скончался, а преемником его в Антиохии поставлен Димитриан. Пишет и об Иерусалимском епископе слово в слово так: «Блаженный Александр блаженно почил, находясь в темнице».

(5) Есть и еще Послание Дионисия к римлянам «О должности диакона», отправленное через Ипполита. К ним же написал он и другое Послание о мире, кажется, такое же о покаянии и еще другое к тамошним исповедникам, еще державшимся мыслей Новата. К ним же, по возвращении их в Церковь, направил он два письма. Переписывался он со многими и оставил людям, и поныне ценящим его слова, много разнообразных и полезных сведении.

КНИГА СЕДЬМАЯ

ГЛАВА 1

Деций царствовал неполных два года. Сразу же, как только его вместе с сыновьями прирезали, ему наследовал Галл. Ориген скончался тогда же, не дожив до семидесяти лет одного года. Дионисий в своем письме к Ермаммону так говорит о Галле:

«Галл, не поняв Дециевой вины и заранее не подумав над тем, что его погубило, споткнулся о тот же самый камень, лежавший перед глазами.

Царствование его было благополучно, все шло по его желанию, но он изгнал святых мужей, предстателей пред Богом о его мире и здравии.

Вместе с ними изгнал он и молитвы о себе самом».

Вот что касается Галла.

ГЛАВА 2

В Риме преемником Корнилия, почти закончившего третий год своего епископства, стал Луций, несший свое служение неполных восемь месяцев; умирая, он передал его Стефану. Ему Дионисий написал свое первое письмо о крещении; в то время поднят был немаловажный вопрос: следует ли люден, возвращающихся из любой ереси в Церковь, очищать «банею водной»? По обычаю, издревле сильному, на таких людей только возлагали с молитвою руки.

ГЛАВА 3

Киприан, пастырь Карфагенской епархии, первый из людей того времени решил, что следует принимать не иначе, как очистив сначала от заблуждений «банею водной». Стефан же, считавший, что не следует вводить ничего нового, нарушающего обычаи, издревле укрепившийся, пришел в негодование.

ГЛАВА 4

Дионисий многократно писал ему по этому поводу и, наконец, сообщил, что гонение утихло и Церкви, повсюду отвратившиеся от Новатовых новшеств, обрели мир между собой. Пишет он так:

ГЛАВА 5

(1) «Знай же теперь, брат, что все восточные и даже более дальние Церкви, раньше разделенные, теперь объединились; предстоятели их все и повсюду единодушно и несказанно радуются неожиданно наступившему миру:

Димитриан – в Антиохии, Феоктист – в Кесарии, Мазабан – в Элии, Марин – в Тире (Александр скончался); Илиодор, ставший епископом в Лаодикии после кончины Филимидра. Елен – в Тарсе, все Церкви в Киликии, Фирмилиан и вся Каппадокия. Я назвал из епископов только наиболее известных, чтобы письмо не вышло слишком длинным и скучным.

(2) Обе Сирии целиком и Аравия, которым вы во всех случаях приходили на помощь, Месопотамия, Понт, Вифиния – одним словом, все и повсюду славят Бога, радуясь единодушию и братской любви».

(3) Так пишет Дионисий.

Преемником Стефана, несшего свое служение два года, стал Ксист. Ему Дионисий наткал второе письмо о крещении, изложив в нем мнения и решения Стефана и остальных епископов. О Стефане он говорит вот что.

(4) «Он писал и раньше относительно Елена, Фирмилиана и всех епископов Киликии, Каппадокии и уж конечно Галатии и всех сопредельных областей, что он не будет с ними в общении по той же самой причине, ибо, по его словам, они перекрещивают еретиков.

(5) Посмотри, как важно это дело. На очень больших епископских соборах, как мне известно, действительно принято было постановление: всех бывших еретиков сначала оглашать, а затем омывать и очищать от грязи старой нечистой закваски».

(6) Затем он говорит:

«Возлюбленным нашим сопресвитерам, Дионисию и Филимону, которые раньше были согласны со Стефаном и писали мне по этому поводу, я ответил сначала вкратце, а теперь обстоятельно».

Вот относительно данного вопроса.

ГЛАВА 6

В том же письме он пишет о еретиках, последователях Савеллия; они в его время приобретали влияние. Вот что он говорит:

«Об учении, ныне появившемся в Птолемаиде в Пентаполе, нечестивом, исполненном хулы на Бога Отца Вседержителя и Господа нашего Иисуса Христа, совершенного неверия в Единородного Сына Божия, рожденного прежде всей твари, Слова воплотившегося и непонимания Духа Святого, у меня есть сведения, идущие с двух сторон: официальные документы и беседы с братьями. Я написал о нем, как мог, с Божией помощью, учительное послание, копию с которого послал тебе».

ГЛАВА 7

(1) В третьем письме о крещении, которое этот же Дионисий писал Филимону, пресвитеру в Риме, он сообщил следующее:

«Я познакомился с сочинениями еретиков и преданиями их; какое-то краткое время осквернял свою душу их мерзостнейшими мыслями, но пользу получил: почувствовал к ним еще большее отвращение и опроверг их собственным своим умом.

(2) Один из братьев-пресвитеров удерживал меня: он боялся, что, валяясь в их мерзостной трясине, я оскверню свою душу. Был он, как я понимал, прав; но меня укрепило посланное от Бога видение; (3) слово, обращенное ко мне, отчетливо повелевало:

«Читай всё, что попадется тебе в руки: ты в состоянии всё обсудить и выправить – в этом и причина, почему ты сразу же обратился к вере». Я принял это видение, как согласное с апостольским словом, обращенным к людям более сильным: «Будьте менялами рассудительными».

(4) Рассуждая затем вообще о всех ересях, он добавляет:

«Это правило и этот образец я получил от блаженного папы нашего Иракла:

он изгонял из Церкви бывших еретиков, от Церкви отделившихся, а еще более тех людей, которые от нее не отделялись, были, казалось, с ней вместе, но были уличены в посещении лжеучителей. Он не принимал их обратно, несмотря на их просьбы, пока они всенародно не излагали всего, что слышали от противников Церкви. Тогда он принимал их в общение и не требовал, чтобы они вторично крестились, ибо раньше они получили от него святое Таинство».

(5) Затем, после длительного рассуждения об этом предмете, он заключает:

«Это вот я знаю: не сейчас и не только в Африке ввели этот обычай, но уже давно, при епископах, наших предшественниках, в самых многолюдных Церквах и на Соборах братьев в Иконии и Синнаде, и по другим местам было так поставлено. Я не осмеливаюсь извращать их постановления и ввергать их в споры и состязания: «Не нарушай меж ближнего твоего, установленных твоими отцами».

(6) Четвертое из его писем о крещении было написано в Рим Дионисию, удостоенному тогда священства и вскоре получившему епископский надзор над тамошними христианами. Это письмо свидетельствует, что Дионисий Александрийский говорил о нем как о человеке разумном и удивительном.

Между прочим, он вспоминает о Новате и пишет ему о нем так:

ГЛАВА 8

«У нас есть основание ненавидеть Новатиана: он расколол Церковь и увлек некоторых братьев в нечестие и богохульство, ввел нечестивейшее учение, клеветнически объявив безжалостным милосерднейшего Господа нашего Иисуса Христа. А кроме того, он отверг святое Крещение; отбросил предшествующее ему, с верой произносимое исповедание и из признавших его полностью изгонял Духа Святого, если и была какая надежда на то, что Он пребывает в них или к ним вернется».

ГЛАВА 9

(1) И пятое письмо было написано им Римскому епископу Ксисту; он много говорит в нем против еретиков и рассказывает о таком случае, при нем бывшем:

«Я, брат, действительно нуждаюсь в совете и спрашиваю твоего мнения.

Такое тут произошло, что я боюсь, как бы мне не ошибиться.

(2) В обществе братьев был человек, которого считали давним христианином; он был среди братьев до моего посвящения и, думаю, даже до поставления блаженного Иракла. Как-то он оказался рядом с готовыми креститься, выслушал вопросы им и ответы их, подошел ко мне, рыдая и оплакивая себя, упал мне в ноги и клятвенно объявил, что крещение, принятое им от еретиков, совсем иное, что с настоящим Крещением оно не имеет ничего общего, ибо исполнено нечестия и хулы.

(3) Он говорил, что вся душа его проникнута скорбью, что он не смеет поднять глаза к Богу, ибо начал он с кощунственных слов и обрядов; поэтому он просил очистить его очищением самым чистым, принять его и приобщить к благодати.

(4) Я не отважился на это, сказав ему, что многолетнего общения с Церковью для этого достаточно: он присутствовал при Евхаристии, вместе со всеми произносил «Аминь», подходил к престолу, протягивал руки для принятия Святого Хлеба, получал его, в течение долгого времени приобщался Тела и Крови Господа нашего. Я не дерзаю начинать сначала. Я велел ему ободриться, с твердой верой и доброй надеждой приступать к Святыне.

(5) Он плакал, не переставая, весь дрожа, подходил к престолу и, несмотря на приглашение, с трудом присутствовал на службе».

(6) Кроме вышеназванных, есть, говорят, у него еще письмо о крещении, написанное от имени управляемой им епархии Ксисту и Римской Церкви. В нем он длительно обсуждает данный вопрос, приводя подробные доказательства. Есть, говорят, еще письмо о Лукиане к Дионисию в Рим.

Об этих письмах достаточно.

ГЛАВА 10

(1) Галл и его окружение исчезли, не удержавшись у власти и двух полных лет. Власть принял Валериан вместе с сыном Галлиеном.

(2) Что об этом рассказывает Дионисий, можно узнать из его письма к Ермаммону. Пишет он так:

«Сходное было открыто Иоанну: «И даны были ему уста, говорящие высокомерно и кощунственно, и дана была ему власть на сорок два месяца».

(3) Удивительны два облика Валериана, особенно если подумать, как всё шло сначала, как он был кроток и расположен к людям Божиим. Так милостив и благожелателен к нам не был никто из императоров; даже те, о ком говорили, что они открыто стали христианами, не принимали нас с таким явным дружелюбием и любовью, как он в начале царствования. Весь дом его был полон благочестивых людей; это была Церковь Божия.

(4) Но его учитель, глава египетских магов, постепенно убедил его избавиться от них. Он посоветовал ему казнить чистых и благочестивых мужей и гнать, как врагов, тех, кто был помехой для его мерзких, отвратительных заклинаний (есть ведь и были люди, которые могли одним своим присутствием и взглядом, даже только вздохом и звуком своего голоса разрушать все козни демонов-губителей). Он предложил ему совершать нечистые посвящения, преступные колдовские обряды, богослужения, неугодные Богу, убедил губить несчастных детей, приносить в жертву младенцев несчастных родителей, рассматривать внутренности новорожденных, разрубать и разрывать создания Божий, будто бы ради собственного счастья».

(5) Затем он добавляет:

«Макриан в надежде на царскую власть поднес (демонам) щедрые дары.

Раньше он именовался ведающим императорской казной, но не было у него ни ведения, ни мысли об общем. Он подпал пророческому проклятию: «Горе пророчествующим от сердца своего и не видящим общего блага».

(6) Он не имел понятия о Промысле, заботящемся обо всех, не убоялся суда Того, Кто прежде всего, во всем и над всем. Потому и стал он врагом всеобщей Церкви, отчужденным от Божиего милосердия; он отогнал от себя как можно дальше собственное спасение, оправдывая таким образом свое имя».

(7) Дальше, между прочим, он говорит:

«Валериан, доведенный до такого этим человеком, стал в надменности своей издеваться над людьми; как говорит Исаия, «они выбрали для себя мерзостные пути, которых желала душа их, и Я выберу на них поругания и воздам им за грехи их».

(8) Макриан сильно желал царской власти, хотя был вовсе ее не достоин; он не мог облечься в царское убранство, будучи калекой, и выдвигал двух своих сыновей, перенявших отцовские грехи на себя. Явно сбылось на них предсказание Божие: «Взыщу грехи отцов с детей до третьего и четвертого поколения у ненавидящих Меня».

(9) Собственные злые и неосуществленные желания свои он переложил на головы своих сыновей и в них запечатлел свою порочность и ненависть к Богу».

Вот что писал Дионисий о Валериане.

ГЛАВА 11

(1) О том, что он вместе с другими претерпел за свою веру в Творца Вседержителя во время гонения, бушевавшего при этом императоре, рассказывает он, обращаясь к Герману, одному из епископов-современников, пытавшемуся его обесславить, в таких словах:

(2) «Я боюсь действительно впасть в совершенное безумие и глупость, будучи вынужден рассказывать о дивном о нас смотрении Божием. Но так как «хорошо хранить тайну цареву и славно раскрывать дела Божий», то уступлю насилию Германа.

(3) Я пришел к Эмилиану не один; меня сопровождали мой сопресвитер Максим и диаконы Фавст, Евсевий, Херимон; пришел с нами и один из римских братьев, тут находившихся (4) Эмилиан не обратился ко мне с предварительным «Не устраивай собраний», счел это лишним и устремился сразу к конечной, главной цели.

Речь у него шла не о том, чтобы не устраивать собраний, а о том, чтобы нам самим не быть христианами. Он приказывал перестать быть ими и полагал, что если я передумаю, то и другие последуют за мной.

(5) Я ответил коротко и по существу: «Следует повиноваться Богу больше, чем людям» и прямо перед ним засвидетельствовал: «Чту Единого Сущего Бога и никого другого, не изменю своих мыслей и не перестану быть христианином». После этого он приказал нам отправляться в какую-то деревню поблизости от пустыни, именуемую Кефро.

(6) Выслушайте, однако, слова того и другого, как они были записаны:

«Когда были приведены Дионисий, Фавст, Максим, Маркелл и Херимон, Эмилиан, исполняющий должность правителя, сказал: «Я разговаривал с вами устно о человеколюбии властелинов наших по отношению к вам; (7) они дают вам возможность спастись: обратитесь к тому, что согласно с природой, и почтите богов, сохраняющих царство их; забудьте богов, противных природе. Что вы скажете на это? Я жду, что вы не ответите неблагодарностью на их человеколюбие: ведь они обращают вас к лучшему».

(8) Дионисий ответил: «Не всех богов чтут все: каждый чтит того, кого признаёт богом. Мы чтим Единого Бога, Творца всего, вручившего царство боголюбезнейшим августам Валериану и Галлиену, Ему поклоняемся и постоянно молимся, да пребывает их царство безмятежным».

(9) Эмилиан, исполняющий должность правителя, сказал им: «Кто же мешает вам чтить и Его, если это Бог, вместе с богами естественными? Вам приказано чтить богов, и именно тех, которых все знают». Дионисий ответил:

«Мы никого другого не чтим».

(10) Эмилиан, исполняющий должность правителя, сказал им: «Я нижу, что вы неблагодарны и бесчувственны к милости наших августов. Поэтому вы не останетесь в этом городе, а будете высланы в Ливийские области, в место, именуемое Кефро: это место я выбрал по приказу наших августов. Никоим образом не будет разрешено ни вам, ни другим устраивать собрания и входить в так называемые «места упокоения».

(11) Если кого-либо не окажется в том месте, какое я ему назначил, или его застигнут в каком-либо собрании, то он сам навлечет на себя беду в надлежащем надзоре недостатка не будет. Ступайте, куда вам нелепо». Я чувствовал себя больным, но он не давал перевести духа и не позволил задержаться ни надень. Какой же у меня мог быть досуг созывать собрания?» Между прочим, говорит он следующее:

(12) «По милости Божией участвовал я и в собрании явном. С великим рвением объединил я находившихся в городе, словно лично был с ними:

«отсутствуя телом, присутствовал духом». В Кефро вокруг нас собралась большая Церковь: были тут братья, последовавшие за нами из города, были пришедшие из Египта.

(13) И там «Господь отверз нам дверь слова». Сначала нас гнали и бросали в нас камнями, но затем немало язычников оставили идолов и обратились к Богу. Тогда впервые посеяно было там слово: раньше они его не слыхали.

(14) И словно только для этого к ним и привел нас Господь: когда мы исполнили это служение. Господь опять вывел нас. Эмилиан пожелал переправить нас, по-видимому, в места более суровые, в

самые отдаленные в Ливии: он велел сойтись отовсюду в Мареотиду, каждому определил здесь деревню, а нас поместил при дороге, чтобы схватить нас первыми. Он явно все устроил и подготовил так, чтобы, когда ему захочется, он легко мог бы всех забрать.

(15) Когда я получил приказ отправиться в Кефро, я даже не знал, где может находиться это место, и вряд ли раньше слышал его название, но все-таки пошел спокойно и безбоязненно; когда же мне объявили приказ перебираться в пределы Коллуфия, те, кто были со мной, знают, в каком состоянии я находился (тут я сам буду себе обвинителем).

(16) Поначалу я был расстроен и очень раздражен: и знакомыми, и привычными стали нам эти места; в той же области, говорили, нет ни братьев, ни порядочных людей, докучают путешественники, нападают разбойники.

(17) Нашлось, однако, и чем утешиться; братья напомнили мне, что оттуда ближе к городу. В Кефро у нас были частые сношения с братьями из Египта, так что мы могли устраивать собрания более широкие, а оттуда близок город, и я буду еще радоваться, видя воистину любимых, близких и дорогих людей.

Они будут приходить и останавливаться у меня, и у нас будут частичные собрания, как в пригородных местах. Так и сталось».

(18) Между прочим, он пишет, что случилось: «Герман хвалится многократными исповеданиями и много рассказывает о своих бедствиях. А может ли он перечислить, сколько раз нас вызывали в суд, забирали в казну наше имение, объявляли вне закона, продавали с аукциона имущество, лишали почетных званий? Может ли рассказать о нашем пренебрежении к мирской славе, презрении к похвалам и порицаниям от властителей и сенаторов, о стойком терпении, с каким мы переносим угрозы, враждебные крики, опасности, гонения, скитания, скорбь, всяческие утеснения, вроде тех, которые выпали на мою долю при Деции и Сабине и продолжаются доныне при Эмилиане?

(19) Где находился тогда Герман? Что говорили о нем? Я по вине Германа попал в положение глупейшее, почему и отказываюсь в подробностях рассказывать о том, что было: братья об этом знают».

(20) Он же в письме к Дометию и Дидиму опять вспоминает о случившемся гонении:

«Наших – их много, и вам они неизвестны – незачем перечислять по именам.

Знайте только, что мужчины и женщины, юноши и старцы, девушки и старицы, воины и чины гражданские – люди всех сословий и всех возрастов победили в борьбе с бичами, огнем и железом и получили венец.

(21) Некоторым же и очень долгого времени мало, чтобы явиться угодными Господу. Так, по-видимому, доныне обстоит дело и со мной, почему и дал Он мне отсрочку до удобного часа, Ему ведомого: «Я выслушал тебя в час благоприятный и в день спасения помог тебе».

(22) Так как вы спрашиваете и желаете, чтобы мы рассказали, как мы живем, то вы, по крайней мере, слышали, как нас – меня, Гаия, Фавста, Петра и Павла – в оковах вели центурион, офицеры и бывшие с нами воины и слуги, как подошли какие-то люди из Мареотиды и против нашей воли (мы не хотели идти с ними), силон повлекли нас – похитили.

(23) А сейчас мы одни; я, Гаий и Петр вдали от братьев заключены в пустынном и мрачном месте Ливии, отстоящем от Паретония на три дня пути».

(24) Ниже он говорит:

«В городе притаились пресвитеры, тайно посещающие братьев: Максим, Диоскор, Димитрий и Луций. Фавстин и Акила, более известные в мире, скитаются по Египту. Скончавшихся от болезни пережили диаконы Фавст, Евсевий, Херимон. Евсевию Господь с самого начала послал сил и приготовил его мужественно служить исповедникам, находящимся в темнице, и погребать – с опасностью для себя – тела совершенных и блаженных мучеников.

(25) До сих пор ведь правитель не перестает, как я уже сказал, обрекать приводимых к нему на жестокую смерть: одних терзают пытками, другие угасают в оковах и темницах. Приказано никому их не навещать, и он внимательно следит, не появится ли кто. И все же Господь посылает передышку страдальцам через братьев, которые настойчивы и усердны».

(26) Так пишет Дионисий. Следует заметить, что Евсевий, которого он называет диаконом, стал в скором времени епископом в Лаодикии Сирийской; Максим, о котором он говорит, что он был тогда пресвитером, стал преемником Дионисия в служении

александрийским братьям; Фавст, вместе с ним тогда прославленный своим исповеданием, уцелел до нынешнего гонения; глубокий старец, насытившийся днями, он в наше время кончил жизнь мученичеством: ему отрубили голову. Вот что в те времена случилось с Дионисием.

ГЛАВА 12

В это Валерианово гонение три человека в Кесарии Палестинской прославились исповеданием Христа и украсились божественным мученичеством – стали пищей зверям: одного из них звали Приск, другого – Малх, имя третьего было Александр. Они, говорят, жили в деревне и сначала сами обвиняли себя в нерадении и лени: сейчас как раз время, когда раздаются награды тем, кто пламенеет небесной любовью, а они пренебрегают ими и не стремятся восхищать венец мученический. Обсудив всё таким образом, они отправились в Кесарию, вместе пошли к судье и приняли вышеупомянутую кончину. Кроме них, в это же гонение и в том же городе какая-то женщина, рассказывают, вступила в ту же борьбу. Ходит молва, что она принадлежала к ереси Маркиона.

ГЛАВА 13

В скором времени Валериан был обращен в рабство варварами; сын его, став единственным правителем, пользовался властью благоразумнее: он тотчас же своими указаниями прекратил гонение и велел предстоятелям веры свободно исполнять привычные обязанности. Рескрипт его составлен так:

«Самодержец, кесарь Публий Лициний Галлиен, благочестивый, счастливый, август – Дионисию, Пинне, Димитрию и прочим епископам. Я приказал распространить на весь мир щедроты моих благодеяний: да удалятся все из ваших богослужебных мест, дабы смогли вы поступать согласно моему рескрипту, не будучи ни от кого докучаемы. Все это в меру возможного может быть вами совершаемо, и давно уже дано на это мое согласие. Поэтому Аврелий Кириний, верховный прокуратор, заставит соблюдать мое распоряжение».

Да будет оно помещено здесь для большей ясности в переводе с латинского языка. Передают и другое распоряжение этого императора, обращенное к прочим епископам и разрешающее получить обратно так называемые «места упокоения».

ГЛАВА 14

В это время Римской Церковью управлял еще Ксист; Антиохийской, после Фабия, – Димитриан, в Кесарии Каппадокийской правил Фирмилиан, в Церквах Понтийских – Григорий и его брат Афинодор, ученики Оригена. В Кесарии Палестинской по кончине Феоктиста получил епископство Домн; по его смерти, вскоре последовавшей, преемником его стал Феотекн, наш современник; он тоже был из Училища Оригена. В Иерусалиме по упокоении Мазабана епископскую кафедру получил Именей славный в течение многих лет, наш современник.

ГЛАВА 15

(1) Во времена этих епископов, когда повсюду для Церквей наступил мир, в Кесарии Палестинской за свидетельство о Христе обезглавлен был Марин; он принадлежал к военной знати, был родовит и богат, а казнен вот по какой причине.

(2) У римлян знаком отличия считается виноградная лозе, и получившие ее, говорят, становятся центурионами. Одно место центуриона было свободно, и в порядке продвижения по служебной лестнице Марина назначили на это место.

Он уже собирался принять этот знак отличия, когда в суд пришел какой-то человек и заявил, что, по старым законам, Марин не может быть удостоен этого звания: он христианин и не приносит жертв императорам. Место центуриона принадлежит ему, обвинителю.

(3) Судья (им был Ахей), взволнованный происшедшим, сначала спросил Марина, какой он веры; увидев, что тот тверд в своем исповедании, дал ему на размышление три часа.

(4) Когда Марин вышел из суда, Феотекн, тамошний епископ, подошел к нему и увлек беседой; взяв за руку, ввел в церковь и поставил рядом с собой у алтаря; откинув полу его плаща, указал на висевший сбоку меч, одновременно подал ему Божественное Евангелие и предложил выбрать, что ему по душе.

Марин, не задумываясь, протянул правую руку и взял Божественное Писание.

«Держись, держись Бога, – воскликнул Феотекн, – получи то, что выбрал и, укрепляемый Им, иди с миром».

(5) Когда Марин вышел из церкви, глашатай уже громко вызывал его на суд, ибо окончился назначенный срок. Представ перед судьей, он явил еще большее усердие к вере; его тут же повели, в чем он был, на смерть и казнили.

ГЛАВА 16

Держится там память и об Астирии: вспоминают его дерзновенность, угодную Богу. Римский сенатор, любимец императоров, известный всем знатностью и богатством, он однажды присутствовал при кончине мученика.

Он взвалил тело на спину (а был в сверкающей дорогой одежде), облек его в дорогой покров и похоронил в соответствующей гробнице. Много рассказывают о нем люди, его помнящие и дожившие до нашего времени; рассказывают между прочим, и о таком чуде.

ГЛАВА 17

Около Кесарии Филипповой, которую финикияне называют Панеадой, показывают у подошвы горы Панейон источники, откуда берет начало Иордан; в эти воды в какой-то праздник бросают жертвенное животное, а демон силой своей делает его невидимым. Присутствующие провозглашают это удивительным чудом. Как-то Астирии оказался свидетелем всего происходящего; видя, как потрясена вся толпа, он сжалился над их заблуждением: возведя глаза к небу, он стал через Христа умолять Всевышнего изобличить демона-обольстителя и прекратить этот обман.

Говорят, что, пока он молился, жертва всплыла наверх; чудо исчезло, и ничего диковинного в этом месте больше не происходило.

ГЛАВА 18

(1) Так как я вспомнил об этом городе, то считаю неправильным пропустить рассказ, который стоит помнить и нашим потомкам. Говорили, что кровоточивая, о которой мы из Святого Евангелия знаем, что она нашла исцеление от своей болезни у Спасителя, была оттуда родом; в городе показывают ее дом; доселе есть дивный памятник благодеяния, оказанного ей Спасителем.

(2) На высоком камне у дверей ее дома высится бронзовая женская статуя.

Коленопреклоненная женщина протягивает руки вперед, как умоляющая; напротив нее – отлитая из того же материала фигура стоящего мужчины, красиво окутанного плащом и протягивающего руку женщине. У ног его, на самом пьедестале, растет какая-то неизвестная трава, доходящая до подола бронзового плаща: это – целебное лекарство от всех болезней.

(3) Эта статуя, говорили, изображает Иисуса; она уцелела до сих пор; я, будучи в этом городе, видел ее собственными глазами.

(4) Нет ничего удивительного в том, что в старину язычники, облагодетельствованные Спасителем нашим, это делали. Я ведь рассказывал, что сохранились изображения Павла, Петра и Самого Христа, написанные красками на досках. Естественно, что древние привыкли, особенно не задумываясь, по языческому обычаю, чтить таким образом своих спасителей.

ГЛАВА 19

Кресло Иакова, первым принявшего от Спасителя и апостолов епископство в Иерусалимской Церкви и неизменно называемого в Священном Писании братом Господним, сохранилось до сих пор. Тамошние братья от поколения к поколению оберегают его, воочию показывая всем, какое почтение к святым мужам за их боголюбие хранят наши современники.

ГЛАВА 20

Дионисий, кроме указанных писем, составил тогда еще так называемые «пасхальные», до нас сохранившиеся; в возвышенных словах говорит он о празднике Пасхи. Одно из них послал он Флавию, другое – Дометию и Дидиму, в котором устанавливает правило на восемь лет и говорит, что Пасху следует праздновать не иначе, как после весеннего равноденствия. Кроме того, написал он еще письмо своим сопресвитерам в Александрии, а также письма разным лицам еще во время гонения.

ГЛАВА 21

(1) Мирные времена еще не наступили, когда он вернулся в Александрию, которая опять была во власти воины и восстания; управлять всей своей городской паствой он не мог, потому что она разделилась на две партии. И вот, в самый праздник Пасхи он, находясь в самой Александрии, будто из-за границы, общается с александрийца ми письменно.

(2) Затем он написал Иераксу, епископу египтян, другое пасхальное письмо, в котором так рассказывает о восстании александрийцев, при нем происходившем:

«Что удивительного в том, что мне трудно общаться письменно с людьми, далеко живущими, когда стало невозможно побеседовать с самим собой и посоветоваться с собственной душой?

(3) Мне нужно исписывать бумагу для собственной утробы, для братьев, вместе живущих и со мной единодушных, для членов одной и той же Церкви. И пересылать эти письма, пожалуй, невозможно. Легче не только перебраться через границу, но легче пройти через всю землю от востока до запада, чем прийти из Александрии в Александрию.

(4) Обширной и бездорожной была пустыня, по которой странствовали два поколения Израиля, но средняя улица города беспредельнее и непроходимее.

Морс перед израильтянами расступилось и встало стенами, образовав проезд для колесниц, а египтян поглотило; подобием его стали тихие, невозмутимые гавани, часто напоминающие Красное море от убийств, там происходящих.

(5) Река, пересекающая город, иногда кажется суше безводной, пересохшей пустыни, в которой странствующий Израиль так измучился жаждой, что Моисей воззвал к Богу, и Он, Единый творящий чудеса, послал им из крутой скалы потоки водные.

(6) Иногда же эта река так полноводна, что заливает все окрестности, дороги и поля и грозит потопом, бывшим при Ное. Она течет всегда оскверненная кровью убитых и смертью утопленных – так Моисей превратил воду для фараона в зловонную кровь.

(7) Какая же найдется вода, чтобы очистить воду, которой очищается всё?

Сможет ли огромный, неизмеримый для людей океан покрыть своим приливом это горькое море и затем осушить его? Могла ли великая река, вытекающая из Эдема и своими четырьмя рукавами впадающая в единый поток Гиона, смыть эту скверну? Станет ли чистым воздух, загрязненный дурными испарениями, поднимающимися отовсюду? Пар от земли, ветры с моря, воздух от рек, туман над гаванями – все дышит зловонием, словно роса – это сукровица от трупов, разлагающихся на составные части.

(9) И еще удивляются и недоумевают, откуда непрекращающаяся зараза, откуда тяжкие болезни, откуда самые разнообразные уродства, откуда эта многообразная и высокая смертность! Почему в огромном городе раньше было больше так называемых «зеленых стариков», которых он кормил, чем сейчас всего населения, начиная от маленьких детей и до глубоких старцев? Людей от сорока до семидесяти лет было так много, что с их числом не может сравняться число людей от четырнадцати до восемнадцати лет, занесенных в особые списки и живущих на государственном довольствии. Юные с виду кажутся давно состарившимися.

(10) Никто не трепещет, видя, как человеческий род на земле уменьшается и слабеет, как все ближе и ближе полное его исчезновение».

ГЛАВА 22

(1) Войну сменила чума, а так как приближалась Пасха, то Дионисий опять письменно беседует с братьями и так говорит о страданиях от этого бедствия:

(2) «Другим людям нынешнее время не покажется подходящим для праздника, и не будет оно подходить ни для этого нашего праздника, ни для какого другого – и не только для людей в печали, но и для тех, кто, казалось бы, преисполнен ликования. Сейчас всюду похоронный плач, все горюют; город оглашают вопли по умершим и каждодневно умирающим.

(3) Как написано было о первенцах египтян, так и теперь: «и поднялся вопль великий, ибо нет дома, где не было бы мертвеца» – хорошо, если не больше одного. А до этой беды случилось много страшного.

(4) Сначала нас изгнали, но мы, одинокие, всеми преследуемые, всегда под угрозой смерти, и тогда справляли этот праздник. Место, где кто-то пострадал:

деревня, пустыня, корабль, гостиница, тюрьма, – становилось для нас обителью праздника; самым сияющим был он для скончавшихся мучеников, участников пира небесного.

(5) Затем пришли война и голод; мы переносили их вместе с язычниками, но еще и терпели их издевательства и не оставались безучастны к их поведению друг с другом и к их страданиям; мы радовались миру Христову, который Он дал нам одним.

(6) После короткой передышки обрушилась на нас эта болезнь – для них самое страшное из всего страшного, из всех бед самая жестокая и, как говорит их собственный писатель, событие исключительное, какого никто не мог ожидать. Для нас оно таким не было; как и в других случаях, Господь нас испытывал и закалял. Болезнь не обходила и нас, но поражала больше язычников».

(7) Дальше он говорит так:

«Весьма многие из наших братьев по преизбытку милосердия и по братолюбию, не жалея себя, поддерживали друг друга, безбоязненно навещали больных, безотказно служили им, ухаживая за

ними ради Христа, радостно умирали вместе; исполняясь чужого страдания, заражались от ближних и охотно брали на себя их страдания. Многие, ухаживая за больными и укрепляя других, скончались сами, приняв смерть вместо них. Народная поговорка, бывшая, казалось, только выражением благожелательности, осуществлена ими на деле: они были действительно людьми, уходившими из жизни, будто они сор перед другими.

(8) Так уходили из жизни лучшие из братьев: священники, диаконы, миряне; их осыпали похвалами, ибо такая смерть, возможная только по великому благочестию и крепкой вере, считалась равной мученичеству.

(9) Они принимали тела святых на распростертые руки и прижимали их к груди, отерев глаза и закрыв рот, несли на своих плечах и не могли от них оторваться, обнимая; омыв, заворачивали в красивые покровы, а вскоре им уделяли те же заботы: оставшиеся в живых всегда следовали за теми, кто скончался до них.

(10) Язычники вели себя совсем по-другому: заболевавших выгоняли из дома, бросали самых близких, выкидывали на улицу полумертвых, оставляли трупы без погребения – боялись смерти, отклонить которую при всех ухищрениях было не легко».

(11) После этого письма, когда в городе все успокоилось, он еще написал пасхальное письмо братьям в Египте и писал еще и после. Говорят, что у него есть письма «О субботе» и «Об упражнении».

(12) Письменно общаясь с Ермаммоном и египетскими братьями, он много рассказывает о злобности Деция и его преемников, вспоминает и о мире при Галлиене.

ГЛАВА 23

(1) Лучше всего послушать следующие слова его:

«Этот человек, предав одного из своих императоров и пойдя войной на другого, скоро был в корне истреблен вместе со всем своим родом. Галлиен всеми был принят и провозглашен императором, будучи одновременно и старым, и новым императором; он был прежде их и остался после них, (2) по реченному пророком Исаией: «Вот пришло то, что было в начале и теперь кажется новым». Как облако, набежав на солнечные лучи, закрывает на короткое время солнце и занимает его место, затем уходит и рассеивается, и вновь появляется солнце, еще раньше взошедшее, так и Макриана, выдвинувшегося вперед и протянувшего руку к императорской власти Галлиена, больше нет, ибо он был ничто; Галлиен же есть то, чем он и был.

(3) Царство, словно отряхнув старость и очистившись от прежнего зла, цветет в полной силе, издали видное и слышное, проникающее всюду».

(4) Дальше он определяет время, когда он это написал: «Мне опять пришло в голову пересмотреть дни царствований. Я вижу, что самые нечестивые императоры, как бы ни были они прославлены, скоро становились бесславны; этот же благочестивый, любящий Бога, император пережил свое семилетие; сейчас кончается девятый год, в который будем мы справлять праздник».

ГЛАВА 24

(1) Кроме всего этого, Дионисий составил две книги «Об обетованиях», направленные против Непота, египетского епископа, который учил, что обетования святым в Священном Писании следует толковать скорее на иудейский лад, и утверждал, что на земле наступит для людей некое тысячелетие телесных наслаждений.

(2) Думая обосновать собственные мысли Откровением Иоанна, он напитал книгу «Обличение любителей аллегорий».

(3) Против нее и восстает Дионисий в своих книгах «Об обетованиях». В 1-й книге он излагает свое мнение об этом учении, а во 2-й рассуждает об Откровении Иоанна. Упомянув вначале о Непоте, он так пишет о нем:

(4) «Они[3] ссылаются на произведения Непота и очень настаивают на его, как будто неопровержимых, доказательствах того, что на земле будет Царство Христово, я же во многом другом принимаю Непота и люблю за его веру, трудолюбие, усердные занятия Писанием и составление многих духовных песней, и поныне доставляющих радость братьям. Я отношусь к этому человеку с большим уважением, тем более, что он уже скончался.

Дороже, однако, и почтеннее всего истина. Следует хвалить Непота и полностью соглашаться с ним, когда он прав, но следует и разбирать, и исправлять в его писаниях нездоровые мысли.

(5) Излагай он устно свое учение собеседнику – этого словесного общения было бы достаточно: вопросы и ответы убедили бы противника и заставили бы его согласиться. Написанное же произведение, по мнению некоторых, действует сильнее и убедительнее, и так как есть учителя, которые ни во что не ставят Закон и пророков, не думают следовать Евангелию, обесценивают апостольские Послания, а учение, изложенное в книге Непота, провозглашают великим и сокровенным таинством и нашим братьям, которые попроще, запрещают возноситься мыслью к великому – нечего думать ни о славном и воистину Божественном явлении Господа нашего, ни о нашем воскресении из мертвых, ни о соединении и нашем уподоблении Ему – и убеждают их рассчитывать в Царствии

Божием на мелкое, тленное, то следует нам поговорить с братом Непотом, как будто он тут, перед нами».

(6) Между прочим, он добавляет:

«Был я в Арсинойском округе. Там, как ты знаешь, учение это уже давно набрало силы: целые Церкви откололись и отпали. Я созвал священников, местных учителей деревенских братьев и в присутствии братьев, пожелавших прийти, предложил всенародно разобрать это произведение.

(7) Мне доставили книгу в расчете, что это – оружие и стена необоримая; я сидел с ними три дня подряд с восхода до заката и постарался вынести суждение об этом писании.

(8) Я не мог нарадоваться, видя в братьях чувство меры, любовь к истине, понятливость и разумность. Я по порядку спокойно задавал вопросы, недоумевал или соглашался, ничего не подчеркивая, всячески воздерживаясь от сварливой критики однажды принятого, хотя бы оно и казалось неверным; я не уклонялся от возражений, но старался, насколько возможно, овладеть предложенным материалом и стать тут хозяином; я не стыдился, по требованию разума, изменять свои мысли и соглашаться, но добросовестно, не притворяясь, в простоте сердца, устремленного к Богу, принимал указания и доводы Священного Писания.

(9) В конце концов глава и толкователь этого учения, по имени Коракион, перед всеми братьями во всеуслышание согласился со мною и засвидетельствовал мне, что впредь он не будет держаться этого учения, рассуждать и вспоминать о нем или учить ему, ибо он целиком побежден доводами противной стороны. Что касается остальных братьев, то они радовались этому собеседованию и общему миру и согласию».

ГЛАВА 25

(1) Дальше, непосредственно за этим, Дионисий говорит об Откровении Иоанна следующее:

«Были и до нас люди, совершенно отвергавшие эту книгу; пересматривая главу за главой, указывая на ее непонятность и бессвязность, они объявили ее подложной.

(2) Они говорят, что она не принадлежит Иоанну, что под густым слоем невежества тут нет никакого откровения, что автор этой книги не был не только апостолом, но вообще не принадлежал к святым и к членам Церкви и что в ней облагородить свои вымыслы именем, заслуживающим доверия, пожелал Коринф, основатель ереси, по его имени названной.

(3) Вот учение, им проповедуемое: Царство Христа будет земным, и там будет всё, к чему стремился и о чем мечтал он сам, человек очень чувственный, очень плотский: чрево и животные побуждения будут полностью удовлетворены едой, питьем, брачными союзами, а также тем, чем он рассчитывал это облагообразить, – празднествами и жертвоприношениями.

(4) Я не осмелился бы отвергнуть эту книгу: многие братья ею увлекаются; я считаю, что она превосходит мое разумение, и предполагаю, что каждый ее предмет заключает в себе таинственный и дивный смысл. Я его не понимаю, но думаю, что в этих словах заложен смысл более глубокий.

(5) Я не меряю его по собственному разумению и не сужу о нем, но, полагаясь больше на веру, думаю, что тут есть мысли, по своей высоте мне не доступные; я не отвергаю того, что не могу охватить своим умом, а удивляюсь тем больше, что этого не видел».

(6) Затем Дионисий, исследовав всё Откровение и указан, что невозможно понимать его в прямом смысле, говорит:

«Окончив свое, так сказать, пророчество, пророк объявляет блаженными тех, кто хранит это пророчество и помнит его самого: «Блажен, кто соблюдает пророческие слова этой книги; я, Иоанн, видел и слышал это».

(7) Что он зовется Иоанном и что книга эта написана Иоанном, я не спорю, как не спорю, что это человек святой и вдохновленный Богом, но мне трудно согласиться, что это апостол, сын Зеведеев и брат Иакова, написавший Евангелие от Иоанна и Соборное Послание.

(8) Меня приводят к этому заключению и весь характер изложения у обоих писателей, и выбор слов, и построение данной книги. Евангелист нигде – ни в Евангелии, ни в Послании – не пишет своего имени и ничем о себе не заявляет».

(9) Несколько ниже он говорит:

«Иоанн нигде не говорит о себе ни в первом лице, ни в третьем. Автор же Апокалипсиса сразу, в самом начале, выдвигает себя вперед: «Откровение Иисуса Христа, которое Он дал, чтобы показать рабам Своим вскоре. И Он показал, послав через ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Его и что он видел».

(10) Дальше он пишет письмо: «Иоанн семи Церквам в Асии: благодать и мир с вами». Евангелист же не поставил своего имени во главе Соборного Послания, но начал, избегая всего лишнего, прямо с Божественного откровения тайны: «О том, что было от начала, что мы слышали и видели очами своими». За такое откровение и Господь объявил блаженным Петра:

«Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой Небесный».

(11) Ни во Втором, ни в Третьем посланиях, которые считают Иоанновыми, хотя они и кратки, Иоанн не называет себя по имени, а пишет как о безымянном: «старец». Этот же счел недостаточным, однажды назвавшись, приняться за рассказ, а начал вновь: «Я, Иоанн, брат ваш, соучастник в скорби, и в царствии и в терпении Иисуса, был на острове Патмос за слово Божие и за свидетельство Иисуса» и под конец добавляет: «Блажен соблюдающий слова пророчества этой книги и я, Иоанн, видевший и слышавший это».

(12) Следует верить словам Иоанна, что написал это именно он. Но кто он, это не ясно. Он не сказал, что он тот самый, который, как это неоднократно упоминается в Евангелии, был любимым учеником Господа и возлежал у Него на груди, что он брат Иакова, что он сам видел и слышал Господа.

(13) Если бы он хотел точно у казать, кто он, он сослался бы на что-нибудь из вышесказанного. Ничего подобного нет: он называет себя нашим братом и соучастником, свидетелем Иисусовым и блаженным, ибо видел и слышал откровение.

(14) Я думаю, что у апостола Иоанна много тезок. Любовь к нему, восхищение им, желание быть таким же возлюбленным от Господа – все это делало его имя дорогим: так в семьях верующих часто называют мальчиков именем Петра или Павла.

(15) В Деяниях есть и другой Иоанн, прозванный Марком, которого Павел и Варнава взяли с собой и о котором сказано: «Был у них прислужником и Иоанн». Он ли написал это Откровение? – Вряд ли. И того ведь не написано, что он отправился вместе с ними и Асию, а только сказано: «Отплыв из Пафоса, Павел и его спутники прибыли в Пергию Памфилийскую; Иоанн же отделился от них и вернулся в Иерусалим».

(16) Я думаю, что автором был кто-то другой, тем более, что в Эфесе, говорят, есть дне гробницы и каждая называется Иоанновой.

(17) Судя по мыслям, подбору слов и построению предложений, догадываешься, что автор Откровения и евангелист Иоанн – разные лица.

(18) Евангелие и Послание согласуются между собой и даже начинаются одинаково; в одном: «В начале было Слово», в другом: «Он, Который был в начале»; в одном: «И Слово стало плотью и обитало с нами, и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца», в другом – то же самое с незначительными изменениями: «Что мы слышали, что видели глазами своими, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась».

(19) Так начинает он, решив опровергнуть, как тут же выясняется, тех, кто утверждает, будто Господь пришел не во плоти. Поэтому он осмотрительно и добавляет: «О том, что мы видели, свидетельствуем и возвещаем вам об этой вечной жизни, которая была у Отца и явилась нам. О том, что мы видели и слышали, и возвещаем вам».

(20) Он последователен и не уклоняется от поставленной цели, развивает свою мысль, настаивая на тех же основных мыслях, пользуясь теми же словами; некоторые из них мы вкратце упомянем.

(21) Внимательный читатель найдет, что в обоих произведениях многократно упоминаются: жизнь, свет, отгоняющий мрак, – и

постоянно:

истина, благодать, радость, Тело и Кровь Господа, суд, отпущение грехов; любовь Божия к нам; заповедь о взаимной любви; о том, что надлежит соблюдать все заповеди; изобличение мира, диавола, антихриста; обещание Духа Святого, богосыновство; неизменное требование веры, везде – Отец и Сын.

Отмечая всюду отличительные черты, видишь, что Евангелие и Послание имеют один и тот же образ речи.

(22) Апокалипсис и эти книги несовместимы: между ними никакой связи, никакой близости, нет, как говорится, общей буквы.

(23) Послание ничего не знает об Апокалипсисе (оставим в стороне Евангелие). Апокалипсис не упоминает Послания и не имеет мысли о нем, хотя Павел в Посланиях и приоткрыл кое-что из откровений, ему бывших, о которых особо он не писал.

(24) Можно отметить также разницу между стилем Евангелия и Послания и стилем Апокалипсиса.

(25) Во-первых – безупречный греческий язык, они красноречивы, убедительны в рассуждениях, хорошо построены; в них не найдешь ни иностранного слова, ни ошибок в языке, ни новых придуманных слов; видно, что Господь одарил их автора двойным даром: даром знания и даром слова.

(26) Что автору Откровения даны были и ведение, и знания, и дар пророчества, я не спорю, но вижу, что пишет он по-гречески неправильно, пользуется иностранными словами и делает ошибки в языке. Составлять их список необходимости нет.

(27) Я говорю все это не в насмешку (да никто так не подумает), но для того, чтобы ясно показать разницу этих произведений».

ГЛАВА 26

(1) Дионисию приписывают еще много других писем, например, к Аммону, епископу Церкви в Веренике, против Савеллия, к Телесфору, к Евфранору и опять к Аммону и Евпору. По тому же самому вопросу составил он еще четыре произведения, обращенных к своему тезке – Дионисию Римскому.

(2) Кроме этого, есть у нас много и других его писем, а также длинные рассуждения в форме писем: «О природе», посвященное Тимофею, называемому сыном, и «Об искушениях» – Евфранору (3) Писал он еще Василиду, епископу в Пентаполе, и сообщал, что написал толкование на начало Екклесиаста; оставил нам еще разные письма. Вот сколько написал Дионисий. После рассказа об этих людях и событиях поведаем наш им потомкам, каким было наше поколение.

ГЛАВА 27

(1) Преемником Ксиста, одиннадцать лет управлявшего Римской Церковью, стал Дионисий – тезка епископа Александрийского. В это же время преставился Димитриан, епископ Антиохийский, и епископство получил Павел Самосатский.

(2) Мысли его о Христе ползали по земле и не могли над ней подняться; вопреки учению Церкви, он считал Его обыкновенным человеком. Дионисий Александрийский, приглашенный на собор, отказался приехать, ссылаясь на свою старческую немощность, но представил в письме свое мнение по данному вопросу. Остальные церковные пастыри собрались отовсюду на борьбу с цепом, поражающим Христово стадо. Все поспешили в Антиохию.

ГЛАВА 28

(1) Среди них наиболее известными были: Фирмилиан, епископ Кесарии Каппадокийской, братья Григорий и Афинодор, пастыри Церквей на Понте, затем Елен из Тарса, Никомас из Иконии; Именей, епископ Иерусалимский; епископ соседней Кесарии Феотекн; кроме них, Максим, прекрасно руководивший братьями в Бостре, и множество других, пересчитать которых – они собрались вместе с своими священниками и диаконами в упомянутом городе – не составило бы труда. Самыми знаменитыми были названные.

(2) Все они в разное время, но часто собирались по одному и тому же делу; каждое собрание волновали те же вопросы и мысли. Сторонники Самосатца старались скрыть и утаить его неправоверие; противники старательно изобличали и воочию показывали его ересь и хулу на Христа.

(3) В это время, на двенадцатом году царствования Галлиена, скончался Дионисий; Александрийской Церковью он управлял семнадцать лет; преемником его стал Максим.

(4) Галлиен был у власти полных пятнадцать лет; преемником его стал Клавдий. Через два года он оставил власть Аврелиану.

ГЛАВА 29

(1) В это время на последний собор собралось самое большое число епископов; глава антиохийской ереси был совершенно обнаружен, изобличен в неправоверии и отлучен от вселенской поднебесной Церкви.

(2) Лучше всех доказывал свою правоту и уличал изворачивавшегося Павла Малхион, человек вообще красноречивый, глава антиохийских эллинских школ, где преподавали риторику. За чистоту своей безграничной веры в Христа он был удостоен священства в тамошней епархии. Он вступил с Павлом в спор, который записывали скорописцы, и, как мы знаем, запись эта дошла до нас.

Малхион один смог уловить этого человека, лживого притворщика.

ГЛАВА 30

(1) Пастыри, собравшиеся вместе, написав с общего согласия Послание Римскому епископу Дионисию и Максиму, епископу Александрийскому, разослали его копии по всем епархиям: перед всеми обнаружили и свою ревность и превратную веру Павла, опять подняли вопросы, ему предложенные, обличили его, рассказали о всей его жизни и его характере. Уместно привести тут ради лучшего запоминания их собственные слова:

(2) «Дионисию, Максиму, всем сослужителям нашим на этой земле, епископам, священникам, диаконам и всей вселенской, на земле существующей Церкви – мы, Елен, Именей, Феофил, Феотекн, Максим, Прокл, Никомас, Элнан, Павел, Волан, Протеген, Иеракс, Евтихий, Феодор, Малхион, Лукий и все остальные епископы, священники и диаконы, проживающие в соседних городах и у соседних племен, и Церкви Божии посылаем вам, возлюбленным братьям, привет о Господе».

(3) Несколько ниже они добавляют:

«Мы одновременно писали многим и даже далеко живущим епископам, например, блаженным Дионисию Александрийскому и Фирмилиану Каппадокийскому, уговаривая их лечить от этого смертного учения. Из них один написал в Антиохию, не удостоив главу заблуждения даже приветствия и обращаясь не к нему лично, а ко всей христианской общине. Копию этого Послания мы приложили.

(4) Фирмилиан же, приезжавший дважды, осудил новшества Павла, о чем знаем и о чем свидетельствуем мы, тут присутствовавшие; знают об этом и многие другие. Когда Павел заявил, что он изменил свой образ мыслей, Фирмилиан, поверив ему и надеясь всё уладить как следует, без всякого ущерба для веры, отложил приговор; обманул его тот, кто отрекся от своего Бога и Владыки и не сохранил своей прежней веры.

(5) Фирмилиан, получив доказательство этого злобного богоотступничества, собрался в Антиохию и доехал до Тарса, но когда мы собрались, приглашали и ожидали его, он, не доехав до нас, скончался».

(6) Дальше, между прочим, они так описывают образ жизни Павла: «Так как он отошел от правил веры и принял учение ложное и незаконное, то нечего и судить о делах человека, который вне Церкви, (7) например, о том, что был он бедняком, нищим, не получил от родителей никаких средств к жизни, не был обучен никакому ремеслу и вообще ничему полезному, а теперь сделался безмерно богат посредством беззаконии и святотатства, выпрашивания у братьев и запугивания их. Он обманывает потерпевших несправедливость, обещает помочь за деньги и, обойдя их, легко наживается на готовности людей, запутавшихся в делах, дать что-нибудь, лишь бы избавиться от тех, кто не даст покоя. Веру он считает средством для наживы.

(8) Он высокомерен и горделив, получает мирские звания и предпочитает называться не епископом, а дуценарием, красуется на площадях, на ходу читает письма и тут же отвечает на них на виду у всех; его окружает множество телохранителей – одни впереди, другие сзади, так что эта пышность и презрение к окружающим делают веру ненавистной.

(9) Церковные собрания он превратил в диковинные представления; гоняясь за славой, поражал воображение и потрясал чистые души подобными выдумками. Престол и кафедру он приготовил себе высокие, не подобающие ученику Христову. У него, как у мирских начальников, есть отдельная комната, которая так и называется «отдельной». Он хлопает рукой по бедру, топает ногами на кафедре; тех, кто не восхваляет его, не машет, как в театрах, платками, не восклицает, не вскакивает и не слушает беспорядочно, как окружающие его приспешники – мужчины и женщины, а слушает, как и положено в храме Божием, благолепно и благообразно, он наказывает и оскорбляет. Об отшедших от этой жизни толкователях слова Божия он говорил в собраниях грубо и непристойно и в то же время превозносил себя – вел себя не как епископ, а как софист и шарлатан.

(10) Он запретил употреблять песнопения в честь Господа нашего Иисуса Христа под тем предлогом, что это – нововведение и писаны современными людьми; подготовил женский хор, который в великий праздник Пасхи посередине церкви пел гимны в его честь; людей пробирала дрожь от этого пения. Епископам и священникам соседних

деревень и городов, если они льстят ему в своих проповедях, он позволяет обращаться к народу.

(11) Он не желает исповедовать с нами, что Сын Божий сошел с неба (предварим этим сообщением дальнейшее; это не останется голословным утверждением, а будет всячески доказано документами, которые вам посылаем, особенно же тем, где он говорит о земном происхождении Иисуса Христа); воспевающие в его честь гимны и восхваляющие его в народе говорят, что этот нечестивый учитель есть ангел, сошедший с неба, и он, присутствуя при таких разговорах, по гордыне своей, не запрещает их.

(12) Что касается женщин, его «духовных дщерей», как их называют в Антиохии, «дщерей» священников и диаконов, его окружающих, он вместе с ними скрывает и этот и другие смертные грехи, хотя прекрасно знает о них.

Ему нужно иметь в полной зависимости людей, которые, боясь за себя, не осмелились бы вступиться за тех, кого он обижал словом и делом; он даже обогащал их, и люди, которые гонятся за такими благами, любили его и восхищались им. Зачем мы пишем об этом?

(13) Мы знаем, возлюбленные, что епископ и все духовенство должны подавать народу пример в делах добрых, и прекрасно знаем также, сколько духовных лиц пало потому, что вводили к себе в дом женщин. Другие остались под подозрением; пусть ничего грязного и нет, но следует остерегаться и не подавать повода к сом нению, которое тут может зародиться: да не введем никого в соблазн и да отвратим от подражания этому.

(14) Может ли бранить или убеждать кого-то не жить больше с женщиной, остерегаясь падения, человек, который, хотя и отпустил одну женщину, но держит у себя дома двух цветущих красавиц, берет их с собой, куда бы ни отправлялся, и роскошествует до пресыщения.

(15) Поэтому все стенают и оплакивают себя, но до такой степени боятся его власти и тирании, что обвинять ею не осмеливаются.

(16) Исправить, как мы и говорили, можно было бы человека православно мыслящего, к нам сопричисленного, но от осмеявшего Таинство, от похваляющегося гнусной ересью Артемона (почему не назвать отца его) нечего, думаем, и требовать отчета в его действиях».

(17) Послание они заключают таким образом:

«Мы вынуждены были отлучить этого богоборца, хотя он и противился, и поставить вместо него другого епископа – верим, что по Божиему Промыслу, – Домна, сына блаженного Димитриана, славно до него управлявшего той же епархией. Домна украшают все качества, приличествующие епископу; пишите ему и обменивайтесь с ним посланиями. А тот пусть пишет Артемону, и пусть с ним общаются единомышленники Артемона».

(18) Павел лишился епископства и отпал от правой веры: Домн, как сказано, принял управление Антиохийской Церковью.

(19) Павел вовсе не желал уходить из церковного дома: император Аврелиан, к которому обратились за помощью, принял самое правильное решение: распорядился предоставить дом тем, с кем по вопросам веры переписывались италийские и римские епископы. Таким образом, упомянутый муж был с великим стыдом изгнан мирской властью из Церкви.

(20) Так относился к нам тогда Аврелиан, но в дальнейшее свое царствование он изменился в мыслях: замышлял, по чьим-то советам гонение на нас: об этом у всех было мною разговоров.

(21) Он собирался уже начать его и только еще не подписал указов против нас, как его поразил суд Божий: он был словно схвачен за руку и остановлен в своем намерении. И всем отчетливо и ясно дано было увидеть, что нападать на Церковь Христову никогда не будет для земных владык делом легким, кроме тех случаев, когда рука Божия, нас охраняющая, и суд небесный разрешат это нападение в тот час, когда Господь сочтет это нужным, чтобы нас исправить и научить.

(22) После шестилетнего царствования Аврелиана на престол вступил Проб, правивший приблизительно столько же лет; его сменил Кар с сыновьями Карином и Нумерианом; они оставались у власти неполных три года; она перешла к Диоклетиану и его соправителям. При них совершилось современное нам гонение, когда разрушаемы были и церкви.

(23) Незадолго до этого Римского епископа Дионисия, после девятилетнего управления Церковью, сменил Феликс.

ГЛАВА 31

(1) В это время безумец Манес, давший свое имя демонской ереси, собирался торжествовать победу над разумом. Демон, сам сатана, восставший на Бога, выдвинул этого человека на погибель многих. Варвар по языку и нраву, он имел в природе своей нечто демоническое и безумное. Действия его соответствовали этим качествам; он пытался представить себя Христом; ослепленный гордостью, объявлял себя то утешителем и Самим Духом Святым, то Христом; нашел двенадцать учеников, последователей его нового учения.

(2) Лживое и богохульное учение свое он составил из множества богохульных, давно исчезнувших ересей, привез его из Персии и разлил этот смертельный яд по нашей земле. От него нечестивое имя манихеев и доныне удержалось за многими. Такова сущность этого лжеименного знания, появившегося в то время, о котором мы говорим.

ГЛАВА 32

(1) Преемником Феликса, пять лет управлявшего Римской Церковью, стал Евтихиан. Он не прожил и десяти полных месяцев и оставил свое место Гаю, нашему современнику. Он управлял Церковью около пятнадцати лет:

преемником его стал Марцеллин – тот самый, которого настигло гонение.

(2) В это время епископство в Антиохии после Домна получил Тимей; преемником его стал наш современник Кирилл. В ото же время жил и Дорофей (мы его знали), удостоенный в Антиохии священнического сана, муж красноречивый и полюбивший красоту богословия; он занялся изучением еврейского языка, чтобы читать Священное Писание по-еврейски со знанием дела.

(3) Не был он чужд и эллинского образования и его «свободных искусств»; скопец по природе от самого рождения своего, он, по причине этой удивительной особенности, заслужил доверие императора и был назначен смотрителем пурпурных красилен в Тирс.

(4) Я слышал, как умело объяснял он в Церкви Писание. После Кирилла управление Антиохийской епархией получил Тиранн, при нем разрушение церквей особенно усилилось.

(5) Лаодикийской епархией управлял после Сократа Евсевий, уроженец Александрии. Причиной его переселения было дело Павла, по которому Евсевий и отправился в Сирию; тамошние ревнители благочестия удержали его от возвращения домой. Для моих современников он был дорог как образец благочестивого человека; это легко увидеть в приведенных выше словах Дионисия.

(6) Преемником его был Анатолий – «хороший к хорошему», по пословице.

Он был тоже александриец родом, за свое красноречие и знание греческой философии слыл первым среди наиболее известных современников наших, ибо в совершенстве изучил арифметику, геометрию, астрономию, а также другие науки: диалектику, физику, риторику. Поэтому, говорят, александрийцы сочли, что он может открыть в Александрии школу Аристотелевых последователей.

(7) Вспоминают о множестве его подвигов в Александрии во время осады Брухия, когда из магистратов он был всеми почтен председательством.

Примера ради я вспомню только об одном его деле.

(8) У осажденных не хватило пшеницы; голод был страшнее врага, находившегося за стенами, и человек, о котором идет речь, все устроил таким образом: одна часть горожан сражалась вместе с римским войском и, следовательно, осаждена не была. Евсевий (он находился еще там до своего переселения в Сирию) был среди этих последних и во всем лагере, вплоть до римского военачальника, был известен и пользовался доброй славой; Анатолий послал к нему известие об осажденных и страдающих от голода.

(9) Евсевий, узнав об этом, выпрашивает у римского военачальника, как величайшую милость, обещание оставить в живых перебежчиков и сообщает об этом Анатолию. Анатолии, получив эти сведения, созывает Александрийский совет и прежде всего предлагает протянуть римлянам дружескую руку; видя, что от его слов они пришли в неистовство, он говорит:

«Думаю, вы не будете противоречить мне, если я посоветую вам разрешить выйти из города всем лишним и совершенно для вас бесполезным людям:

старухам, детям, старикам – пусть идут куда хотят. Зачем понапрасну держать при себе этих почти уже мертвецов? Зачем изводим мы голодом больных и увечных, когда кормить нужно только мужчин и юношей и беречь пшеницу для тех, кто необходим для охраны города?» (10) Такими рассуждениями он убедил Совет и, встав, первый внес предложение: выпустить из города всех – мужчин ли, женщин ли, кто не нужен войску, ибо если они останутся и будут жить в городе, не принося ему никакой пользы, то надежды на спасение им нет: они погибнут от голода.

(11) Все остальные члены Совета подали голос за это же предложение, и Анатолий спас почти всех осажденных: позаботился прежде всего о принадлежащих к Церкви, а затем и о людях всякого возраста, бывших в городе, а не только о тех, кто был назван декретом. Под видом их множество людей, переодетых благодаря его заботливости в женскую одежду, вышло из города и устремилось к римскому войску, где всех принимал Евсевий и, как отец и врач,

лечением и заботой восстанавливал силы измученных длительной осадой.

(12) Таких-то двух пастырей, непосредственно следовавших один за другим, удостоилась Церковь в Лаодикии. После только что упомянутой войны они, по Божьему Промыслу, переселились туда из Александрии.

(13) Анатолий написал очень много; до нас дошло достаточно, чтобы судить о его красноречии и обширных знаниях. Особенно важны его мнения о праздновании Пасхи; необходимо, пожалуй, тут же их напомнить:

Из Анатолиевых правил о Пасхе.

(14) «В первом году новолуние первого месяца, являющееся началом девятнадцатилетнего периода, приходится для египтян на 26-е число месяца фаменота, для македонян – на 22-е число месяца дистра, или, как сказали бы римляне, на 11-е число до апрельских календ.

(15) 26-го числа упомянутого месяца фаменота солнце не только вступает в первое созвездие, но идет по нему уже четвертый день. Это созвездие (Овен) обычно называют первым из двенадцати, равноденственным, началом года, исходной точкой движения планет; предшествующее же ему – последним месяцем, двенадцатым созвездием, последней, двенадцатой частью, концом года. Поэтому мы утверждаем, что весьма ошибаются те, кто относят к нему первый месяц и назначают 14-е число его для праздника Пасхи.

(16) Этот расчет принадлежит не нам: иудеи знали его давно, еще до Христа, и весьма с ним считались. Это видно из слов Филона, Иосифа, Мусея, и не только их, но и более старых писателей: двух Агатовулов, прозванных учителями, славного Аристовула, который был в числе переводивших для Птоломея Филадельфа и его отца священные книги евреев и посвятил этим царям свои книги толкований Моисеева Закона.

(17) Эти писатели, разрешая вопросы, касающиеся Исхода, говорят, что равным образом все должны приносить пасхальные жертвы после весеннего равноденствия, в середине первого месяца, т. е. когда солнце проходит первую часть эклиптики, или, как некоторые называют, зодиака. Аристовул добавляет, что для праздника пасхальных жертв необходимо, чтобы не только солнце, но и луна проходила через равноденственный знак.

(18) А так как есть два равноденственных знака, противоположных один другому, – весенний и осенний, а пасхальные жертвы приносятся вечером 14-го числа, то луна окажется диаметрально противоположной солнцу, как это можно видеть в дни полнолуния; солнце будет в знаке весеннего равноденствия, а луна, естественно, в знаке осеннего равноденствия.

(19) Я знаю, что ими сказано еще много другого; кое-что только вероятно, другое подтверждено вескими доказательствами, с помощью которых они стараются убедить, что праздник Пасхи и опресноков необходимо справлять вообще после равноденствия. Я оставляю в стороне предмет этих доказательств и прошу тех, для кого покров с Закона Моисеева снят, всегда взирать открыто на лик Христа, на Его учение и страдания. Что первый месяц бывает у евреев около равноденствия, об этом говорится и в книге Еноха».

(20) Анатолий оставил целых десять книг «Введения в арифметику», а также и другие произведения, свидетельствующие о его занятиях Священным Писанием и большой в нем осведомленности.

(21) Его рукоположил Феотекн, первый епископ Кесарии Палестинской, предназначая его преемником для своей епархии; в течение короткого времени они оба управляли этой Церковью, но когда Собор пригласил Анатолия в Антиохию по делу Павла и он проезжал через Лаодикию, тамошние братья удержали его у себя; Евсевия уже не было в живых.

(22) После преставления Анатолия последним епископом тамошней епархии перед гонением был Стефан, восхищавший многих своими познаниями в философии и других эллинских науках. Вопросы веры интересовали его меньше. Разраставшееся гонение обнаружило в нем скорее лицемера и труса, чем истинного, мужественного философа.

(23) Церковь от этого не погибла; положение ее выправилось волею Господа, Спасителя всех, как только епископом этой епархии был назначен Феодот, на деле оправдавший свое имя и свое епископство. Он слыл первым в искусстве врачевания тела, но никто не мог сравниться с ним и в заботе о душе; он любил людей, искренне им сочувствовал, ревностно оказывал помощь нуждавшимся в ней; очень был сведущ и в науках богословских.

(24) Таков был Феодот. В Кесарии Палестинской преемником Феотекна, ревностно исполнявшего свои епископские обязанности, был Агапий. Мы знаем, как он потрудился, искренне заботясь об управлении народом, и щедро помогал всем, особенно беднякам.

(25) В то же время я познакомился с Памфилом, человеком весьма уважаемым, истинным философом по своей жизни; в здешней епархии его удостоили священнического сана. Кто он был? Откуда родом? Ответить на это трудно, но о его жизни во всех ее подробностях, о школе, им основанной, о борьбе, выдержанной им при исповеданиях во время гонения, и о его мученическом венце я рассказал в особом сочинении, о нем написанном.

(26) Он был один из замечательнейших людей нашего города; я знаю, что среди моих современников были люди редкие, например Пиерий, один из александрийских священников, Мелетий, епископ понтийских церквей.

(27) Первый прославился своей нестяжательностью и своими философскими познаниями, размышлениями о делах Божиих, толкованием их и превосходными проповедями в Церкви на эту тему. О Мелетии (люди образованные называют его «аттическим медом») можно было бы написать, что в своих речах он достиг совершенства. Невозможно по достоинству оценить силу его риторики. Кто-нибудь скажет: это даровано ему от природы, но кто превзошел его богатством опыта и обширностью познаний? Во всем, что требует рассуждения и красноречия, он был самым искусным и одаренным:

только испытай его, и ты скажешь: благородство его жизни соответствовало остальному. Я знаю, что во время гонения он целых семь лет скитался по Палестине.

(29) Управление Иерусалимской Церковью после недавно упомянутого нами епископаИменея принял Замвда. Он вскоре скончался; Ермон, последний перед современным нам гонением, получил апостольский престол, доныне сохраняемый.

(30) В Александрии преемником Максима, восемнадцать лет управлявшего Церковью после Дионисия, стал Феона. При нем в Александрии известен был Ахилла, удостоенный священнического сана одновременно с Пиерием. Он управлял Училищем святой веры, закончил труд, редкий и не уступавший другим в философской

значимости, и явил образ жизни, истинно соответствующий Евангелию.

(31) После Феоны, прослужившего девятнадцать лет, епископство получил Петр, в течение двенадцати лет со славой несший это служение; до гонения он неполных три года руководил Церковью, остальное время жизни провел в тяжелых подвигах, открыто заботясь об общем благе Церкви. На девятом году гонения он был обезглавлен и украсился венцом мученичества.

(32) В предшествующих книгах мы установили порядок преемств от рождения Спасителя нашего и до разрушения молитвенных домов, т. е. за 305 лет. Оставим же потомкам нашим труд, из которого они узнают о современных нам мужественных борцах за веру, о том, кто они были и сколько их было.

КНИГА ВОСЬМАЯ

ГЛАВА 1

Рассказав в целых семи книгах о преемстве от апостолов, мы решили в этой восьмой описать современные события, заслуживающие особого внимания; познакомить с ними и наших потомков весьма и весьма необходимо. Рассказ наш начнется вот с чего.

(1) У нас не хватит сил достойно рассказать о том, каким уважением пользовалась до нынешнего гонения вера в Бога Вседержителя, возвещенная Христом всем людям, эллинам и варварам, и как свободно ее проповедовали.

(2) Об этом свидетельствуют и благосклонные к нам указы императоров, и поручения нам управлять провинциями, и избавление нас от мучительной необходимости приносить жертвы: императоры очень расположились к нашей вере.

(3) Что сказать о лицах, живших при дворе, и о самих государях? Своим близким, женам и детям, их близким они разрешали свободно в их присутствии говорить о Боге, разрешали держаться в жизни христианских обычаев; им почти разрешали хвалиться свободным исповеданием веры; служителей-христиан предпочитали другим.

(4) В числе их был и знаменитый Дорофей, самый преданный, самый верный слуга, за это особенно чтимый людьми, стоящими у власти. Таким же уважением за свою веру в Бога пользовались известный Горгоний и другие.

(5) С каким доброжелательством относились к предстоятелям Церквей прокураторы и правители! Как описать эти многотысячные собрания в каждом городе, эти удивительные толпы людей, стекающиеся в дома молитвы! Старых зданий было мало; по всем городам воздвигали новые обширные церкви.

(6) Так шли в то время наши дела: с каждым днем наше благополучие росло и умножалось; ничья зависть нам не мешала, и злобный демон не мог ни очернить нас, ни подстроить людские козни, пока над нами была рука Божия, охранявшая народ, этого достойный.

(7) И вот эта полная свобода изменила течение наших дел: все пошло кое-как, само по себе, мы стали завидовать друг другу, осыпать

друг друга оскорблениями и только что, при случае, не хвататься за оружие; предстоятели Церквей – ломать друг о друга словесные копья, миряне восставать на мирян; невыразимые лицемерие и притворство дошли до предела гнусности. Божий суд, по обыкновению, щадил нас (собрания еще устраивались) и направлял нас, без крайних мер, к кротости. Гонение началось с братьев, находившихся в войсках.

(8) Словно лишившись всякого разумения, мы не беспокоились о том, как нам умилостивить Бога; будто безбожники, полагая, что дела наши не являются предметом заботы и попечения, творили мы зло за злом, а наши мнимые пастыри, отбросив заповедь благочестия, со всем пылом и неистовством ввязывались в ссоры друг с другом, умножали только одно – зависть, взаимную вражду и ненависть, раздоры и угрозы, к власти стремились так же жадно, как и к тирании тираны. Тогда, да, тогда исполнилось слово Иеремии: «Омрачил Господь в гневе Своем дочь Сиона, сверг с небес на землю славу Израиля и не вспомнил о подножии ног Своих в день гнева Своего.

Потопил Господь всю красу Израиля и уничтожил все ограждения его». И в псалмах предсказано: «Уничтожал завет с рабом Своим и поверг на землю – через разрушение церквей – Свое святилище, уничтожил все ограды его – исполнил страха его крепости. Расхищали его толпы народа – все, идущие путем своим, и, сверх того, стал он посмешищем у соседей своих. Возвысил Господь десницу врагов его и удалил помощь от меча его и не поддержал его в битве. Он лишил его чистоты и престол его поверг на землю; сократил дни времени его и покрыл стыдом всех людей».

ГЛАВА 2

(1) Всё это действительно исполнилось в наши дни. Своими глазами видели мы, как молитвенные дома рушили от верха и до самого основания, а Божественные святые книги посередине площади предавали огню; как церковные пастыри постыдно прятались то здесь, то там, как их грубо хватали и как над ними издевались враги. Тогда сбылось другое пророческое слово:

«Пролился позор на вождей, и бродили они не по дороге, а по местам нехоженым».

(2) Не наше дело, однако, описывать постигшие их мрачные бедствия; в мою задачу не входит сообщать потомству об их раздорах и безумствах перед гонением. Мы решили ничего больше не говорить о них, кроме того, что оправдывает суд Божий.

(3) Меня не увлекает желание увековечить память ни тех, кто впал в искушение по случаю гонения, ни тех, кто потерпел крушение всякой надежды на спасение и по собственному выбору был низвергнут в кипящую пучину. Я расскажу в этой, касающейся всех, истории только о том, что может послужить на пользу, во-первых, нам самим, а затем и нашим потомкам.

Отправимся же в путь и вкратце расскажем о священных подвигах мучеников за слово Божие.

(4) Шел девятнадцатый год правления Диоклитиана, когда в месяце дистре (у римлян это март), накануне праздника Страстей Господних, повсюду был развешан императорский указ, повелевавший разрушать церкви до основания, а Писание сжигать и объявлявший людей, державшихся христианства, лишенными почетных должностей; домашняя прислуга лишалась свободы.

(5) Таков был первый указ против христиан; вскоре за ним последовали и другие распоряжения: предписывалось всех епископов повсеместно сначала заключить в тюрьму, а затем всякими средствами заставить их принести жертву.

ГЛАВА 3

(1) Тогда, именно тогда многие предстоятели Церквей мужественно претерпели жестокие мучения; многое можно рассказать об этих великих подвигах. Тысячи других, не помнивших себя от трусости, при первом же натиске сразу лишились всех сил. Из числа же первых каждый выдержал попеременно разные виды пыток: одного мучили бичеванием, другой терпел невыносимые страдания от дыбы и «когтей»; некоторые тут и обрели горестный конец жизни.

(2) Состязания иного рода ожидали других: одного толкали и, силой подведя к гнусным, нечистым жертвам, отпускали как принесшего жертву, хотя он ее и не приносил; другой вовсе и не подходил к жертвеннику и не прикасался ни к чему нечистому, но люди утверждали, что он принес жертву, и человек молча уходил оклеветанным; полумертвого выбрасывали как мертвеца; (3) лежавшего на земле долго волочили за ноги и причисляли к принесшим жертву. Кто-то громко выкрикивал свое отречение от жертвоприношения; кто-то во всеуслышание провозглашал, что он христианин, и хвалился исповеданием имени Спасителя; кто-то настаивал, что он не приносил жертвы и никогда ее не принесет.

(4) Этих людей били по зубам, лицу и щекам, и затем солдаты из отряда, с этой целью поставленного, с силой выталкивали их. Враги веры придавали большое значение этой кажущейся победе. Эти меры были безуспешны по отношению к святым мученикам. Хватит ли у нас слов в точности рассказать о них?

ГЛАВА 4

(1) Можно было бы рассказать о тысячах христиан, показавших изумительное мужество в исповедании веры в Бога Вседержителя, и не только во времена, когда поднималось гонение, а значительно раньше, когда все наслаждались миром.

(2) Недавно, совсем недавно, словно от глубокого сна, пробудился получивший власть и тайком, скрытно, после Деция и Валериана, пошел на Церковь, но объявил войну не всем нам сразу, а испытал свои силы сначала только на войске (он думал, что ему будет легко уловить и остальных, если он сначала одолеет сопротивление военных). Стало, однако, явно, что большинство военных радостно соглашаются жить жизнью простых граждан, лишь бы не отрекаться от веры в Творца вселенной.

(3) Военачальник – кто бы им тогда ни был – сразу же начал преследование в войсках; он перебрал людей и кое-кого удалил, предлагая на выбор: или повиноваться, пребывая и дальше в своем звании, или, наоборот, лишиться его, если они будут противиться приказу. Весьма многие воины рати Царства Христова исповедание Его немедленно и безусловно предпочли своей мнимой известности и своему мнимому благополучию.

(4) Случалось, что один-два человека за свое крепкое стояние в вере платили не только потерей звания, но и жизнью, ибо тот, кто осуществлял свой замысел, крутых мер не применял и осмеливался проливать кровь лишь немногих, боясь, по-видимому, большого числа верных и не решаясь пойти войной сразу на всех.

(5) Наконец, он открыто напал на нас, и нет слов рассказать, скольких мучеников – и каких! – жители каждого города и селения могли своими глазами видеть повсюду.

ГЛАВА 5

Сразу же, как только в Никомидии был обнародован указ о Церквах, некий человек, не безызвестный, но самого высокого, по мирским представлениям, звания, движимый горячей ревностью по Боге и побуждаемый верой, схватил указ, прибитый на виду в общественном месте, и разорвал его на куски, как безбожный и нечестивейший. В городе находилось два властителя: один – самый старший и другой, занимавший после него четвертую ступень в управлении. Тот же человек, местный житель, прославившийся таким образом, выдержал всё, что полагалось за такую дерзость, сохраняя до последнего вздоха ясный ум и спокойствие.

ГЛАВА 6

(1) Наше время поставило выше всех героев, прославляемых у эллинов и варваров за свое удивительное мужество, замечательных мучеников: Дорофея и бывших с ним императорских придворных юношей; господа удостоили их высокой чести и были расположены к ним, как к родным детям. Они скончались, считая истинным богатством, большим, чем мирская слава и роскошь, поношения, страдания за веру и смерть; для них придумывали разные их виды. Я упомяну о том, как скончался один из них, предоставляя читателям заключить, что происходило и с другими.

(2) Одного человека в Никомидии привели на площадь и в присутствии упомянутых властителей велели принести жертву; он отказался. Его велели раздеть, подвесить и сечь по всему телу бичами, пока, умученный, он, пусть и против воли, не сделает, что приказано.

(3) Он терпел, бесповоротный в своем решении, хотя кости его уже были видны; и вот составили смесь из уксуса с солью и стали поливать уже помертвевшие части тела. Он презрел и эти страдания; тогда притащили на середину железную решетку, подложили под нее огонь и стали жарить то, что оставалось от его тела, так, как жарят мясо, приготовляемое в пищу, не целиком, чтобы он сразу не скончался, а по частям: пусть умирает медленно.

Уложившим его на огонь разрешено было снять его не раньше, чем он знаком даст согласие выполнить приказ. Мученик, однако, не сдался и победоносно испустил дух среди мучений. Так был замучен один из императорских придворных юношей. Его звали Петром, он был достоин своего имени.

(5) Не меньшими были и страдания других, но, сокращая слова ради соразмерности в работе, мы не станем о них говорить. Упомянем только, что Дорофей и Горгоний вместе с большей частью императорской челяди после многоразличных подвигов были удавлены и получили награду за свою Божественную победу.

(6) В то же время Анфим, тогдашний предстоятель Никомидийской Церкви, был обезглавлен за свидетельство о Христе. К нему присоединился целый сонм мучеников. Не знаю, что было

причиной пожара, вспыхнувшего в те дни в никомидийском дворце, но пошла молва, будто это дело христиан; подозрение было ложным, но, по повелению императора, местных христиан стали избивать поголовно без разбора: одних закалывали мечом, другие кончали жизнь на костре. Говорят, что по какому-то Божественному, непостижимому побуждению мужья вместе с женами кидались в костер. Множество людей палачи привязывали к лодкам и топили в морской пучине.

(7) Императорских придворных юношей по кончине их не предали с подобающей честью земле; мнимые владыки решили, что тела их следует вырыть и бросить в море, чтобы никто не пришел поклониться им, покоящимся в могилах, и дабы не сочли их богами. Таков был ход их мыслей. Вот что происходило в Никомидии в начале преследования.

(8) В скором времени, когда некие люди попытались завладеть царской властью в области, именуемой Мелитинской, а другие – в Сирии, вышел царский указ повсюду бросать в темницу и держать в оковах предстоятелей Церквей.

(9) То, что затем произошло, превосходит всякое описание: повсюду попали в заключение тысячные толпы; тюрьмы, построенные издавна для убийц и разрывателей могил, были теперь полны епископов, священников, диаконов, чтецов и заклинателей; места для осужденных за преступление не оставалось.

(10) Вслед за первым указом последовали новые: узникам, принесшим жертву, разрешалось выйти на свободу; упорствовавших приказано было терзать всяческими пытками. И опять-таки, как пересчитать количество мучеников в каждой епархии, особенно в Африке, в Мавритании, в Фиваиде и в Египте? Из Египта многие уже ушли в другие города и епархии и прославились как мученики.

ГЛАВА 7

(1) Мы знаем, кто прославился в Палестине, знаем, кто в Тире Финикийском. Кто не будет потрясен, видя, как эти воистину изумительные борцы за веру стойко переносили длительное бичевание и сразу же после него состязание с кровожадными зверями! С изумительной выдержкой встречали эти благородные люди нападение любого зверя: леопарда, медведя той или другой породы, дикого кабана, быка, разъяренных от прижигания каленым железом.

(2) Мы и сами присутствовали при этом и видели, как в свидетельствовавшем о Спасителе нашем явно присутствовала и являла себя Божественная сила Самого свидетельствуемого Иисуса Христа. Плотоядные звери долго не осмеливались ни прикасаться, ни даже подходить к телам людей, возлюбленных Богом, а кидались на тех, кто, стоя за ареной, их дразнили. Святые борцы одиноко стояли, обнаженные, и, как им было приказано, размахивали руками, привлекая зверей на себя, но звери к ним даже не прикасались. А иной раз звери устремлялись на них, но, как бы удерживаемые Божественной силой, они отходили вспять.

(3) Так продолжалось долго, и зрители были чрезвычайно удивлены, тем более, что когда первый зверь ничего не делал, выпускали второго и третьего на одного и того же мученика.

(4) Можно было поражаться стойкому терпению этих святых и непоколебимой твердости этой молодежи. Ты увидел бы юношу неполных двадцати лет, стоящего без оков с крестообразно распростертыми руками, погруженного в молитву душой спокойной и бестрепетной; он не сходил с места, где стоял, а медведи и леопарды, дыша свирепостью и смертью, почти касались его тела, и только Божественная невыразимая сила, не знаю – как, заставляла их не разевать пасть и отбегать вспять. Вот каков был этот человек.

(5) Мог бы ты увидать и других (их было всего пятеро): их бросили разъяренному быку. Он поднимал на рога подходивших к арене и, подбросив их, истерзав, оставлял полумертвыми, но, устремившись на святых мучеников, он, грозный и свирепый, не мог к ним и подойти. Он бодал рогами и бил копытами то там, то здесь;

разъяренный от прижигания каленым железом, дышащий яростью и гневом, он был отброшен Божественным промышлением и не нанес им никакого вреда; пришлось выпустить на них других зверей.

(6) В конце концов, после того, как их кидали разным страшным зверям, их закололи мечом и, вместо земли и могилы, предали морским волнам.

ГЛАВА 8

Вот каково было состязание, которое выдержали в Тире египтяне, боровшиеся за веру.

Можно было бы удивляться и тем, кто был замучен себя на родине. Здесь тысячи людей – мужчин, женщин, детей, презрев эту временную жизнь, вытерпели за учение Спасителя нашего смерть различного рода: одних после «когтей», дыбы, жестокого бичевания и множества разнообразных пыток, о которых и слушать страшно, предавали огню; других топили в море; иные мужественно подставляли свои головы под мечи палачей; некоторые умирали в пытках; иных уморили голодом, других распинали – или как обычно распинают преступников, или более жестоким образом, пригвождая головой вниз и оставляя в живых, пока они не погибали от голода на самом кресте.

ГЛАВА 9

(1) Пытки и страдания, которые вынесли мученики в Фиваиде, превосходят всякое описание. Их терзали «когтями» и раковинами, пока они не расставались с жизнью; женщин, привязав за одну ногу, поднимали с помощью каких-то орудий в воздух головой вниз, совершенно обнаженных, ничем не прикрытых – зрелище для всех глядевших и позорнейшее, и по своей жестокости бесчеловечнейшее.

(2) Других привязывали к веткам деревьев: с помощью каких-то приспособлений две самые крепкие ветки притягивали одну к другой, привязывали к каждой ногу мученика; затем ветки отпускали, они принимали свое естественное положение, и человек был раздираем пополам.

(3) Все это творилось не несколько дней, не в течение короткого времени, а длилось долгие-долгие годы. Погибших бывало иногда больше десяти, иногда больше двадцати, случалось, что не меньше и тридцати, а в иной раз число их доходило почти до шестидесяти. Иногда в один день сразу бывало убито сто человек: мужчин, детей, женщин, которые скончались после разнообразных пыток, сменявших одна другую.

(4) Мы находились в тех местах и видели, как в один день разом гибло множество людей: у одних рубили головы, других жгли на костре; мечи, которыми убивали, тупились, железо ломалось; уставали сами палачи, сменявшие друг друга.

(5) Тогда же увидели мы изумительный порыв и воистину Божественные силу и мужество уверовавших во Христа Божия. Еще читали приговор одним мученикам, как уже со всех сторон к судейскому помосту сбегались другие люди и объявляли себя христианами, не беспокоясь о пытках, ужасных и разнообразных; бесстрашно проповедуя Бога Творца, они с радостью, с улыбкой и благодушием принимали смертный приговор и до последнего вздоха пели благодарственные гимны Творцу. Это были удивительные люди, но особого удивления заслуживают те, кто выделялись богатством, родовитостью, славились красноречием и философским образованием

и всё это вменили в ничто по сравнению с истинным благочестием и верой в Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа.

(7) Таков был Филором, который занимал крупную должность управляющего царской казной в Александрии; он ежедневно бывал в суде, как судья, и его всегда сопровождала, в соответствии с его званием, воинская охрана. Таков был Филеас, епископ Тмуитской Церкви, человек прославленный и исполнением общественных обязанностей у себя на родине, и своими щедротами, и философским образованием.

(8) Напрасны были уговоры многочисленных родственников и друзей, включая занимавших важные должности, и самого судьи, увещавшего их пощадить себя и пожалеть жен и детей, – жизнь не могла уловить их своими приманками и не заставила пренебречь заповедями Спасителя нашего об исповедании и отречении. Всем угрозам и оскорблениям судьи они противопоставили мужественное и любомудрое рассуждение, вернее, душу благочестивую, любящую Бога, и оба были обезглавлены.

ГЛАВА 10

(1) Мы говорили, что Филеас заслуживал большого уважения за свою осведомленность в науках мирских; пусть же он предстанет сам и, свидетельствуя о себе самом, покажет, каков он был, и своими словами, гораздо точнее, чем я, расскажет, что происходило при нем в Александрии.

Из письма Филеаса к тмуитам.

(2) «Так как все эти примеры, образцы и прекрасные наставления находятся в Божественном Священном Писании, то бывшие с нами мученики незамедлительно возводили чистое око своей души к Богу Вседержителю; мысленно решив умереть за веру, они крепко держались своего призвания, обретя Господа нашего Иисуса Христа, вочеловечившегося ради нас, дабы истребить всякий грех, а нам дать все необходимое для входа в жизнь вечную, «ибо Он не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя, приняв образ раба, уподобился видом человеку и смирил Себя до смерти, и смерти крестной».

(3) Поэтому, «ревнуя о дарах больших», мученики-христоносцы выдерживали всякую муку, все измышляемые для них пытки, причем некоторые не однажды, а двукратно, всякие угрозы, и не только словесные:

воины, приставленные к ним, изощрялись в своих действиях. Они были непреклонны в своем решении, ибо «совершенная любовь изгоняет страх».

(4) Найдется ли слово рассказать о доблестном мужестве, с которым они выдерживали каждую пытку? Всем желающим разрешено было издеваться над ними: их били палками, розгами, били бичами, ремнями, кнутами.

(5) Зрелище этих мучений постоянно возобновлялось, и какая была тут злоба! Людей, со связанными за спиной руками, подвешивали к столбам и воротом растягивали все их конечности, затем палачам отдавалось приказание искалечить им своими орудиями всё тело: не только бока, как убийцам, но и живот, и ноги, и щеки. Подвешивали за одну руку к колонне портика: это растяжение суставов и членов было

самой страшной мукой. Привязывали к колоннам лицом и так, чтобы ноги не касались земли: под тяжестью тела узы натягивались и сильнее его сжимали.

(6) Мученики терпели это не только в то время, пока правитель их допрашивал и занимался ими, а в течение почти целого дня, когда он переходил к другим, а первых предоставлял надзору своих помощников: не сдастся ли кто-нибудь, побежденный пытками. Приказано было также безжалостно усугублять их мучения, а умирающих снимать и волочить по земле.

(7) У них не было и тени снисхождения к нам: они думали о нас и обращались с нами так, словно мы сущее ничтожество.

(8) После этих мучений придумали другую пытку: укладывали на доску и растягивали за обе ноги до четвертой дыры; приходилось поневоле лежать навзничь, потому что все тело было в ранах от ударов. Бросали людей на землю и заставляли их лежать под страхом возобновления мучений. Страшное зрелище представляли их тела с разными следами от пыток.

(9) Так всё и шло: одни умирали в пытках, посрамляя врага своей выдержкой; другие, запертые полумертвыми в тюрьме, умученные, умирали через несколько дней. Остальные, через лечение восстановив свои силы, становились дерзновеннее, (10) так что когда им предлагали на выбор: или прикоснуться к мерзкой жертве и остаться в живых, получив от врагов достойную проклятия свободу, или же, не принося жертвы, выслушать смертный приговор, – они без колебания радостно шли на смерть. Они знали, что определено в Святом Писании: «Кто приносит жертву другим богам, да будет истреблен» и «Да не будет у тебя других богов, кроме Меня».

(11) Таковы слова истинного мудреца и боголюбивого мученика, которые он написал братьям своей епархии из тюрьмы накануне вынесения смертного приговора. Он рассказывал, чему был подвергнут, и одновременно убеждал братьев крепко держаться веры Христовой после его кончины, которая скоро последует.

(12) Но к чему слова? Зачем к рассказам о подвигах, совершаемых преподобными мучениками по всей вселенной, прибавлять рассказ еще о других подвигах, тем более, что речь пойдет о людях, с которыми обращались не по закону, общему для всех, а как с врагами?

ГЛАВА 11

(1) Маленький фригийский городок, населенный христианами, окружили солдаты и сожгли его дотла вместе с детьми и женщинами, взывавшими к Богу Вседержителю, сожгли потому, что все жители города: сам градоправитель, военачальник с прочими магистратами и весь народ – исповедали себя христианами и не послушались приказа поклониться кумирам.

(2) Некий Адавкт, человек высокого звания, потомок знатного италийского рода, удостоенный от императоров всех этих так называемых почестей и общественных должностей, безупречно исполнявший обязанности управляющего хозяйством всей страны, прославился и своей правой верой, и исповеданием Христа, Сына Божия. Он украсился венцом мученика, выдержав подвиг за веру еще во время исполнения своей должности.

ГЛАВА 12

(1) Зачем упоминать мне по именам остальных, пересчитывать множество людей или описывать многоразличные мучения дивных мучеников? Одних, как в Аравии, зарубили секирами; другим, как в Каппадокии, ломали ноги; иногда подвешивали головой вниз и разводили под ними слабый огонь: люди задыхались в дыму, поднимавшемся от горячих сучьев, как случилось в Месопотамии; а иногда, как в Александрии, им отрезали носы, уши, руки и уродовали другие члены и части тела.

(2) Вспоминать ли антиохийских мучеников, которых поджаривали на раскаленных решетках с расчетом не сразу их умертвить, а подольше мучить; другие предпочитали положить в огонь правую руку, чем прикоснуться к мерзкой жертве. Некоторые, избегая испытания и не дожидаясь, пока их схватят враги, бросались вниз с высоты дома: в сравнении с жестокостью безбожников такая смерть казалась счастливым жребием.

(3) Была в Антиохии некая святая и дивная по своей душевной добродетели женщина, известная красотой, богатством, родовитостью и доброй о себе славой. Двух своих дочерей воспитала она в правилах истинной веры; были они в расцвете юности и красоты. Злобные завистники всеми силами старались выследить, где они скрываются. Узнав, что они живут в другой стране, их хитростью вызвали в Антиохию, и они попали в ловушку, расставленную воинами. Мать, видя в безвыходном положении себя и детей, изобразила дочерям все те же ужасы, какие готовят им люди; самой страшной и непереносимой была угроза непотребным домом. Она сказала дочерям, что ни они, ни она и краем уха не должны слышать об этом, сказала, что предать свою душу в рабство демонам страшнее всякой смерти и хуже всякой гибели, и предложила единственный выход – бегство к Господу.

(4) Дочери утвердились в этой мысли, пристойно окутались своими плащами, на полпути попросили у стражи разрешения отойти немного в сторону и бросились в реку, протекавшую рядом.

(5) Таковы были эти женщины. В той же Антиохии жили две девушки, истинные сестры, во всем угодные Богу, известные родовитостью, славные жизнью, юные возрастом, прекрасные телом, высокие душой, благочестивые нравом, дивные ревностью. Прислужники демонов велели бросить их в море, словно земля не могла вынести их. Вот что рассказано о них.

(6) Страшно слушать, что терпели мученики в Понте: им загоняли под ногти на руках острые тростинки и прокалывали насквозь пальцы; расплавив свинец, поливали этим кипящим металлом спину, обжигая нежные части тела.

(7) Некоторым постыдно и бесчувственно причиняли невыразимые страдания во внутренностях и тайных органах. Благородные законопослушные судьи, выставляя напоказ свои способности как некую мудрость, с великим усердием придумывали, какую бы новую пытку изобрести, и старались превзойти друг друга, словно в состязании за награду.

(8) Но пришел и предел нашим бедствиям: отказываясь впредь прибавлять зло ко злу, устав убивать, пресытившись проливаемой кровью, они обратились к тому, что, по их мнению, было хорошо и человеколюбиво, – стали притворяться, будто уже не затевают против нас ничего ужасного.

(9) Не следует, говорили они, осквернять города кровью их граждан и давать повод обвинять в жестокости императоров, ко всем милостивых и кротких; надлежит распространить на всех благодеяния человеколюбивой царской власти и никого больше не казнить. Это наказание по человеколюбию властителей к нам больше не применяли.

(10) Но тогда же последовал приказ вырывать глаза и увечить одну ногу.

Это было для них мерой человеколюбивой и наказанием нам легчайшим. Вот следствие этого человеколюбия нечестивых: невозможно пересчитать людей, у которых, вопреки всякому здравому смыслу, выбивали мечом правый глаз, а затем прижигали глазницу, и у которых левая нога от прижигании суставов переставала действовать. После этого их отправляли в провинцию на медные рудники – не столько для работы, конечно, сколько для изнурения и мучения.

Кроме всех этих мучеников, были и еще погибшие в других подвигах.

Невозможно их перечислить; мужество их превосходит всякое описание.

(11) В таких-то состязаниях просияли по всей вселенной преподобные Христовы мученики, всюду, естественно, поражавшие тех, кто видел их мужество. В них проявлена была воистину Божественная неизреченная сила Спасителя нашего. Назвать каждого по имени было бы долго, вернее, невозможно.

ГЛАВА 13

(1) Из предстоятелей Церквей, свидетельствовавших о Христе в крупных городах, первым занесем на скрижали членов Царства Христова Никомидийского епископа Анфима, которому отрубили голову.

(2) Из мучеников Антиохии мы почитаем тамошнего пресвитера Лукиана, человека превосходного по всей жизни своей, который в присутствии императора проповедовал о Небесном Христовом Царстве сначала словесно, в апологии, а затем своими поступками.

(3) Из финийских мучеников назовем как самых знаменитых, возлюбленных Богом пастырей духовных овец Христовых: Тиранниона, епископа Тирской Церкви, пресвитера сидонского Зиновия и Сильвана, епископа Церквей в окрестностях Эмисы.

(4) Последний был брошен на съедение зверям и сопричислен к лику мучеников в самой Эмисе; первые два прославили в Антиохии Божественное учение своим терпением до самой смерти: епископ был брошен в пучину морскую, а Зиновий, славный врач, скончался, мужественно перенеся пытки, которым подвергали его бока.

(5) Из палестинских мучеников Сильвана, епископа Церквей в окрестностях Газы, вместе с тридцатью девятью христианами обезглавили в медных рудниках Фена; там же Пелий и Нил, египетские епископы, скончались вместе с другими на костре.

(6) Да будет упомянут вместе с ними и пресвитер Памфил, великая слава Кесарийской Церкви, среди наших современников человек удивительнейший; о его славной деятельности мы напишем в свое время.

(7) Из славно скончавшихся в Александрии, по всему Египту и в Фиваиде первым запишем Петра, епископа Александрийского, дивного учителя веры Христовой, и вместе с ним пресвитеров Фавста, Дия и Аммония, совершенных мучеников Христовых, также Филеаса, Исихия, Пахимия и Феодора, епископов Церквей египетских, и тысячи других славных христиан, которых помнят в местных Церквах. Написать о них, по всей вселенной подвизавшихся за веру, и в точности о них рассказать не входит в мою задачу; это дело людей,

видевших то своими глазами. О событиях, при которых я присутствовал, напишу к сведению наших современников в другом труде.

(8) В настоящем сочинении я добавлю к сказанному обзор всего, что было предпринято против нас с начала гонения: для читателей это очень полезно.

(9) Пока римские власти не начали борьбу против нас, в те времена, когда правители были к нам дружелюбны и мирны, как они были богаты, как благоденствовали! Слов не хватит рассказать об этом! Вселенские владыки отмечали десятилетие и двадцатилетие своего царствования празднествами, общими торжествами, блистательными пиршествами и ликованием – кругом был глубокий, прочный мир.

(10) Власть их с каждым днем беспрепятственно росла и ширилась, как вдруг они отказались от мира с нами и начали непримиримую войну. Не прошло среди этих волнений и двух лет, как у тех, кто стоял у власти, всё изменилось и все опрокинулось вверх дном.

(11) На первого из упомянутых обрушилась злая болезнь, помутившая его разум, он и второй по нем окончили жизнь простыми гражданами. События эти еще не пришли к своему завершению, как всё государство разделилось на две части: такого на людской памяти еще не было.

(12) Прошло еще немного времени, и император Констанций, который всю свою жизнь был к подданным кроток и милостив, а к Божественному учению очень расположен, оставив после себя императором и августом родного сына Константина, скончался, по общему для всех закону природы. Он первый был причислен к богам и у достоин после смерти всех подобающих императору почестей. Был он самым добрым и кротким из всех императоров.

(13) Он единственный из современников достойно провел все время своего правления, явив себя и в остальном для всех доступным и ко всем милостивым.

Он вовсе не участвовал в войне против нас, оберегал своих подданных христиан от вреда и обид, не разорял церквей и ничего иного против нас не придумывал. И конец жизни его был счастливым и трижды блаженным: он единственный скончался славным и

благостным правителем, оставив преемником родного сына, весьма разумного и благочестивого.

(14) Сын его, Константин, был сразу провозглашен самодержцем и августом воинами, но еще прежде их – Богом Вседержителем. Он ревностно следовал отцу в своем отношении к нашей вере. Таким человеком был Константин. Но тут, с общего решения правителей, самодержцем и августом объявлен был Лициний.

(15) Это жестоко обидело Максимина, который тогда один из первых именовался кесарем. Был он совершеннейшим деспотом, сам себе присвоил титул августа и стал им собственной своей волей. В это же время позорнейшей смертью погиб тот, о котором было сказано, что он после отречения опять стал у власти; его уличили в попытке умертвить Константина. Он был первым, чьи почетные статуи, портреты и вообще все, что положено по обычаю, как дань человеку нечестивому и безбожному, были уничтожены.

ГЛАВА 14

(1) Сын его, Максентий, тиранически правил в Риме; сначала он, желая понравиться народу и польстить ему, притворился, будто держится нашей веры, приказал своим подданным прекратить гонение на христиан и, изображая себя благочестивым, принял вид правителя доступного и более кроткого, чем предыдущие.

(2) На деле он оказался не таким, каким, думалось, он будет. В каких только нечестивых делах он себя ни обнаружил: грязь и всяческое распутство, разврат и растление; он разлучал законных супругов, издевался над женщинами позорнейшим образом и отсылал их обратно к мужьям. И обижал он не простых, неизвестных женщин, но преимущественно жен сенаторов, занимавших в сенате первые места.

(3) Все – простой народ и магистраты, славные и безвестные – трепетали его и страдали от его жестокой тирании. Люди, однако, оставались спокойны и переносили горькое рабство; не было избавления от забрызганного кровью жестокого тирана. По какому-то ничтожному предлогу он отдал народ на избиение своей охране; тысячи римлян были перебиты в центре города – не скифами и варварами, а копьями и всяким оружием своих сограждан.

(4) Невозможно перечислить, сколько сенаторов он казнил, чтобы завладеть их имуществом; очень многие были уничтожены под разными вымышленными предлогами.

(5) Преступления свои он увенчал обращением к магии; для своих чародейств он то разрезал чрево беременных женщин, то рылся во внутренностях новорожденных, а иногда убивал львов и гнусными молитвами молил демонов отвратить войну. На эти средства и возлагал он всю надежду на победу.

(6) Он властвовал в Риме как тиран, и нельзя и выразить, до какой степени поработил он своих подданных; такой крайней скудости и недостатка в съестных припасах никогда, по воспоминаниям наших современников, не бывало ни в Риме, ни в других местах.

(7) Максимин, тиран Востока, заключил с римским, как с братом по злодейству, тайный союз, думая, что он надолго останется в тайне.

Позднее он был изобличен и понес заслуженную кару.

(8) Удивительно, в каком близком родстве и братстве по несчастию находился он с тираном римским; злодейством он, правда, побеждал, был первым. Первые из чародеев и магов удостоились у него высочайших почестей, так как был он крайне боязлив и суеверен и весьма почитал языческие заблуждения относительно идолов и демонов: шага не делал без гаданий и прорицаний.

(9) Поэтому он взялся преследовать нас чаще и сильнее своих предшественников; приказал воздвигать храмы в каждом городе, а капища, от времени обветшавшие, старательно восстанавливать; по всем местам и городам назначил идольских жрецов и поставил над ними в каждой провинции верховного жреца, выбрав его из магистратов, наиболее прославившихся всякими щедротами, и определив ему для охраны воинский отряд. Всем чародеям без разбора, как благочестивым любимцам богов, он раздавал крупные должности и большие привилегии.

(10) Начав с этого, он стал мучить и угнетать не какой-нибудь один город или область, а все без исключения подвластные ему провинции тяжелейшими налогами, вымогательством сказочного количества золота, серебра и других сокровищ и всяческими несправедливостями. Отбирая у богатых людей состояние, нажитое их предками, он одаривал придворных льстецов сразу грудами сокровищ.

(11) Его страсть к вину и пьянству дошла до такой степени, что на пиршествах он напивался до потери сознания и отдавал в пьяном виде приказания, в которых на следующий день, протрезвившись, сам каялся. Он никому не уступал в пьянстве и распутстве, стал учителем злонравия для управителей и слуг в своем окружении; уничтожил дисциплину в войске, приучив солдат к изнеженной и роскошной жизни; правителей и военачальников, едва не властвовавших вместе с ним, поощрял грабить подданных и наживаться на них.

(12) Вспоминать ли о его неистовом и позорном сладострастии, или перечислять множество им опозоренных? Он не мог миновать ни одного города, чтобы не обесчестить женщин и не похитить девиц.

(13) Это сходило ему с рук у всех, только не у христиан: они презирали смерть и ни во что ставили такую тиранию. Мужчин жгли, закалывали, распинали, бросали диким зверям и топили в морской пучине, отрубали им части тела и прижигали каленым железом,

выкалывали глаза и вырывали их, делали совершенными калеками и еще морили голодом и, заковав, отправляли в рудники – всё терпели они за веру, лишь бы поклоняться не идолам, а Богу.

(14) Божественное слово сделало женщин мужественными как мужчины:

одни, выдержав такие же подвиги, получили равную награду за свое мужество; другие, влекомые на поругание, скорее предавали душу смерти, чем тело растлению.

(15) Одна из женщин, предназначенных служить сластолюбию тирана, христианка, очень известная и блиставшая в Александрии, победила страстную и безудержную душу Максимина своей мужественной твердостью.

Она славилась богатством, родовитостью, образованием и сочла все это второстепенным сравнительно с целомудрием. Он умолял и упрашивал ее, но был не в силах убить готовую к смерти; побеждаемый более страстью, чем гневом, он наказал ее ссылкой и забрал всё ее имущество.

(16) Тысячи других, будучи не в силах даже слышать о непотребном доме, которым угрожали правители провинций, терпели всяческие пытки и мучения и были приговорены к смерти. Удивительные были эти женщины, но особого удивления заслуживает одна римлянка, действительно благороднейшая и самая целомудренная из всех женщин, которых пытался обидеть тамошний тиран Максентий, действовавший так же, как Максимин.

(17) Когда она узнала, что прислужники тирана, которым поручались такие дела, окружили ее дом (а была и она христианкой) и что муж ее, префект Рима, согласился из страха на то, чтобы ее взяли и увели, она попросила маленькой отсрочки, будто для того, чтобы принарядиться, пришла в комнату и, оставшись одна, вонзила в себя меч и тут же скончалась, оставив совратителям свой труп. Делами, которые громче всяких слов, показала она и современникам и потомкам, что для христиан единственное сокровище – добродетель: она не гибнет и непобедима.

(18) Столько зла в преизбытке было совершено одновременно двумя тиранами, разделившими между собой Восток и Запад. Кто же, ища причину таких бедствий, усомнится увидеть ее в преследовании

христиан, тем более, что вся эта сумятица кончилась, как только христиане вздохнули свободно?

ГЛАВА 15

(1) В течение десяти лет преследования все время возникали заговоры и вспыхивали междоусобные войны. Море стало непроходимо: не было случая, чтобы людей, откуда бы они ни плыли, не подвергали всяким истязаниям: их подвешивали, терзали «когтями» и всячески пытали, допрашивая, не подосланы ли они вражеской стороной, и в конце концов распинали или сжигали.

(2) Повсюду готовили щиты, панцири, стрелы, копья и прочее воинское снаряжение; строили военные корабли и делали оружие, потребное для морских битв. Только войны и можно было ежедневно ожидать. И еще обрушились на них чума и голод, о чем мы расскажем в свое время.

ГЛАВА 16

(1) Вот что происходило во все время преследования; на десятом году оно, по милости Божией, совсем прекратилось, а затихать стало на восьмом году.

Когда явлено было по Божественной небесной благодати милосердное о нас смотрение, те же самые правители, которые раньше затеяли против нас войну, удивительно переменились в своих мыслях и стали поступать совсем иначе, гася широко распространившийся пожар гонения благосклонными к нам эдиктами и снисходительными распоряжениями.

(2) Дело тут было не в людях: действовало не сострадание, как мог бы кто-нибудь сказать, не человеколюбие властителей – ничуть нет! – ежедневно ведь от начала и до нынешнего часа измышлялись против нас самые жестокие меры, против нас пускались в ход разнообразные средства.

(3) Здесь был явно виден Божественный Промысл: отношение людей к нам изменилось, виновник всего зла был наказан. Постигла его Божия кара:

началось с телесной болезни, а завершилась она душевной.

(4) Вдруг на тайных членах его появился нарыв, затем в глубине образовалась фистулообразная язва, от которой началось неисцелимое разъедание его внутренностей. Внутри кишели несметные черви, и невыносимый смрад шел от его тела. Еще до болезни стал он от обжорства грузным и ожиревшим; невыносимым и страшным зрелищем была эта разлагающаяся масса жира.

(5) Те врачи, которые вообще не могли вынести это страшное и нестерпимое зловоние, были убиты; других, которые ничем не могли помочь этой раздувшейся глыбе и отчаялись спасти ее, безжалостно казнили.

ГЛАВА 17

(1) Поняв в этих страданиях, какие преступления совершал он против христиан, он собрался с мыслями, призвал Бога Вседержителя, а затем, созвав окружавших его, велел немедленно прекратить гонение на христиан и царским указом и распоряжением побудить их строить церкви и совершать обычные службы, творя молитвы за императора.

(2) Сразу же за словами последовало дело – по городам развешаны были царские распоряжения, отменявшие прежние указы против нас:

(3) «Император кесарь Галерий Валерий Максимин, непобедимый, август, великий понтифик, великий победитель германцев, великий победитель Египта, великий победитель Фиваиды, великий пятикратный победитель сарматов, великий (двукратный) победитель персов, великий (двукратный) победитель карпатов, великий шестикратный победитель армян, великий победитель Мидии, великий победитель Адиабены, трибун в двадцатый раз, император в девятнадцатый, консул в восьмой, отец отечества, проконсул, (4) и император кесарь Флавий Валерий Константин, благочестивый, благополучный, непобедимый, август, главный великий понтифик, трибун в пятый раз, император в пятый раз, консул, отец отечества, проконсул, и император кесарь Валерий Ликиниан, благочестивый, благополучный, непобедимый, август, великий понтифик, трибун в четвертый раз, император в третий, консул, отец отечества, проконсул, – жителям своих провинций желаем здравия.

(6) Среди мер, принятых нами на благо и пользу народов, сначала решили мы восстановить все у римлян, согласно древним законам и общественным установлениям, заботясь о том, чтобы христиане оставили учение своих предков и образумились.

(7) В силу измышлении исполнились они такой самоуверенности, что не следуют установлениям древних и, может быть, даже тому, что принято было их родителями. Каждый живет по собственному усмотрению, как хочет: они сочинили сами себе законы, соблюдают их и составляют по разным местам различные общества.

(8) Поэтому и последовало наше им повеление вернуться к установлениям предков; очень многие из них подверглись смертельной опасности, большое число было потревожено и умерло разной смертью.

(9) Увидев, что многие, пребывая в своем безумии, не воздают подобающего поклонения ни богам небесным, ни Богу христиан, мы, по нашему человеколюбию и неизменной привычке даровать всем прощение, решили незамедлительно распространить наше снисхождение и на христиан: пусть они остаются христианами, пусть строят дома для своих собраний, не нарушая только общественного порядка. В другом послании мы объясним судьям, что им надлежит соблюдать.

(10) И в соответствии с этим разрешением христиане должны молиться своему Богу о благоденствии нашем, всего государства и своем собственном:

да будет все хорошо в государстве и да смогут они спокойно жить у своего очага».

Таково содержание этого эдикта, который мы перевели, как смогли, с латинского языка на греческий. Пришло время взглянуть на события последующие.

Дополнение (1) Автор этого указа, после своего признания, вскоре избавился от своих страданий и скончался. Идет молва, что он был главным виновником бедствий во время гонения, что еще задолго до воцарения остальных императоров он заставлял воинов-христиан, а прежде всего своих придворных, отречься от веры; военных одних лишал звания, других бесчестил и оскорблял, а иным грозил и смертью и наконец подстрекнул своих соправителей начать гонение на всех христиан вообще. Нельзя обойти молчанием и конец их всех.

(2) Власть разделили между собой четыре властителя. Не прошло и двух лет с начала гонения, как двое, первые по возрасту и достоинству, отреклись от власти и, как было сказано выше, прожили остаток своей жизни простыми гражданами. Конец их жизни был таков:

(3) первого по достоинству и возрасту извела длительная мучительнейшая телесная болезнь; второй после него оборвал свою жизнь повесившись; такой конец был предсказан и демоном за множество его легкомысленных преступлений.

(4) Последний из остальных, зачинщик всего гонения, претерпел страдания, о которых мы рассказали. Предшествовавший ему император Констанций, самый добрый и кроткий, достойно провел всё время своего властвования, единственный из всех показал себя доступным и благодетельным; он не принимал участия в войне против нас и своих подданных христиан оберегал от бед, не разрушал церквей, вообще не предпринимал ничего против нас; конец его жизни был счастливым и трижды блаженным, и он единственный оставил в благополучии и славе власть своему родному сыну, мудрому и благочестивому. Сразу же войско провозгласило его самодержцем и августом; по отношению к нашей вере он был ревнителем отцова благочестия.

Так в разное время ушли из жизни упомянутые выше четыре правителя.

(6) Из них один, о котором мы говорили недавно, незадолго до своей смерти, соединившись с теми, кто вскоре стал у власти, признал свои заблуждения и обнародовал приведенный нами указ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

ГЛАВА 1

(1) Отмена прежнего царского распоряжения была обнародована по всей Асии и по соседним провинциям. Пока события так и шли, Максимин, тиран на Востоке – был ли еще на свете такой безбожник – неистовый враг Христовой веры, раздосадованный писаным указом, в ответ на обнародованное распоряжение, устно приказал своим подчиненным прекратить войну с нами.

Идти наперекор решению сильнейших было ему никак нельзя, и он скрыл изданный закон, не желая, чтобы о нем знали в областях, им управляемых, а устно распорядился своим подчиненным прекратить гонение. Они сообщали этот приказ друг другу письменно.

(2) И вот Сабин, занимавший должность верховного префекта, объявил правителям отдельных провинций царскую волю в послании, написанном по-латыни:

(3) «В величайшем и священнейшем рвении своем божественные владыки наши, богоподобные самодержцы, давно уже поставили направить мысли всех людей на путь святой и праведной жизни, дабы и те, кто, по-видимому, живет не по обычаям римлян, воздавали бессмертным богам подобающие им почести.

(4) Непреклонность некоторых, однако, и упрямство их замыслов дошли до того, что их нельзя ни отклонить от собственных решений разумным и справедливым приказом, ни устрашить предстоящим наказанием.

(5) Так как подобный образ жизни может многих ввергнуть в опасность, то божественные владыки наши, могущественнейшие самодержцы, по благородству врожденного им благочестия, сочли чуждым для своего божественного предназначения ввергать людей по такой причине в опасность и велели мне, набожному, уведомить тебя, проницательного, что если найдется какой-либо христианин, соблюдающий веру своего народа, то избавь его от беспокойства и опасности и не вздумай никого наказывать под этим предлогом, ибо уже в течение столь долгого времени установлено, что их никоим образом нельзя убедить отказаться от своего упорства.

(6) Озаботься поэтому написать кураторам, стратегам и начальникам кварталов каждого города, что они в своей деятельности должны держаться в пределах предписанного этим указом».

(7) После этого правители провинций, решив, что этим посланием подтверждается императорский указ, объявили в письменных распоряжениях царскую волю кураторам, стратегам и деревенским старшинам; предписания еще раньше предварили делом: выполняя до конца царскую волю, вывели на свет Божий сидевших по тюрьмам за веру, отпустили тех, кто в наказание был сослан в рудники. Считая, что император действительно всего этого хочет, они ошибались.

(8) Так шли события; внезапно, словно среди глубокой ночи, загорелся свет:

в каждом городе можно было видеть собрания верующих, очень большие съезды и во время их обычные церковные службы. Любой язычник немало смущался этим, удивлялся невероятной перемене и провозглашал единым истинным и великим Бога христиан.

(9) Те из наших, кто с верой мужественно вынес борьбу и прошел через гонение, опять получили возможность свободно говорить перед всеми; те, кто ослабел в вере и был захлестнут бурей, радостно и спешно устремились к исцелению; хватаясь за спасающую руку, они упрашивали прибывших в силе молить Бога, да смилостивится над ними.

(10) Благородные борцы за веру, избавленные от мучений в рудниках, возвращались к себе; бодрые, сияющие проходили они через города, исполненные несказанной радости и того чувства свободы и дерзновения, которое невозможно передать словом.

(11) Многочисленные толпы встречали их на больших дорогах и городских площадях и, хваля Бога, сопровождали с пением гимнов и песен. Те, кого совсем недавно ты мог увидеть в цепях, присужденных к жестокому наказанию, высылаемых из родных мест, возвращались с радостными и светлыми лицами к себе домой, и даже те, кто раньше грозил нам смертью, видя это изумительное зрелище, случившееся вопреки всем ожиданиям, радовались вместе с нами.

ГЛАВА 2

Упомянутый правитель Востока, тиран, ненавистник прекрасного, враг всякого добра, будучи не в состоянии перенести это, не позволил удержаться такому положению вещей и в течение шести полных месяцев. Вот как он придумал нарушить мир: прежде всего под каким-то предлогом запретил нам собираться на кладбищах; затем, подстрекнув каких-то злых людей, он снарядил посольство к самому себе от антиохийцев, заранее подучив просить у него, как величайшей милости, запрещения жить в их родном городе любому христианину; к такой же просьбе побуждал он и других. Главарем всего этого в Антиохии оказался Феотекн, страшный чародей и лукавый, недостойный своего имени человек. Он, кажется, был куратором города.

ГЛАВА 3

Он, главным образом, и вел против нас войну, усердно, всякими способами охотясь на нас, словно на мерзких воров, которых вытаскивают из их тайных убежищ. Он возводил на нас всякую клевету и был виновником гибели множества наших. Наконец, с помощью какого-то колдовства и чародейства он водрузил кумир Дружественного Зевса, придумал в его честь какие-то нечестивые таинства, чудовищные мистерии, преступные очищения. До самого царя доводил он выдумки о своих, будто бы сбывшихся, предсказаниях.

И он же, льстя властелину, в угоду ему возбуждал против нас демона и говорил, что этот бог повелевает изгнать христиан, как своих врагов, из города и окрестных деревень.

ГЛАВА 4

(1) Феотекн был первым, кто действовал обдуманно и планомерно.

Остальные магистраты, жившие в этой же провинции, торопились принять подобное же постановление; правители провинций, видя, что это угодно царю, предписывали подчиненным действовать таким же образом.

(2) И когда тиран ответил рескриптом, в котором выражал полное удовлетворение их действиями, вновь вспыхнуло гонение на нас. В каждом городе самим Максимином поставлены были идольские жрецы и над ними верховные жрецы, выбранные из наиболее известных граждан, отличившихся во всех городских магистратурах. Они прилагали великое старание к поддержанию службы тем, кого чтили.

(3) Чрезвычайное, коротко говоря, суеверие властелина побуждало всех его подданных – и правителей и управляемых – в угоду ему всячески вредить нам; в расчете на благодеяния с его стороны ему сделали величайшее угождение:

потребовали убивать нас и придумывать новые мучения.

ГЛАВА 5

(1) Измышлены были тогда «Акты Пилата» – записки, полные всяческой хулы на Христа; по указанию властелина списки этих «Актов» разослали по всей подвластной ему стране с приказом поместить их всюду по деревням и городам на виду у всех; учителям же, вместо занятий учебными предметами, велели читать их в школах и заставлять учеников выучивать наизусть.

(2) Пока эти распоряжения выполнялись, военный правитель Дамаска Финикийского (у римлян он называется дуком) велел схватить на площади несколько непотребных женщин и заставил их под угрозой пыток письменно заявить, что они были раньше христианками и знают, что христиане преступники, что они творят непотребства в самих церквах; вообще в оклеветание нашей веры они сказали все, что он хотел. Прибавив к «Актам» их показания, он сообщил о том царю, который распорядился обнародовать и это дело по всем местам и городам.

ГЛАВА 6

(1) Этот военачальник вскоре покончил с собой: понес наказание за свое злонравие. Опять стали нас жестоко изгонять и преследовать; по всем провинциям принимали против нас жестокие меры; некоторые наиболее известные христиане были безоговорочно приговорены к смерти. Трое из Эмесы Финикийской, объявившие себя христианами, были брошены в пищу зверям; одним из них был епископ Сильван, глубокий старец, несший свое служение целых сорок лет.

(2) В это же время Петр, славно управлявший Александрийской епархией, дивный для епископов образец добродетельной жизни и глубокого знания Писания, был без всякого основания схвачен и без малейшего промедления, сразу же беспричинно обезглавлен, будто бы по приказу Максимина. Вместе с ним также были казнены многие епископы из Египта.

(3) Пресвитер Антиохийской Церкви Лукиан, человек прекрасной строгой жизни, погруженный в священную науку, был приведен в Никомидию, где тогда находился царь. Он выступил перед магистратом с апологией учения, за которое был схвачен; его увели в тюрьму и убили.

(4) Такое зло причинил нам за короткое время ненавистник добра Максимин, что гонение, возбужденное им, стало казаться нам тяжелее прежнего.

ГЛАВА 7

(1) Посреди каждого города (никогда такого не бывало) стояли бронзовые колонки, на которых были выгравированы городские постановления против нас и царские ответные эдикты; у детей в школах не сходили с языка имена Иисуса, Пилата и его «Акты», выдуманные в поношение Христа.

(2) Мне кажется необходимым поместить здесь сам эдикт Максимина, приведенный на колонках, чтобы разом стала ясна тщеславная и надменная дерзость его богоненавистничества и ненависть ко злу и безбожию неусыпной святой правды, шедшей за ним по пятам. Гонимый ею, он вскоре принял другие решения и закрепил их в писаных законах.

(3) Перевод Максиминова эдикта, изданного в ответ на постановления против нас; взято с колонки в Тире (копия):

«Бессильно некогда дерзавшая человеческая мысль наконец, прогнав и рассеяв туман бессмысленного заблуждения, которое перед этим держало в плену губительного мрачного невежества чувства людей, не столько нечестивых, сколько несчастных, обрела силу и поняла, что всё управляется и утверждается благодетельным промыслом бессмертных богов.

(4) Не выразить словами, сколь радостно, сколь приятно и любезно нам это великое доказательство вашей благоговейной любви к богам. И прежде было всем известно, как вы благочестивы и как преданы бессмертным богам; вашу веру узнают не по утратившим смысл пустым словам – ее прославляют непрестанные и удивительные дела.

(5) Поэтому-то ваш город недаром зовется храмом и жилищем бессмертных богов. Многие примеры свидетельствуют, что своим процветанием он обязан обитающим в нем богам. И вот теперь, заметив, что начинают вновь шевелиться эти люди, исполненные проклятого тщеславия и как бы в оставленном и потухающем костре своими факелами снова возбуждающие огромное пламя, вы пренебрегаете собственными важными делами, забываете о своих прежних просьбах и сразу же, без всякого промедления прибегаете к

нашему благочестию, как к прибежищу всех религий, прося исцеления и помощи.

(7) Ясно, что эту спасительную мысль за вашу благочестивую веру внушили вам боги; это он, всевышний и великий Зевс, блюститель вашего великолепного города, охраняющий от беды и гибели ваших отеческих богов, ваших жен, детей, родной ваш дом и очаг, да, он вдохнул в ваши души это спасительное желание, показывая и давая знать, сколь превосходно, великолепно и спасительно обращаться к бессмертным богам, с подобающим благоговением служить им и приносить жертвы.

(8) Найдется ли такой глупец или вовсе лишенный разума человек, который не понимал бы, что всё происходит по благодетельной воле богов: земля не отвергает вверяемых ей семян и не обманывает надежд земледельцев тщетным ожиданием; нечестивая война не вперяет беспрепятственно в землю свой взор; тяжелый климат не поражает смертью иссохшие тела; море, взволнованное бурными ветрами, не вздымается горой; неожиданные ураганы не обрушиваются губительной бурей; наконец, земля, всеобщая кормилица и мать, не выступает в страшных содроганиях из своего лона, а возвышающиеся на ней горы не поглощаются разверзшимися безднами. Все знают, что такие и гораздо тягчайшие бедствия до этого времени часто случались, (9) и всё это по вине губительного заблуждения и пустого тщеславия этих беззаконников, окрепшего в их душах и, можно сказать, державшего под гнетом позора чуть не всю землю».

(10) Потом немного ниже он добавляет: «Пусть воззрят они на обширные равнины, волнующиеся колосьями, на луга, где благодатные дожди взрастили траву и яркие цветы, на погоду, нам дарованную, мягкую, умеренную.

(11) Да возрадуются же все, что это устроено благодаря вашему благочестию, вашим жертвам и почитанию всемогущего и крепчайшего Арея!

Да смогут все спокойно наслаждаться миром! А те, кто перестал блуждать вслепую и вернулся к правильному и наилучшему образу мыслей, да возрадуются еще больше, как люди, спасшиеся от нежданной бури, избавившиеся от тяжелой болезни и получившие возможность наслаждаться жизнью!

(12) Если же они останутся в этом проклятом пустом заблуждении, то да будут, как вы о том просили, изгнаны далеко за пределы вашего города и его окрестностей, дабы в соответствии с вашим достохвальным горячим желанием ваш город, избавившись от всякой скверны и нечестия, обратился, по врожденному своему расположению, к благоговейному служению бессмертным богам.

(13) А чтобы вы знали, как любезна нам была эта ваша просьба, без промедления, без просьбы, по собственному побуждению нашей исполненной благоговения души, мы предлагаем вам, благочестивые люди, в ответ на вашу любовь к богам просить у нас любой великой милости.

(14) Согласитесь только сделать это, и получите всё без промедления.

Оказанная вашему городу милость будет весь век свидетельствовать о вашем благочестии и любви к богам, а для ваших сыновей и потомков послужит доказательством, что по нашей благосклонности вы получили достойную награду за избранный вами жизненный путь».

(15) Этот указ, направленный против нас, был развешан по всем провинциям; надеяться на что-либо доброе, от людей по крайней мере, было нечего: по слову Божию, «если возможно, то даже избранные соблазнятся».

(16) Большинство перестало ожидать хорошего, и вдруг, когда еще в пути были люди, обязанные обнародовать эдикт против нас, Господь, Защитник Святой Церкви, не только обуздал высокомерие тирана по отношению к нам, но и послал небесную нам помощь.

ГЛАВА 8

(1) Обычные во время зимы ливни и дожди не орошали землю в прежнем количестве; неожиданно обрушились голод, чума, к тому же появилась новая болезнь – язва, сопровождавшаяся огненным жаром и за эту особенность названная «антракс». Распространяясь по всему телу, она грозила великой опасностью. Проявлялась она преимущественно на глазах и сделала слепыми бесчисленное множество мужчин, женщин и детей.

(2) К этим бедствиям присоединилась еще война с армянами; их, людей, издавна бывших друзьями и союзниками Рима, притом христиан, и христиан ревностных, этот богоборец попытался принудить к жертвоприношениям идолам и демонам и этим сделал их вместо друзей врагами и вместо союзников – неприятелями.

(3) Все это обрушилось сразу, в одно и то же время, посрамляя богопротивную кичливость самонадеянного тирана, дерзко утверждавшего, что при нем не будет ни голода, ни чумы, ни войны, ибо он чтит идолов и теснит нас. Все эти бедствия, случившиеся вместе и одновременно, предварили его гибель.

(4) Сам он вместе со своими войсками терпел неудачи в войне с армянами; жители подвластных ему городов были вконец замучены чумой и голодом:

мера пшеницы стоила 2500 аттических драхм.

(5) Тысячи людей умирали в городах, а еще больше в деревнях и селах; из цензовых списков, куда раньше внесено было большое число земледельцев, пришлось чуть ли не всех вычеркнуть: почти все погибли от недостатка еды и от чумной болезни.

(6) Обменивали у более зажиточных самые любимые свои вещи на крохотное количество пищи; распродав по мелочам свое имущество, доходили до крайней нищеты; жевали клочки сена; съев иногда, не разбирая, ядовитые растения, разрушали свое здоровье и гибли.

(7) Знатных горожанок нужда заставила забыть стыд: они выходили на площади и просили милостыни; краска стыда на лице и

изящество одежды говорили о том, что они получили хорошее воспитание.

(8) Люди, иссохшие, похожие на призраки, боролись со смертью; шатаясь, скользя, не имея сил стоять, они падали на улицах и, лежа ниц, молили подать им кусок хлеба; до последнего вздоха выкрикивали они, что голодны: сил у них хватало только на этот горестный вопль.

(9) Пораженные множеством просящих, люди, по-видимому, состоятельные сначала щедро помогали, но под конец впали в состояние бесчувственности и жестокосердия, ожидая в скором времени той же горькой участи. По площадям и улицам много дней валялись без погребения голые мертвецы – зрелище для глядевших весьма жалостное.

(10) Некоторые даже стали пищей для собак. Остававшиеся в живых стали убивать собак, боясь, как бы они, рассвирепев, не сделались людоедами.

(11) Чума наравне с голодом пожирала целые семьи, особенно те, которые, имея запасы съестного, не страдали от голода. Поэтому правители, военачальники и многочисленные магистраты, жившие в достатке, словно нарочно оставленные голодом в добычу чуме, умирали мучительной и скорой смертью. Везде стенания – на улицах, рынках и площадях, всюду только плач, обычные звуки флейт и биение себя в грудь.

(12) Таким образом, воюя двумя названными орудиями: чумой и голодом, – смерть за короткое время скосила целые семьи: из одного дома выносили сразу двух-трех умерших.

(13) Так расплатился Максимин за свое высокомерие и обнародованные по городам постановления против нас, а между тем все язычники видели ясные доказательства благочестия христиан и их деятельной заботы о каждом.

(14) Среди этих безысходных бедствий они одни на деле обнаружили свою сострадательность и человеколюбие: ежедневно и безотказно достойным образом хоронили умерших (о многих некому было позаботиться), в каждом городе собирали вместе изголодавшихся людей и раздавали им хлеб, так что все признали Бога христиан и стали говорить, что только христиане – люди благочестивые и любящие Бога и что они засвидетельствовали это своими делами.

(15) Когда события приняли такой оборот, Господь, великий и небесный защитник христиан, явив через указанные бедствия Свой грозный гнев на всех людей, послал нам за то, что мы от них в избытке претерпели, светлый луч Своего Промысла, словно в глубоком мраке чудесным образом засиял для нас свет посланного Им мира, чтобы всем стало ясно, что Господь Сам блюдет нас во всех делах: наказывает Свой народ, когда нужно, испытывает его, но затем, достаточно вразумив его, являет Себя кротким и милостивым к тем, кто возлагает на Него свои надежды.

ГЛАВА 9

(1) Именно поэтому Константин, царь благочестивый, сын царя, как мы говорили, благочестивейшего и мудрейшего, а за ним Лициний, оба украшенные разумом и благочестием, волей Бога Вседержителя и Спасителя нашего, пошли справедливой войной на нечестивейших тиранов, и Бог чудесным образом стал им помощником. В Риме в войне с Константином пал Максентий; на Востоке Максимин, не долго переживший его, погиб позорнейшей смертью от Лициния, который тогда был еще в здравом уме.

(2) Константин, первый в царстве по почету и положению, сжалился над жителями Рима, находившимися во власти тирана. Призвав в молитвах на помощь Бога Небесного и Его Слово, Спасителя всех, Самого Иисуса Христа, выступил он со всем войском для возвращения римлянам свободы, полученной ими от предков.

(3) Максентий, больше полагаясь на искусство чародеев, чем на расположение подданных, не осмеливался и шагу ступить за городские ворота; каждое место, каждый город, окрестности Рима и вся порабощенная им Италия были забиты его бесчисленными гоплитами и тысячами воинских отрядов. Царь же выступил, надеясь на помощь Божию; в первом, втором и третьем сражениях он одержал полную победу, прошел большую часть Италии и был совсем близко от Рима.

(4) И, словно избавляя его от войны с римлянами, вызванной тираном, Господь, будто какой цепью, вытащил тирана весьма далеко от городских ворот.

И вот наказание, постигшее в древности нечестивцев – большинство этому не верит, считая сказкой, но верующие верят запечатленному в Священном Писании, – предстало во всей очевидности верующим и неверующим, узревшим чудо своими глазами.

(5) Как во времена Моисея и некогда благочестивого народа еврейского «Господь ввергнул в море колесницы фараоновы, и войско его, и отборных всадников его и, погрузив в Чермное море, покрыл их волнами», так и Максентий со своими гоплитами и охраной «канули в бездну, как камень».

Убегая от Константинова войска, подкрепляемого силой Божией, он должен был перейти встретившуюся на пути реку; соединив оба ее берега очень хорошим мостом из лодок, он приготовил собственную гибель.

(6) О нем можно сказать: «Вырыл ров, и углубил его, и упал в яму, которую сделал. Обратится болезнь его на главу его, и на темя его сойдет неправда его».

(7) Мост, соединявший берега реки, разошелся, стал погружаться в воду, лодки вместе со всеми людьми сразу пошли ко дну, и первым – нечестивейший из людей, а за ним и оруженосцы, с ним бывшие; сбылось предсказание Божие.

«Утонули, как свинец, в великих водах».

(8) Справедливо, если не словами, то делом, подобно спутникам великого служителя Божия – Моисея, укрепляемые Богом победители воспели песнь, составленную против древнего нечестивого тирана: «Воспоем Господу, ибо Он славно прославился: коня и всадника вверг в море. Господь мой помощник и покровитель во спасение мое. Кто, Господи, подобен Тебе среди богов?

Прославлен Ты среди святых, дивен среди славных Ты, творящий чудеса!» (9) Вот так или подобно этому воспел Константин в делах своих Бога, Верховного Владыку, даровавшего победу. С победными песнопениями вступил он в Рим, и все, вместе с женами и детьми, сенаторы, видные магистраты со всем римским народом встретили его с веселыми лицами и сердцами, как избавителя, освободителя и благодетеля, приняли с громкими восклицаниями и беспредельной радостью.

(10) Он же, словно по врожденному благочестию, не был потрясен криками и не превознесся от похвал; прекрасно понимая, что от Бога подана помощь, он распорядился изобразить себя держащим в руке победное знамение Страстей Спасителя. И когда на самом людном месте Рима была воздвигнута ему статуя со спасительным символом в правой руке, он приказал начертать под ней следующую надпись на латинском языке:

(11) «Этим спасительным знамением, истинным свидетельством мужества, я освободил ваш город и спас его от ига тирана, а освободив, вернул сенату и римскому народу прежние блеск и славу» (12) После этого Константин и с ним Лициний, еще не впавший в

безумие, впоследствии им овладевшее, почитая Бога дарователем всех ниспосланных им благ, единодушно издали закон, для христиан совершенно превосходный.

Они послали его Максимину, который еще правил на Востоке и заискивал передними, сообщив также о чудесах, посланных им в помощь, и о победе над тираном.

(13) Тирана Максимина очень огорчили эти сведения. Он не хотел, однако, чтобы думали, будто он отступает перед другими и отменяет прежние приказы из страха перед новыми распоряжениями; поэтому он разослал подвластным ему правителям указ в пользу христиан, составленный будто бы по доброй воле, а на самом деле вынужденный, лживо повествующий о том, что им никогда не было ни сказано, ни сделано.

Перевод указа тирана Максимина (копия) (1) Иовий Максимин август – Сабину. Тебе, человеку важному, и всем людям, думаю, известно, что владыки и отцы наши Диоклитиан и Максимиан, узнав, что почти все люди оставили служение богам и присоединились к народу христианскому, справедливо постановили всех, отступивших от почитания богов, в науку другим, наказывать и призывать к служению богам.

(2) Когда же я благополучно прибыл впервые на Восток и узнал, что очень много людей, способных служить государству, по вышеуказанной причине выслано куда-то судьями, я отдал каждому судье приказ впредь ни с кем из христиан, жителей провинций, не поступать жестоко, но возвращать к служению богам убеждениями и лаской.

(3) Судьи, следуя приказу, стали соблюдать мои распоряжения, и никто в восточных областях не был ни выслан, ни обижен, и люди, не чувствуя угнетения, охотно возвращались к почитанию богов.

(4) Затем, когда в прошлом году я благополучно прибыл в Никомидию и оставался там, жители этого города пришли ко мне со статуями богов и усиленно просили меня никоим образом не разрешать таким людям жить в их родном городе.

(5) Узнав же, что в этих областях живет много людей этой веры, я дал им такой ответ: просьба их доставила мне большое удовольствие, но я не вижу, чтобы она исходила ото всех. И если есть люди, упорствующие в этом суеверии, то пусть каждый по желанию своему

держится того, что предпочел, а кто пожелает, пусть обратится к служению богам.

(6) Точно так же жителям Никомидии и остальных городов, обратившимся ко мне с такой же горячей просьбой: да не живет никто из христиан в их городах, – я вынужден был милостиво ответить, ибо все прежние самодержцы соблюдали такое положение, и самим богам, которыми держатся все люди и само государство, было угодно, чтобы я утвердил прошение, поданное в защиту веры в богов.

(7) Тем не менее тебе, человеку благочестивому, очень часто отправляемы были указы и давались также приказания не притеснять жителей провинций, соблюдающих подобные обычаи, но обходиться с ними спокойно, не давая себе воли; пусть также не терпят ни от бенефициариев, ни от кого бы то ни было обид или вымогательств. Я решил в соответствии с этим напомнить тебе, что лаской и убеждением ты скорее обратишь к вере в богов жителей наших провинций.

(8) И если кто по собственному выбору решит, что должно верить в богов, то таких людей надлежит принимать благосклонно; если же кто желает следовать своей вере, оставь его жить по собственной воле.

(9) Поэтому ты должен соблюдать то, что тебе ведено: никому не разрешается обижать жителей наших провинций и что-либо у них вымогать, ибо, как выше написано, следует призывать их к вере в богов больше лаской и убеждением. А чтобы этот указ наш дошел до сведения всех, ты должен обнародовать его собственным распоряжением».

(10) Максимин действовал вынужденно, по необходимости, а не по убеждению; никто не считал его правдивым и заслуживающим доверия: и раньше за подобным же снисхождением у него обнаруживалась лживость и шаткость мысли.

(11) Никто из наших не решался ни собирать собраний, ни действовать открыто: судя по указу, это было нежелательно. Было приказано только не оскорблять нас, но не разрешалось прямо ни устраивать собраний, ни строить церквей, ни вообще исполнять наших обычных обрядов.

(12) И хотя защитники мира и благочестия писали ему, что позволяют это, и сами эдиктами и законами объявляли о таком позволении своим подданным, но великий нечестивец предпочел не

сдаваться и только постигнутый судом Божиим вынужден был под конец согласиться против воли.

ГЛАВА 10

(1) Подвигла его к этому такая причина: он был не в состоянии нести бремя высшей власти, не по заслугам полученной, – не хватало благоразумия и государственного ума; дела он вел глупо и неизменно, по своей пустой хвастливости, превозносил себя. Он осмелился выступить против своих соправителей и притязал на первое место, тогда как они превосходили его всем: и родовитостью, и воспитанием, и образованием, достоинством, мудростью и, что важнее всего, благоразумием и верой в истинного Бога.

(2) Совершенно потеряв разум, он нарушил договор, заключенный с Лицинием, и повел непримиримую с ним войну. За короткое время он всё привел в движение, взбудоражил все города и всё войско, собрал неисчислимые тысячи воинов и, выстроив их в боевом порядке, двинул на врага, уповая на демонов, которых считал богами, и с горделивой уверенностью полагаясь на тысячи своих гоплитов.

(3) Вступив в сражение, он оказался без Божией помощи; единый Господь и Вседержитель распорядился победой, даровав ее тогдашнему властелину.

(4) Сначала он потерял гоплитов, на которых особенно надеялся; копьеносцы, его охранявшие, бросили его, одинокого и беззащитного, и перебежали к победителям. Несчастный, поспешно сняв не подобающее ему царское убранство, трусливо, низко и малодушно скрылся в толпе, а затем, прячась, скитался по селам и деревням, с трудом скрываясь от врагов, заботясь только о своем спасении. Делами своими подтвердил он верность и истинность Божественного пророчества: «Не спасет царя великое войско, и не спасется исполин огромной силой своей. Ненадежен конь для спасения, в могуществе своем не спасется. Вот очи Господни на боящихся Его и уповающих на милость Его, что Он души их спасет от смерти».

(6) Покрытый позором, возвратился тиран в свои области. Прежде всего, в неистовом гневе он казнил, как чародеев, обманщиков и предателей, многих жрецов и пророков тех богов, которых раньше чтил и чьи предсказания ввергли его в войну. Затем, воздав славу Богу христианскому, он издал совершеннейший и самый полный закон,

обеспечивающий им свободу. И вскоре – никакой отсрочки ему не было дано – умер он жалкой смертью.

Изданный им закон был следующий.

Перевод указа тирана в пользу христиан с латинского языка на греческий (копия) (1) «Император кесарь Гай Валерий Максимин, победитель германцев и сарматов, благочестивый, счастливый, непобедимый, август. Верим, что каждому известно и ясно, если он мысленно вернется к прошлому, что мы всячески и неизменно заботились о благе жителей наших провинций и стремились обеспечить им то, что для них наиболее выгодно, что относится к общему их благу, что соответствует общей пользе и приходится по душе каждому.

(2) Еще раньше дошло до нашего сведения, что, ссылаясь на распоряжения, данные божественными нашими предками Диоклитианом и Максимианом и запрещавшие собираться христианам, официалы занимались вымогательством и грабежом и что зло это разрастается в ущерб жителям, в то время как мы особенно стараемся иметь ревностное о них попечение. Видя, что имущество частных лиц вконец разграбляется, мы в прошлом году отправили наш указ правителям каждой провинции и постановили законом: если кто желает следовать какому-то обычаю и хранить свою веру, пусть беспрепятственно держится того, что избрал; никто не смеет ни препятствовать ему, ни запрещать; он может свободно действовать без страха и подозрения так, как ему угодно.

(9) Кроме того, от нас не могло сейчас укрыться, что некоторые судьи не обращали внимания на наши приказания и заставили наших людей усомниться в наших распоряжениях и совершать с опаской богослужебные обряды; которые им приятны.

(10) Дабы впредь уничтожить всякие подозрения и всякий повод к страху, мы постановили обнародовать настоящий указ: пусть все знают, что желающим следовать такому учению и исповедовать такую веру разрешается, по милости нашей, пребывать в той вере, какая ему привычна и им выбрана, как кому желательно или приятно. Разрешается также строить и церковные дома.

(11) А чтобы еще усугубить нашу милость, решили мы законом постановить следующее: если какие дома и земли принадлежали раньше по праву христианам, а по приказу предков наших перешли во

владение казны, или были присвоены каким-то городом, или проданы, или кому-то отданы в подарок, то мы приказываем вернуть их христианам в прежнее владение – да видят все наше благочестие и нашу попечительность».

(12) Таковы были слова тирана, последовавшие менее чем через год после того, как были развешаны его указы против христиан. Тот, кто совсем недавно считал нас губительной язвой для всех, нечестивцами и безбожниками, для которых закрыты были и города, и деревни, и даже пустыни, теперь издавал постановления и законы в пользу христиан. Недавно перед его глазами христиан жгли, закалывали, бросали в пищу зверям и птицам, всячески мучили, обрекая на жалкую смерть, как безбожников и нечестивцев; теперь они получают от этого же тирана согласие на свое богослужение, позволение строить церкви и признание некоторых своих прав.

(13) После этого признания, как бы в награду, он пострадал меньше, чем следовало бы ему пострадать. Пораженный сразу бичом Божиим, он погиб во втором сражении.

(14) Умер он не так, как умирают военачальники, руководящие ходом войны, храбро сражающиеся за своих близких и ради славы; они мужественно умирали славной смертью на поле битвы. Этот же нечестивый богоборец в то время, как войско его стояло в поле, готовое биться за него, оставался дома и, скрываясь, понес заслуженное наказание: бич Божий внезапно хлестнул его по всему телу; в страшных, невыносимых страданиях лежал он навзничь и почти умирал от голода; всё тело его таяло в невидимом огне, посланном Богом; целиком исчез, словно растаял, прежний его облик, остались одни сухие кости, нечто вроде старого скелета. Все присутствовавшие смотрели на его тело не иначе, как на могилу души, погребенной в совершенно разрушившемся трупе.

(15) Огонь, исходивший из самого мозга, жег его еще сильнее; глаза выкатились у него из орбит – он стал слепым. Однако он еще дышал и призывал смерть, исповедав Господа. Наконец, осознав, что он справедливо страдает за жестокость к христианам, он испустил дух.

ГЛАВА 11

(1) Итак, Максимин, последний и из всех самый жестокий враг христиан, никому больше не мешал. Церкви, по милости Бога Вседержителя, поднимались с самого основания своего; учение Христово распространяло свой свет во славу Божию и пользовалось большей, чем раньше, свободой; нечестивые враги веры покрылись крайним бесчестием и позором.

(2) Прежде всего властители объявили Максимина врагом всех; в государственных, всюду развешанных, манифестах он назывался нечестивейшим, ненавистнейшим и богопротивнейшим тираном. Портреты, расставленные по всем городам в его честь и в честь его детей, либо сбрасывали сверху наземь и затаптывали, либо замазывали черной краской; статуи, поставленные в его честь, тоже ниспровергали, разбивали в куски и выбрасывали для посмеяния и поругания.

(3) Затем лишены были всех почестей и прочие враги нашей веры; перебиты все единомышленники Максимина, в первую очередь те, кого он почтил званием правителей и кто, льстя ему, грубо оскорблял наше учение.

(4) Таковы были: Певкетий, из его друзей особо почтенный, наиболее уважаемый и самый верный, дважды и трижды бывший консулом и назначенный управляющим государственной казной; Кулькиан, также прошедший все правительственные должности, прославившийся тем, что пролил в Египте кровь множества христиан. Было немало и других, содействовавших поддержанию и усилению тирании Максимина.

(5) Божий суд поразил и Феотекна: его поступки в отношении христиан не были преданы забвению. Водрузив в Антиохии идола, он рассчитывал благоденствовать; от Максимина был он удостоен высокой власти.

(6) Лициний, прибыв в Антиохию, стал разыскивать чародеев и, пытая пророков и жрецов новоявленного идола, старался выведать, как сумели они придумать этот обман. Те, измученные пытками, не могли умолчать и объявили, что вся мистерия – это обман, придуманный

Феотекном. Все понесли заслуженное наказание; первым казнен был Феотекн, а затем, после многих пыток, и прочие сообщники его волшебства.

(7) К ним присоединены были и дети Максимина, которых он сделал своими соправителями и выставлял на портретах наряду со своими изображениями. И родственники тирана, бывшие прежде надменными и мучившие людей, претерпели то же самое и были покрыты позором, потому что они не приняли учения, не познали и не уразумели совета, данного Священным Писанием: «Не надейтесь на князей, на сынов человеческих, в которых нет спасения. Изойдет дух их и возвратится в землю свою; и в тот день погибнут все помышления их».

После такой гибели нечестивых твердая и огражденная от зависти царская власть по справедливости осталась только в руках Константина и Лициния.

Истребив прежде всего враждебное Богу и осознав дарованные им от Него блага, они любовь свою к Нему и к добродетели, расположение к Божественному благочестию и благодарности доказали через издание законов в пользу христиан.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

ГЛАВА 1

(1) Богу Вседержителю и Владыке благодарение за все, величайшая же благодарность Спасителю и Искупителю душ наших Иисусу Христу, через Которого мы всегда молим о непоколебимой твердости среди мирских тревог и душевных обстояний.

(2) С молитвой присоединяем мы к предшествующим книгам Церковной истории эту, десятую, и посвящаем ее тебе, Павлин, человеку для меня священному, да будешь ты как бы печатью всего нашего труда.

(3) Уместно будет книгу, помеченную этим совершенным числом, завершить торжественным словом о возобновлении церквей. Повинуясь велению Духа Божия: «Воспойте Господу песнь новую, ибо Он сотворил чудеса.

Его десница и святая мышца Его спасла Его. Явил Господь спасение Свое, открыл перед народами правду Свою».

(4) Повинуясь этому велению, воспоем новую песнь, ибо после мрачных зрелищ и ужасных повествований мы удостоились видеть и славословить то, что многие, жившие до нас, истинные праведники и мученики Божий желали видеть на земле и не видели, хотели слышать и не слышали.

(5) Впрочем, эти люди поспешили получить награду гораздо большую: они восхитили себе в удел райское блаженство на небесах. Сознаем, что мы получили вовсе не по заслугам; мы приведены в величайшее изумление благодатью Подателя столь великих даров, благоговеем перед Ним всей душой и свидетельствуем истину Писания, в котором говорится: «Придите и видите дела Господа, какие чудеса сотворил Он на земле: прекращая войны до края земли, сокрушил лук, и переломил копье, и щиты сжег огнем». Радуясь, что воочию исполнилось это на нас, продолжим наш труд.

(7) Исчез (каким образом, об этом рассказано) весь род богоненавистников, он стерт с лица земли, и вновь исполнилось слово Божие: «Видел я нечестивца величающегося и превозносящегося, как кедры ливанские. Я прошел мимо, и вот не было его; я искал место его и не нашел».

(8) Теперь светлый и ясный день, не омрачаемый никаким облаком, озарил лучами небесного света церкви Христовы по всей земле. Даже тем, кто чужд нашему братству, ничто не мешает пользоваться, если не всецело, то хотя бы долей того, что даровано нам от Бога.

ГЛАВА 2

(1) Все люди освободились от власти тиранов, избавились от прежних бедствий. Каждый исповедовал единого истинного Бога, поборника благочестивых, но у нас, возлагавших свою надежду на Христа, Сына Божия, радость была несказанная; каждое место, еще недавно опустошенное нечестием тиранов, дышало дивным ликованием, словно оживая после длительной смертельной заразы; мы видели, как от основания поднимались церкви, возносясь на недосягаемую высоту в красоте большей, чем у церквей, разрушенных прежде.

(2) Между тем верховные правители издавали одно за другим постановления, расширявшие и укреплявшие великие дары Божий. Епископы лично получали от императора послания, почести, деньги. Уместно, пожалуй, в свое время начертать в этой книге, как на священной скрижали, перевод этих посланий с латинского языка на греческий, чтобы сохранились они в памяти потомков.

ГЛАВА 3

(1) И вот, наконец, мы увидели то, о чем молились, чего так хотели:

празднование в городах обновления и освящения только что построенных храмов, съезды епископов на эти празднования, стечение из различных стран разных народов, взаимно дружески расположенных, объединение членов Тела Христова в один состав.

(2) Согласно таинственному пророческому предсказанию о будущем, кость соединялась с костью, сустав с суставом; загадочные слова сбылись неложно.

(3) Одна и та же сила Духа Божия проникала всех, всех одушевляла одна и та же ревностная вера; одной и той же песнью все восхваляли Бога.

Богослужение предстоятелей и священнодействие священников стали совершенными, церковные обряды сделались благолепными; пение псалмов и слушание слов, переданных нам от Бога, сменяла Божественная таинственная служба с ее неизреченными символами спасительных Страстей.

(4) Люди всякого возраста, мужчины и женщины, обрадованные и укрепленные молитвой и благодатью, всей душой, всем умом величали Бога, Подателя благ. И каждый из присутствовавших предстоятелей произносил приветственную речь и, в меру своих сил, старался возвышать дух собрания.

ГЛАВА 4

(1) Некий человек, в меру одаренный, написал слово и, выйдя на середину, в церковном собрании, произнес его в присутствии многочисленных пастырей, слушавших его внимательно и благопристойно, обращаясь к одному из них, почтеннейшему, боголюбезному епископу, усердием которого выстроен был в Тире храм, самый прекрасный в Финикии.

Торжественное слово, сказанное Тирскому епископу Павлину по поводу созидания церквей.

(2) «Друзья Божий и священники, облекшиеся в священный подир, получившие венец небесной славы, Божественное помазание и священническую одежду от Духа Святого! И ты, новое украшение храма Божия, почтенный от Бога старческой мудростью, явивший в делах и действиях своих силу цветущей юности, тот, которого Сам Господь, содержащий всю вселенную, почтил великой честью: ты воздвиг на земле дом Христу, Единородному и Перворodному Сыну Божию, Его Слову, и Его Святой и Божественной Невесте!

(3) Называть ли тебя новым Веселиилом, строителем Божественной Скинии, или Соломоном, царем нового прекраснейшего Иерусалима, или новым Зоровавелем, сообщившим Божию храму новую, большую славу?

(4) И вы также, овцы священного стада Христова, обитель добрых словес, училище смиренномудрия, боголюбезные и досточтимые слушатели!

(5) Раньше, внимая Священному Писанию, узнавая о чудесных проявлениях Божественного милосердия к людям, могли мы, получив такой урок, воспевать Богу: «Боже, мы слышали ушами своими, отцы наши возвещали нам о деле, какое сотворил Ты во дни их, во дни древние».

(6) А ныне не по рассказам, не с чужих слов, мы сами созерцаем небесную десницу всемилостивого Вседержителя нашего; своими глазами в действительности видим, как в точности сбывается то, о чем с давних времен передавали по памяти. Ныне нам прилично воспеть

другую победную песнь и громко воскликнуть: «Как слышали мы, так и увидели во граде Господа сил, во граде Бога нашего».

(7) В каком же граде, как не в этом, только что построенном, богозданном, «который есть Церковь Бога Живого, столп и утверждение истины», о котором так возвещает другое Божественное слово: «Славное возвещается о тебе, град Божий»? И так как всемилостивый Господь благодатью Своего Единородного Сына собрал нас в этом храме, то пусть каждый из призванных славословит и взывает: «Возрадовался я, когда сказали мне: «пойдем в дом Господень».

Господи, возлюбил я благолепие дома Твоего и место жилища славы Твоей».

(8) И не только каждый порознь, но все вместе, единым духом и единым сердцем возвеличим и благословим Его, говоря: «Велик Господь и всехвален во граде Бога нашего, на святой горе Его». Да, воистину Он велик и велик дом Его, высокий и просторный, благолепен видом пред очами сынов человеческих.

«Велик Господь, единый творящий чудеса»; велик «творящий великое и непостижимое, славное и чудное без числа; велик изменяющий времена и лета, низлагающий царей и поставляющий их, поднимающий нищего и бедного из грязи». Он низложил сильных с престолов и вознес смиренных от земли, алчущих исполнил благ и сокрушил руку гордых».

(9) Не только верующим, но и неверным подтвердил Он правдивость древних преданий. Он, Творец чудес, Совершитель великих дел, Владыка всего, Создатель всего мира, Вседержитель, Всеблагий, один и единственный Бог.

Ему воспоем песнь новую, Ему, «единому творящему чудеса великие, ибо вовек милость Его; поразившему царей великих и убившему царей сильных, ибо вовек милость Его. Вспомнил нас Господь в уничижении нашем и избавил нас от врагов наших».

(10) Да не устанем благословлять таким образом Отца всяческих.

Прославим в песнях и второго Виновника наших благ, Иисуса, Началоположника богопознания, Учителя истинного благочестия, Сокрушителя нечестивых, Карателя тиранов, Исправителя жизни нашей, спасшего нас, отверженных.

(11) Он один, как Единородный, всеблагой Сын всеблагого Отца, подражая Отеческому человеколюбию, с совершенной готовностью принял нашу природу, находившуюся в бездне погибели. И, как искуснейший врач, который ради спасения больных смотрит на страшное, касается отвратительного и за чужие страдания сам подвергается скорби, Он вылечил нас, не только больных, замученных страшными язвами и гнойными ранами, но уже поглощенных смертью, и исхитил из ее челюстей. Ни у кого из небожителей не было такой силы, чтобы невредимо совершить дело такого спасения.

(12) Он один не убоялся того, как глубоко мы испорчены и как поэтому страдаем; один понес наши болезни, один возложил на Себя наказание за наше нечестие, поднял нас из могил и гробниц даже не полумертвых, но уже разложившихся и зловонных; один прежде и теперь, превыше всякой нашей надежды, по Своему великому человеколюбию спас нас и вручил нам изобильные блага от Отца, Он – Податель жизни, ведущий к свету, наш великий Врач, Царь и Господь, Христос Божий.

(13) Некогда весь род человеческий погибал, блуждал в непроглядной ночи и в глубоком мраке под влиянием преступных богоненавистных демонов Он явился и развязал крепкие узы наших беззаконий – они расплавились, словно воск на солнце.

(14) И теперь, когда так велика благодать и оказано столько милости, ненавистный демон, виновник зла и враг добра, вооружил против нас все свои смертоносные силы. И прежде всего, подобно лютому псу, который грызет зубами бросаемые в него камни и обращает свою ярость на бездушные предметы, которыми, защищаясь, в него бросают, он в зверском своем безумии кинулся на камни и на бездушный состав, из которого были построены храмы, в надежде опустошить через то наши Церкви. Затем его страшный посвист и змеиное шипение послышались и в угрозах нечестивых тиранов, и в кощунственных распоряжениях злочестивых правителей. И еще он изрыгнул смерть (она его создание), отравлял губительным и смертоносным ядом уловленные им души, почти умерщвлял их посредством пагубного жертвоприношения бездушным идолам и возбудил человекообразного зверя, всячески свирепствовавшего против нас.

(15) Тогда великого Совета Ангел, великий Вождь Божий, опять внезапно явился вместе с мужественными воинами Своего Царства, достаточно закаленными в терпении и выдержке; все враги и противники исчезли, превратились в ничто, так что погибло и само имя их; друзей же и близких Своих Он прославил не только перед всеми людьми, но и перед небесными силами, перед солнцем, луной и звездами, перед всем небом и космосом.

(16) И вот теперь, чего прежде никогда не было, верховные цари, сознавая, что свой почетный жребий получили они от Бога, плюют в лицо бездушным идолам, попирают беззаконные установления демонов, осмеивают древние заблуждения предков и признают только единого Бога, Благодетеля всех и их самих, исповедуют Христа Сыном Божиим, Царем всех и всего, называют Его Спасителем в надписях, поставленных в середине царствующего города, царственно начертывают, для неизгладимой памяти, дела Его и победы над нечестивыми. Теперь единого от вечности Иисуса Христа, Спасителя нашего, величайшие земные властители почитают не как обычного царя, поставляемого людьми, но как истинного Сына Бога Вседержителя и поклоняются Ему как Богу.

(17) И по справедливости. Кто из бывших когда-либо царей настолько велик, что его имя произносят все люди и оно звучит у всех в ушах? Какой царь, дав такие мудрые и благочестивые законы, смог достаточно ознакомить с ними всех людей, чтобы услышали их от края земли и до пределов вселенной?

(18) Чьи кроткие и человеколюбивые законы изменили варварские и грубые нравы диких народов? С кем целые века боролись все, и чья сверхчеловеческая мощь ежедневно обновляется во всем расцвете?

(19) Кто разместил не в каком-то забытом углу земли, а по всей подсолнечной народ, о котором от века не было слышно? Кто оружием благочестия так оградил своих воинов, что в состязаниях с врагами душа их оказалась крепче алмаза?

(20) Кто из царей настолько могуществен, чтобы и после смерти вести свои войска, воздвигать знамения победы в каждой стране, в каждом городе эллинском и варварском и наполнять их царственными зданиями – Божиими храмами, благолепными, полными даров, как и этот храм? Они воистину величественны, достойны восторга и удивления и ясно свидетельствуют о Царстве Спасителя нашего, ибо и

сейчас «Он сказал, – и сделалось; Он повелел, – и явилось», ибо что могло противиться воле Вышнего Царя и Владыки, воле Самого Слова Божия? Но подробное объяснение и раскрытие этого предмета требует особого времени и слова.

(21) Однако, сколь бы высоко не оценил усердие строителей этого храма прославляемый нами Бог, Он взирает и на наш одушевленный храм и созидает Себе дом из крепких живых камней. Его дом прочно утвержден «на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем», который злые строители отвергли не только при созидании древнего, более не существующего, но и ныне во многих людях находящегося храма. Отец же, избрав этот камень, положил его во главу угла общей нашей Церкви.

(22) Под этим великим и поистине боголепным святилищем я разумею живой, созданный из нас самих храм Живого Бога, в котором самое внутреннее, сокровенное и для многих невидимое, как истинно святое и святая святых, кто дерзнул бы изобразить, хотя бы и увидел? Кто мог бы даже заглянуть за священную его завесу, кроме единого великого вселенского Первосвященника, Который один имеет право исследовать тайны разумной души?

(23) Может быть, то же позволено и другому, занимающему второе по Нем место, именно этому первенствующему вождю воинства, которого Сам великий Первосвященник почтил вторым местом священства в этом храме, пастырю вашего боголюбивого стада, доставшегося ему по жребию и суду Отца, как Божию служителю и провозвестнику, новому Аарону или Мелхиседеку, носящему на себе образ Сына Божия и общими молитвами всех вас имеющему сохранить его навсегда.

(24) Ему одному, после великого Первосвященника, должно принадлежать, если не первое, то второе место в надзоре и наблюдении за внутренними движениями ваших душ. Долговременный опыт позволил ему обстоятельно изучить каждого из вас, ревностно и заботливо внушил он вам расположение к порядку и благочестию и в том, что при помощи Божией совершил, может удобнее, чем кто-либо другой, дать отчет, соответствующий делам его.

(25) Наш великий Первосвященник сказал: «Что видит Отца творящего, то творит и Сын». Так и этот архиерей чистыми очами разума взирает на Первого, как на учителя, и что Он творит, то служит

для него образцом, который он и воспроизводит с наивозможной точностью, ни в чем не уступая Веселиилу, которого Сам Господь исполнил духом премудрости, разума и всякого знания в искусствах и науках и призвал его к строительству храма, передав в символах небесные первообразы.

(26) Так, всецело нося в своем сердце образ Христа, Который есть Слово, Мудрость и Свет, он воздвиг этот дивный храм Богу Всевышнему, по образцу храма лучшего, насколько видимое может передать невидимое. А с каким высоким чувством создал он это, какой богатой и щедрой рукой, какое при этом рвение и великодушие все вы показали своими пожертвованиями, с каким усердием старались быть ничем не ниже его замысла – того и выразить невозможно.

Нельзя умолчать и о том, что прежде всего он не презрел этого места, по умыслу врагов, заваленного всякой мерзостью, и не уступил злобе людей, бывших причиной этого. В городе можно было найти множество мест, где и работать было бы легко, и не требовалось хлопот.

(27) Но он сперва приступил к делу сам, затем воодушевил своим усердием весь народ и, заставив руки всех действовать заодно, начал работу с этого первого подвига. Он считал, что Церковь, на которую особенно обрушились враги, которая прежде всех испытала скорби, вынесла те же гонения, что и мы, должна, как мать, лишившаяся детей, быть щедро одарена Подателем всех благ.

(28) Итак, отогнав всех зверей, волков и всё кровожадное и лютое племя и, как говорит Священное Писание, «сокрушив челюсти львов», этот великий пастырь решил собрать своих чад воедино и построил приличный двор для своего стада, «чтобы постыдить врага и мстителя» и изобличить нечестивую дерзость богоборцев.

(29) Теперь с этими богоненавистниками покончено, как будто их и не было.

Ниспровергнув всё за краткий срок, они и сами оказались ниспровергнуты и претерпели наказание: совершенно погубили себя, друзей и домашних, так что оправдались древние пророчества, начертанные на священных скрижалях.

Истинным и в остальном оказалось слово Божие о них:

(30) «Грешники извлекли меч и натянули лук свой, чтобы поразить бедного и нищего, убить праведных сердцем. Да войдет в их

сердце их меч и да сломаются луки их; погибла память о них с шумом, имя их Ты изгладил во век и во веки веков, ибо, пребывая в беде, возопили они, и не было спасающего, возопили к Господу, и Он не услышал их; скованы были ноги их, и они упали, а мы встали и стоим прямо». И на глазах у всех оправдалось предсказание:

«Господи, в граде Твоем Ты изничтожил образ их».

(31) Так кончили жизнь те, которые, подобно исполинам, восстали на Бога.

А забытая людьми пустыня за свое терпение по Боге стала такой, какой теперь видим, как пророчески возглашал о ней Исаия:

(32) «Возрадуйся, пустыня жаждущая, ликуй, пустыня, зацвети, как лилия!

И зацветет и возвеселится пустыня. Укрепитесь, руки опустившиеся и колена ослабевшие. Утешьтесь, малодушные, укрепитесь, не бойтесь. Вот Бог наш творит суд и будет творить его; Он придет и спасет нас, ибо забила в пустыне вода, и потоки – в земле жаждущей; безводная, она станет озером, и на жаждущей земле будут источники вод».

(33) Эти древние изустные предсказания были записаны в священных книгах, и теперь мы не только слушаем их, но видим их осуществление на деле.

Эта безводная пустыня, эта беззащитная вдова, у которой двери «изрубили топорами, как рубят в лесу дрова; разрушили секирой и бердышом». Книги ее уничтожили, «сожгли огнем святилище Божие, и на земле осквернили жилище имени Его. Все проходившие мимо грабили ее и ломали ограду ее, подрывал ее лесной кабан и объедал ее одинокий зверь». Эта пустыня дивной силой Христовой и Его волей процвела ныне, как лилия. Впрочем, и наказанию подвергалась она тогда по Его же воле, как заботливого Отца, ибо «кого любит Господь, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает».

(34) Наказанная в меру, как должно, получает она свыше повеление вновь возликовать; она расцветает, как лилия, и распространяет свое Божественное благоухание на всех людей, ибо «забила в пустыне вода» – источник Божественной и спасительной бани возрождения, и вот недавняя пустыня превратилась в озеро и по жаждущей земле потекла живая вода; руки, бессильно опустившиеся прежде, действительно окрепли; о крепости этих рук громко

свидетельствуют великие и очевидные дела. Ноги, раньше утомленные и слабые, пошли обычной походкой прямо по пути богопознания, спеша к родному стаду всеблагого Пастыря.

(35) Если же некоторые от угроз тиранов и упали духом, то спасительное слово и их не оставляет без помощи, но исцеляет их, убеждает искать утешения у Бога, говоря: «Утешьтесь, малодушные, укрепитесь, не бойтесь!» (36) Что эта церковь, ставшая по воле Божией пустыней, должна, по слову пророческому, после горького плена и мерзости запустения вкусить тех благ, это наш новый и доблестный Зоровавель услышал острым мысленным слухом.

Он не презрел это мертвое тело, но прежде всего умилостивил Отца общими единодушными молитвами, а затем, призвав в соработники Того, Кто воскрешает мертвых, воздвиг падшую, сначала очистив ее и избавив от бед. И он облачил ее в одежду не старую, издревле носимую, но ту, которая была ему хорошо известна из Божественных пророчеств, ясно говорящих: «И будет последняя слава храма этого больше первой».

(37) Для этой церкви предназначил он пространство гораздо обширнее прежнего, и оградил его крепкой стеной, чтобы огражденное место было безопасным убежищем для каждого; (38) поставил величественные и высокие врата, устремленные к лучам восходящего солнца, дав таким образом возможность и стоящим за священной оградой ясно созерцать внутреннее. Он как бы приглашает и людей, чуждых нашей вере, обратить взоры на первый вход, так что никто не пройдет мимо, не вспомнив с глубокой скорбью о прежнем запустении, не удивившись нынешнему чуду. Он надеялся, что человека, проникнутого этой скорбью, сам вид церкви побудит войти внутрь.

(39) Впрочем, вошедшему через врата внутрь он не позволил сразу же вступать в святилище нечистыми и неомытыми ногами, но, оставив между храмом и вратами ограды весьма большое место, украсил его со всех сторон четырьмя полукруглыми портиками и придал ему вид четырехугольника, поддерживаемого везде колоннами. В промежутках между ними устроил деревянные решетки соразмерной высоты, а пространство между портиками вверху оставил открытым, чтобы видно было небо и проходил свежий, освещаемый солнечными лучами воздух.

(40) Здесь, напротив храма, поместил он символы святого очищения, т. е. устроил источники, обильно дающие воду для омовения вступающим в церковный двор. Здесь останавливаются сначала все входящие и все видят эту благообразную красоту; это как раз место для нуждающихся в первоначальном наставлении.

(41) На смену этому виду – другой: множество внутренних преддверий ведет ко входу в храм; на стороне, обращенной к солнцу, он устроил три двери, причем среднюю сделал выше и шире боковых (они словно телохранители при царице), украсил ее бронзовыми, на железном основании изваяниями и резьбой.

(42) Точно такое же число преддверий расположено и в других портиках, по обеим сторонам храма; он придумал сделать над ними разные отверстия, чтобы зданию дать больше света, и украсил их тонкой деревянной резьбой.

Для самой базилики употребил он в изобилии материалы более драгоценные, не жалея никаких средств.

(43) Здесь, думаю, излишне описывать длину и ширину здания, его блистательную красоту и невыразимое величие, говорить о превосходных работах, мною только упоминаемых, о вздымающейся к небу вершине храма и о потолке его из драгоценных ливанских кедров, о которых не умолчало само Божие слово, говоря: «Возрадуются деревья Господни, кедры ливанские, которые Он насадил».

(44) Зачем мне повествовать подробно о мудром и искусном устройстве и красоте каждой части, когда свидетельство глаз делает излишним голос для слуха? Скажу только, что, завершив постройку храма, он украсил его возвышенными престолами в честь предстоятелей и, кроме того, сидениями, расположенными в стройном порядке по всему храму, а посредине поставил святая святых – жертвенник. Чтобы это святилище не для всех было доступно, он оградил его деревянной решеткой, искусно и тонко сработанной, приводящей в удивление созерцающих.

(45) Не обошел он вниманием и пол – покрыл его превосходным мрамором и затем уже перешел к внешним частям храма: устроил по обеим его боковым сторонам очень большие притворы и помещения, соединяющиеся проходами со средней его частью. Эти пристройки миролюбивый наш Соломон, строитель Божия храма, сделал для тех,

кто нуждается в очищении водой и Святым Духом, так что осуществилось в действительности пророчество, приведенное выше:

(46) «последняя слава храма этого превзошла первую». Впрочем, этому и надлежало быть: если Пастырь и Владыка Церкви принял за нее смерть и Тело, в которое Он облекся по причине ее нечистоты, после страданий преобразил в светлое и славное, т. е. искупленную плоть возвел из тления в нетление, то и Церковь должна была подобным же образом насладиться Домостроительством спасения. Приняв от Него гораздо лучшее обетование, она желает получить и гораздо большую славу пакибытия в воскресении нетленного тела, с ликами светлых ангелов, в пренебесном Царстве Божием вместе с Самим Христом Иисусом, Благодетелем всех и Спасителем, в будущем веке.

(47) Однако и в настоящее время, будучи некогда одинокой вдовицей, а потом, по благодати Божией украсившись цветами, Церковь стала, по словам пророка, воистину как бы лилией. Но выслушаем ее собственные слова, как она в одеянии невесты, с прекрасным венцом на голове вводится Исаией в хор, величающий Бога, Царя нашего, и воспевает Ему благодарственную песнь:

(48) «Да возрадуется душа моя о Господе; ибо Он облек меня в ризу спасения и одеждою веселия одел меня, как на жениха, возложил на меня венец, как невесту украсил меня убранством. И как земля производит растения свои и как сад произращает семена свои, так Господь проявит правду и славу перед всеми народами». Так ликует Церковь.

(49) Послушаем и то, как отвечает ей Небесный Жених, Слово, Сам Иисус Христос: «Не бойся, что покрыта позором, и не смущайся, что ты в поношении; ты забудешь вечный позор и не будешь более вспоминать поношения вдовства своего. Не как жену оставленную и малодушную призвал тебя Господь и не как жену от юности ненавистную, – говорит Бог твой. На краткое время оставил Я тебя и с великой милостью восприму тебя, – так сказал Господь, Избавитель твой.

(50) Восстань, восстань, испившая из рук Владыки чашу ярости Его; чашу падения и сосуд гнева ты испила до дна, и не было никого, кто бы утешил тебя, из всех детей твоих, которых ты родила, и не было никого, кто взял бы тебя за руку. Вот Я взял из руки твоей чашу

падения, сосуд гнева Моего – ты не будешь больше пить из него, Я отдам в твои руки обижавших тебя и тебя унижавших.

(51) Восстань, восстань, облекись в силу твою и облекись в славу твою, отряхни пыль и встань. Сядь и сними узы с шеи твоей. Возведи очи твои и погляди на собравшихся детей твоих. Вот собрались они и пришли к тебе.

Живу Я, – говорит Господь, – и всеми ими ты облечешься, как убранством, и нарядишься ими, как невеста, ибо пустыни твои, и развалины, и разоренная земля твоя будут теперь тесны для жителей и поглощавшие тебя удалятся от тебя.

(52) Скажут в уши твои сыновья твои, которых ты потеряла: тесно для меня место; отведи мне место, чтобы мне поселиться. И скажешь ты в сердце своем:

кто мне родил их? Я вдова и бездетна; кто же воспитал мне их? Я была брошена; где же они были?» (53) Вот что предсказал Исаия; так в священных книгах написано было о нас задолго. В неложности этих слов нам надлежало убедиться на деле.

(54) Если так приветствует Свою невесту, священную и святую Церковь, ее Жених, Слово Божие, то этот украситель невесты воздвиг ее, запустевшую, лежавшую ниц, лишенную всякой человеческой помощи, и восстановил вашими общими молитвами и вашими руками, по воле Вседержителя, через явление силы Иисуса Христа. Восстановив, он устроил ее так, как научили его священные пророчества. Велико и выше всякого изумления это чудо, (55) особенно для людей, обращавших внимание только на внешнее. Чудо же из чудес – в обновлении первообразов и мысленных боголепных образцов: я разумею Божественное и разумное здание души (56) Сын Божий создал его по собственному образу, во всех отношениях богоподобным, одарил природой нетленной, бестелесной, разумной, чуждой всякого земного вещества, как самосознательную сущность, которую, приведя однажды в бытие из небытия, Он сделал святой невестой и священнейшим храмом для Себя и Отца. Это ясно выражено Им в словах: «Вселюсь в них и буду ходить в них; буду Богом их, и они будут народом Моим». Такова совершенная и чистая душа, рассматриваемая в первобытном ее состоянии как подобие Небесного Слова.

(57) Когда же по злобе и зависти коварного демона она произвольно предалась страстям и полюбила зло, Бог удалился от нее; покинутая защитником, она оказалась легко уловляемой в сети вражьи и легко побеждаемой наветами тех, кто давно ей завидовал. Незримые враги и мысленные противники повергли ее ниц осадными орудиями и машинами; падение ее было столь велико, что от храма ее добродетели не осталось камня на камне, и она лежала на земле, как мертвая, лишенная всех врожденных ей помыслов о Боге.

(58) Ее, падшую, созданную по образу Божию, опустошил не вепрь лесов, видимый нами, но демон-губитель и мысленные дикие звери, которые, воспламенив в ней страсти раскаленными стрелами своей злобы, сожгли огнем истинное святилище Божие и повергли на землю скинию имени Его; затем, засыпав несчастную грудой земли, отняли всякую надежду на спасение.

(59) Но пекущееся о ней Слово, Божественный и спасительный Свет, справедливо наказав ее за ее преступления, подняло ее вновь, подражая человеколюбию всеблагого Отца.

(60) Прежде всего, предрасположив души высших царственных лиц, Оно очистило с помощью этих угодных Богу людей всю вселенную от всех злых нечестивцев и от страшных и богоненавистных тиранов. Затем, показав миру мужей, Ему известных, давно посвятивших Ему свою жизнь и тайно хранимых Им среди бури бедствий, Оно достойно почтило их великими дарами Духа, а потом с их помощью, как бы заступом и лопатой, отскоблило и очистило проникновенным учением души, незадолго до этого оскверненные и покрытые сором и илом безбожных внушений.

(61) Таким образом, просветив ваш ум, Оно передало вас этому мудрейшему и боголюбивому руководителю. Он, муж благоразумный и рассудительный, испытывая и различая помыслы вверенных ему душ, не переставал назидать их с первого, можно сказать, дня своего служения до настоящего времени и располагать в стройном порядке в душах ваших то сверкающее золото, то пробное и чистое серебро, то благородные и драгоценные камни, осуществляя на деле таинственное, данное нам пророчество:

(62) «Вот Я приготовил тебе рубин, камень твой, и в основание твое положил сапфир; и сделаю зубцы на стенах из яшмы, и ворота твои – из хрусталя, и ограду твою – из отборных камней. И все

сыновья твои будут научены Богом, и глубокий мир будет у детей твоих, и ты утвердишься правдою».

(63) Домостроительствуя по справедливости, он распределил всех людей в зависимости от их достоинства: кого окружил снаружи стеной – оградой крепкой веры (число людей, которых не в силах вместить больше, очень велико); кому поручил охранять входы и сопровождать входящих – их не без основания сравнивают с преддвериями храма; кого поставил у первых столпов, окружающих четырехугольный двор, – этих он вводит в буквальное понимание четырех Евангелий; кого поместил у самых стен базилики – пока только оглашенных, но возрастающих и преуспевающих, уже близких к созерцанию глубочайших тайн веры.

(64) Выбрав среди них души незапятнанные, очищенные, подобно золоту, в Божественной купели, он поставил одних у столпов, гораздо лучших, чем внешние, – утвердил их в таинственных и глубочайших догматах Писания; других осветил из отверстий, обращенных к свету.

(65) Весь храм украсил он одним великим преддверием во славу единого Царя всех Бога, а по обеим сторонам величия Отчего поместил Христа и Духа Святого, как вторичное сияние Света. Вообще, каждой частью храма выразил он ясность и блеск истины во всей ее полноте и многообразии. Собрав везде и отовсюду живые крепкие камни душ, он устроил из них великий, царственный дом, исполненный блеска и света внутри и снаружи, ибо не только душа и ум, но и тело их сияет чистотой и смиренномудрием, будто многоцветным украшением.

(66) Есть в этом святилище престолы и многочисленные скамьи и сидения, т. е. в душах этих восседают дары Духа Святого, которые видимы были когда-то у святых апостолов и которые обнаружились в «разделяющихся, как бы огненных, языках, почивших по одному на каждом из них».

(67) В начальствующем над всеми восседает Сам Христос, может быть, всецело; находящимся во втором ряду уделено Христовой силы и даров Святого Духа в соответствии с их местом. Скамьи – это души ангелов, приставленных к каждому для его наставления и охраны.

(68) А что такое этот величественный, большой и единственный алтарь, как не пречистое святая святых общего нашего Иерея! Справа стоит Первосвященник всех – Иисус, Единородный Сын Божий;

с радостным лицом, с распростертыми объятиями приемлет Он от всех благовонный фимиам и бескровные, невещественные жертвы молитв и воссылает их к Небесному Отцу и Богу всяческих. Которому прежде Сам поклоняется, Ему и воздает достойную честь, а затем просит, чтобы Он всегда был благ и милосерд ко всем нам.

(69) Таков этот великий храм, объемлющий всю вселенную, воздвигнутый великим ее Строителем – Словом и существующий на земле как мысленное подобие того, что превыше небесного свода, дабы вся разумная тварь на земле чтила Отца и поклонялась Ему.

(70) Но область, высшую небес, и образцы того, что мы здесь видим:

Иерусалим, именуемый горним, небесную гору Сион и находящийся над всем этим миром град Бога Живого, в котором тьмы ангелов и Церковь первенцев, написанных на небесах, величают своего Создателя и Владыку всего неизреченными и непонятными для нас песнями богословия – ту область никто из смертных не может восхвалить по достоинству, ибо «не видел того глаз и не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его».

(71) Впрочем, удостоившись отчасти этих благ, все мы: мужи, жены и дети, малые и большие, – вместе и единодушно не перестанем исповедовать и прославлять Подателя таких благ, «прощающего все беззакония наши, исцеляющего все болезни наши, избавляющего от гибели жизнь нашу, венчающего нас милостью и щедротами, исполняющего благами желания наши; потому что Он не по беззакониям нашим сотворил нам и не по грехам нашим воздал нам, но, как далек восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши. Как отец милует сыновей, так милует Господь боящихся Его».

(72) Оживляя это в памяти сейчас и во всякое время, созерцая мысленно, денно и нощно, всякий час, при каждом выдохе, любя и почитая всеми силами души Того, Кто собрал нас всех и послал нам этот светлый и радостный праздник, встанем и вслух будем умолять Его, да спасет и сохранит Он до конца нас, Свое стадо, да дарует нам вечный, ненарушимый и непоколебимый дар во Христе Иисусе, Спасителе нашем, через Которого Ему слава во веки веков. Аминь».

ГЛАВА 5

(1) Приведем теперь постановления императоров Константина и Лициния в переводе с латинского языка.

Копия императорских постановлений в переводе с латинского:

(2) «С давних пор, считая, что не следует стеснять свободу богопочитания, но, напротив, надо предоставлять уму и воле каждого заниматься Божественными предметами по собственному выбору, мы издали повеление как всем другим, так и христианам хранить свою веру и свое богопочитание.

(3) Но так как в указе, содержавшем это разрешение, были упомянуты неопределенно многие и различные вероисповедания, то, возможно, некоторые вскоре лишились возможности хранить свою веру.

(4) Когда же я, Константин август, и я, Лициний август, благополучно прибыли в Медиолан и обсуждали всё, что относится к общей пользе и благополучию, то среди прочего, что сочли мы во многих отношениях полезным для всех, решили прежде всего издать постановление, которое поддерживало бы страх Божий и благоговение, то есть даровать и христианам, и всем свободно, по своему собственному желанию выбирать веру, дабы небесное Божество, как бы Его ни называли, относилось благосклонно и к нам, и к подданным нашим.

(5) Итак, руководствуясь здравым и правым смыслом, мы объявляем следующее наше решение: никому не запрещается свободно избирать и соблюдать христианскую веру и каждому даруется свобода обратить свою мысль к той вере, которая, по его мнению, ему подходит, дабы Божество ниспосылало нам во всех случаях скорую помощь и всякое благо.

(6) Угодно нам совершенно отменить посланные прежде твоему благочестию распоряжения относительно христиан, весьма нелепые и несовместимые с нашей кротостью. Отныне всякий, свободно и просто выбравший христианскую веру, может соблюдать ее без какой бы то ни было помехи.

(7) Мы решили обстоятельно изъяснить это твоей попечительности, дабы ты знал, что мы даровали христианам полное право совершать богослужение.

(8) Поскольку же им даруется неограниченная свобода, то твоей чести должно быть понятно, что дается свобода и другим, по желанию, соблюдать свою веру, что и соответствует нашему мирному времени: пусть каждый свободно, по своему желанию избирает себе веру. Так определено нами, дабы не казалось, будто мы умаляем достоинство какой-либо веры.

(9) Кроме того, касательно христиан мы постановляем следующее: если места, в которых они раньше собирались и о которых в прежде присланной твоей чести грамоте предписано совершенно иначе, куплены у нашей казны или у кого-либо, то пусть их вернут христианам безвозмездно, без возврата заплаченной за них суммы, немедленно и беспрекословно. Равным образом получившие такие места в дар должны немедленно вернуть их христианам.

(10) И если купившие эти места или получившие их в дар хотят просить за них от нашей доброты вознаграждения, то пусть обратятся в суд к нашему правителю, и наша милость не оставит их просьбы без внимания. Все это твоей заботливостью должно быть возвращено христианскому обществу без промедления.

(11) И так как христианам принадлежали не только те места, где они обычно собирались, но и другие, составлявшие собственность не только частных лиц, а целого общества, то согласно закону, только что нами изложенному, ты распорядишься без всякого промедления вернуть их христианам, т. е. всему их обществу и каждому собранию, соблюдая, конечно, и упомянутое указание о том, чтобы вернувшие те места безвозмездно рассчитывали на вознаграждение от нашей доброты.

(12) Во всем этом ты должен оказать вышеупомянутому обществу христиан всяческое содействие, дабы наше распоряжение осуществилось как можно скорее и проявилась наша забота об общем народном спокойствии.

(13) За такие дела, как сказано выше, благоволение Божие, испытанное уже нами во многих случаях, да пребудет с нами во все времена.

(14) А чтобы закон этот, свидетельствующий о нашем благожелательстве, был доведен до сведения всех, распорядись написанное нами обнародовать всюду и сообщить всем, дабы закон, данный по нашей доброте, оказался всем известен».

(15) Копия другого императорского постановления, разрешающего делать дарения только кафолической Церкви:

«Здравствуй, почтеннейший Анулин! Любя доброе, мы не намерены посягать на чужую собственность, но хотим, чтобы она была, почтеннейший Анулин, возвращена владельцу.

(16) Посему мы желаем, чтобы, по получении этой грамоты, ты немедленно приказал вернуть христианам кафолической Церкви в каждом городе или в других местах все, что им принадлежало и что теперь находится во владении или граждан, или иных лиц, ибо мы постановили вернуть церквам их прежнюю собственность.

(17) Если же ты, благочестивый, ясно видишь смысл этого повеления нашего, то озаботься, чтобы сады, дома, вообще все, принадлежавшие этим церквам, было целиком и как можно скорее возвращено им. Мы желали бы знать, что ты с величайшей точностью выполнил это наше повеление.

Будь здоров почтеннейший и любезнейший Анулин!» (18) Копия императорского письма, которым повелевается быть в Риме собору епископов для единения и единомыслия:

«Константин август – Мильтиаду, епископу Римскому, и Марку.

От Анулина, светлейшего проконсула Африки, поступило ко мне много важных сообщений о том, что Цецилиана, епископа Карфагенского, некоторые его африканские соепископы во многом обвиняют. Мне особенно прискорбно, что в тех провинциях, которые Божий Промысл вручил мне с их добровольного согласия, притом очень многолюдных, находятся люди, разделяющиеся как бы на партии, и даже между епископами возникают споры и разногласия.

(19) Мне думается, пусть Цецилиан с десятью епископами, которые его обвиняют, и с десятью другими, которых он возьмет как необходимых защитников, прибудет морем в Рим, чтобы там в присутствии вас, а также Ретиция, Матерна и Марина, соепископов ваших, которым я велел также поспешить в Рим, можно было его выслушать; как вы знаете, это соответствует священнейшему закону.

(20) А чтобы вы могли иметь самые полные сведения обо всем этом, я разослал упомянутым соепископам вашим вместе с письмом моим и копии документов, присланных мне Анулином. Ознакомившись с ними, вы, люди твердые, решите, как следует обсудить это дело и вынести справедливое решение. От вашего внимания, конечно, не укроется, с каким почтением отношусь я к законной кафолической Церкви, поэтому и хочу, чтобы вы нигде не допустили ни раскола, ни разногласия.

Великий Бог да сохранит вас, почтеннейший, на многие лета».

(21) Копия императорского письма, которым назначается второй собор для разрешения всякого разногласия между епископами:

«Константин август – епископу Сиракузскому Христу. Уже давно некоторые люди стали отходить от почитания святой небесной Силы и от кафолической Церкви. Желая положить конец этим ссорам, я распорядился пригласить из Галлии некоторых епископов, а также вызвать из Африки постоянно и упорно спорящих друг с другом представителей враждебных сторон, чтобы в общем собрании и в присутствии Римского епископа вопрос, вызвавший это смятение, можно было тщательно обсудить и уладить.

(22) Но некоторые, как это бывает, забыв о своем спасении и о благоговении, которое должно оказывать святейшей вере, и не думают прекращать свои ссоры. Они не желают подчиниться вынесенному решению, утверждая, что лишь малое число людей высказало свое мнение и что не были предварительно и тщательно разобраны все необходимые обстоятельства рассматриваемого дела и решение было вынесено с поспешностью и горячностью. От всего этого и происходит, что те, кто должны бы иметь братское единодушие, находятся в постыдном, даже гнусном, разделении и подают людям, далеким от святейшей веры, повод для насмешек. Поэтому я счел своим долгом озаботиться, чтобы это дело, которому следовало быть оконченным после вынесенного решения с общего согласия, хотя бы теперь в присутствии многих пришло к концу.

Итак, я распорядился, чтобы к календам августа весьма многие епископы из самых разных мест собрались в городе Арелате, и решил написать тебе, чтобы ты получил от светлейшего Латрониана, правителя сицилийского, разрешение воспользоваться государственной почтой. Возьми с собой, по своему выбору, двух

духовных лиц второй степени и трех слуг, которые прислуживали бы вам в дороге. Надо прибыть тебе на место в назначенный день, чтобы и ты своей твердостью, и остальные своим единомыслием и единодушием покончили с этим постыдным раздором. Выслушав всё, что скажут спорящие лица, которым мы тоже велели явиться, можно будет, хотя и не сразу, склонить их к подобающему богопочитанию, к вере и братскому единомыслию.

Бог Вседержитель да сохранит тебя здравым и невредимым на многие лета».

ГЛАВА 6

(1) Копия императорского письма о выдаче Церквам денег:

«Константин август – Цецилиану, епископу Карфагенскому. Угодно мне некоторых известных служителей святейшей кафолической веры во всех епархиях Африки, Нумидии и Мавритании снабдить кое-чем на расходы. Я написал Урсу, знаменитейшему африканскому казначею, чтобы он позаботился отсчитать тебе 3000 фоллисов.

(2) Ты же, получив у казанное количество денег, вели раздать их всем лицам, названным в списке, который прислал тебе Осия.

(3) Если ты увидишь, что чего-то не хватает, чтобы полностью удовлетворить всех по моему решению, можешь требовать, сколько сочтешь нужным, от управляющего моими имениями Гераклида, которому я приказывал лично в случае, когда ты попросишь у него денег, выдать их тебе без всякого отлагательства.

(4) До сведения моего дошло также, что некоторые люди с неустойчивыми мыслями хотят отвратить народ от святейшей кафолической Церкви лживыми и постыдными наставлениями. Поэтому да будет тебе известно, что проконсулу Анулину и Патрицию, заместителю префекта, я дал приказание между прочим иметь особенное наблюдение и за этим, никак не пренебрегая подобными случаями.

(5) Итак, если ты заметишь людей, упорствующих в этом безумии, то без всяких сомнений обратись к названным судьям и извести их об этом, чтобы подобных людей, следуя моему, лично им данному приказу, они подвергали наказанию.

Божественность великого Бога да хранит тебя на многие годы».

ГЛАВА 7

(1) Копия императорского письма с приказом освободить предстоятелей Церквей от всех общественных обязанностей:

«Здравствуй, наш почтеннейший Анулин. Так как во многих случаях обнаруживается, что пренебрежение к вере, которой охраняется высочайшее благоговение к Святейшему Небесному Существу, влечет за собой великие народные бедствия, а соблюдение ее, согласное с законами, доставляет, по благоволению Божию, великое благополучие Римскому государству и всем человеческим делам особенное счастье, то нами решено, почтеннейший Анулин, что мужи, отличающиеся должной святостью, повинующиеся закону и отдающие свои силы на службу Божественной вере, должны получить награду за свои труды.

(2) Поэтому лиц, находящихся во вверенной тебе провинции и состоящих в Церкви, во главе которой стоит Цецилиан, отдавших себя на служение этой святой вере (обычно их называют клириками), желаю я раз навсегда освободить от всех общественных обязанностей, дабы не были они отвлекаемы от служения Богу каким-нибудь обманом или святотатственным поползновением, но без всякой помехи исполняли свой закон. Если они будут служить Богу со всей ревностью, то это принесет много пользы и делам общественным.

Будь здоров, почтеннейший и любезнейший Анулин».

ГЛАВА 8

(1) Так одарила нас Божественная и небесная благодать явившегося Спасителя, таково было изобилие благ, которые доставил людям мир с нами. И это благоденствие наше сопровождалось радостью и торжествами.

(2) Но для любителя зла и ненавистника добра – демона – зрелище это было невыносимо, равно как и для Лициния бедственная участь прежде упомянутых тиранов была недостаточным уроком благоразумия. Он был хорошим правителем; великий император Константин удостоил его второго после себя места и высокой чести породниться с ним, однако он оставил стезю добра и пошел дурной дорогой безбожников-тиранов. Собственными глазами видел он страшный конец их жизни, но предпочел скорее разделить их образ мыслей, чем сохранить дружбу и расположение лучшего из государей.

(3) Полный зависти к тому, кто осыпал его благодеяниями, он начал с ним преступную и жестокую войну, презрев законы природы, не вспоминая ни о клятвах, ни о родственной крови, ни о договорах.

(4) Император, облагодетельствовавший его, дал ему доказательство своего искреннего расположения: не счел унизительным породниться с ним, не отказал в блистательном браке со своей сестрой, но удостоил кровной близости с благородным древним царским домом и предоставил, как зятю и соправителю, полную власть распоряжаться не меньшей частью народов, подвластных Риму.

(5) Лициний действовал наоборот: ежедневно затевал всякого рода козни против лучшего из государей, словно сознательно придумывал, как бы заплатить злом своему благодетелю. Сначала он пытался скрыть свои умыслы, притворяясь другом и надеясь хитростью и обманом легче достичь своей цели.

(6) У Константина же другом, защитником и хранителем был Бог, Который весь заговор, затевавшийся против него тайно и во мраке, вывел наружу.

Благочестие – сильное оружие как в борьбе с врагами, так и в охранении нашего собственного спасения. Оградившись им, наш

возлюбленный Богом император избежал хитрых козней злоименного врага.

(7) Лициний, видя, что тайные козни ему не удаются, ибо возлюбленному своему государю Бог открывал все коварства и обманы соправителя, и не имея более возможности скрываться, начал открытую войну.

(8) Но, решившись воевать с Константином, он приготовился восстать и на Бога всяческих, Которого, как знал он, чтил Константин. Он начал мало-помалу преследовать своих благочестивых подданных, нигде и никак не выражавших недовольства его властью; врожденная злобность заставляла его пренебречь всем.

(9) Он начисто забыл о тех, кто до него преследовал христиан, и о тех, кого он сам казнил и наказывал за их нечестие. Потеряв здравый смысл, окончательно обезумев, он решил воевать с Самим Богом – не с Константином, которому Бог помогал, а с Самим Помощником Константина.

(10) Прежде всего, он выгнал из своего дворца всех христиан и тем, несчастный, сам себя лишил их молитв перед Богом, которые, по обычаю и учению своих предков, они возносят за всех. Затем он распорядился уволить со службы в каждом городе и лишить звания всех воинов, которые не принесут жертвы демонам. Но это были пустяки сравнительно с большими притеснениями.

(11) Впрочем, зачем перечислять отдельно и подробно поступки этого богоненавистника и говорить о законах самых беззаконных, которые придумал этот преступивший все законы человек? Он, например, указом запретил всем подавать из человеколюбия пищу заключенным в тюрьмах страдальцам, жалеть изголодавшихся узников и вообще запретил быть добрыми и делать добро по естественному чувству сострадания к ближним. Согласно закону, крайне жестокому и постыдному, противному природной доброте, сострадательные люди должны были терпеть одинаковое наказание с теми, кому они сострадали: их заковывали и сажали в тюрьму – человеколюбцев наказывали как преступников.

(12) Таковы были распоряжения Лициния. Надо ли перечислять его нововведения в законах касательно брачующихся и умирающих? Он осмелился отменить древние римские законы, справедливые и мудрые, и вместо них ввел какие-то варварские и жестокие,

несправедливые и действительно беззаконные и противозаконные. Он выдумал тысячи предлогов, чтобы всячески вымогать золото и серебро у покоренных народов, перемеривать землю и взыскивать налоги даже с тех земледельцев, которые уже не жили в деревнях и давно умерли.

(13) А куда только не ссылал совершенно невинных людей этот человеконенавистник, каких знатных и достойных мужей не сажал под арест, отдавая их законных жен на позор и поношение своим гнусным прислужникам?! Сколько замужних женщин и чистых девушек обесчестил этот дряхлый старик, чтобы удовлетворить свою безудержную похоть! Но зачем распространяться об этом? Скажу коротко, что его первые поступки кажутся маловажными и не стоящими обличения сравнительно с тем, что сделал он напоследок.

(14) Дойдя до предела безумия, устремился он на епископов, видя в них, служителях Бога всяческих, противников своей деятельности. Действовал он из страха перед Константином не в открытую, а тайком и хитро и погубил своими кознями самых знаменитых. Способ убийства был удивительный, доселе не слыханный.

(15) То, что было сделано в Амасии и прочих городах Понта, превзошло самую крайнюю жестокость. Там одни церкви были разрушены до основания, а другие заперты, чтобы нельзя было их обычным посетителям собраться и совершить службу Божию.

(16) Зная свое зло, он думал, что молитвы возносятся не за него, и был убежден, что мы всё делаем только для боголюбивого императора и молим Бога быть милостивым только к нему; потому он и обрушил на нас весь свой гнев.

(17) Льстецы из числа его наместников, желая угодить нечестивцу, подвергали епископов таким наказаниям, каких достойны только злодеи, и невинных мужей без всякого расследования брали под стражу и наказывали, как убийц. Конец же некоторых из них был дотоле невиданным: тела их разрубали мечом на многие части и после такого варварского зрелища бросали их в морскую пучину на съедение рыбам.

(18) После этого снова началось бегство благочестивых людей, и опять слуг Христовых приютили поля, и опять пустыни, леса и горы. И так как нечестивцу удавались его меры, то он задумал в дальнейшем начать общее гонение христиан.

(19) Он исполнил бы свое намерение – ибо ничто не препятствовало ему перейти к делу, – если бы Бог, Поборник преданных Ему душ, предвидя, что случится, не зажег, словно в глубоком мраке и непроглядной ночи, яркий и спасительный для всех светильник – если бы «рукою крепкий» не привел в те страны Своего слугу Константина.

ГЛАВА 9

(1) Бог ниспослал ему свыше победу как достойную награду за благочестие, а злодея со всеми его советниками поверг к ногам Константина.

(2) Лициний в своих действиях против него дошел до пределов безумия, и тогда возлюбленный Богом император пришел к благоразумному выводу, что больше терпеть его нельзя. Соединяя строгость правосудия с человеколюбием, он решил помочь тем, кого обездолил тиран, и, устранив нескольких злодеев, спасти большую часть людей.

(3) Константин до этого времени относился к Лицинию человеколюбиво и жалел его, недостойного жалости, но это ни к чему не привело: злобности в том не стало меньше, напротив, он еще более увеличивал ярость против подвластных ему народов; угнетенным, замученным этим страшным зверем надежды на спасение не оставалось.

(4) Поэтому защитник правды, питавший любовь к добру и ненавидевший зло, подал руку помощи погибавшим и выступил в поход с сыном своим Криспом. А так как их вели и помогали им Бог и Спаситель всех, Сын Божий, то отец и сын разделив свое войско, окружили богоненавистников и легко одержали победу, ибо всё облегчал им Бог.

(5) И вот те, кто еще вчера и позавчера дышали смертью и угрозами, исчезли вдруг, быстрее слова, так что и имен их не вспоминали. Их портреты и знаки почестей подверглись заслуженному поруганию. Лициний претерпел то же самое, что некогда перед его глазами понесли нечестивые тираны, претерпел за то, что не усвоил уроков благоразумия, не вразумился бичами, поразившими его близких, но пошел той же дорогой нечестия и, конечно, пришел к той же пропасти, что и они.

(6) И в то время, как он лежал повергнутый, великий победитель Константин, осененный силой благочестия, вместе с сыном Криспом, боголюбезнейшим и похожим во всем на отца, принял в собственное владение Восток и объединил Римскую империю, по-древнему, под

одной властью, подчинив мирному своему скипетру всю землю от восхода солнца и до крайнего запада, равно как и страны на севере и юге.

(7) У людей исчез всякий страх, в котором прежде держали их мучители.

Теперь наступили радостные и торжественные дни многолюдных празднеств:

всё исполнилось света. Люди, раньше ходившие с поникшими головами, теперь приветливо улыбались друг другу. По всем городам и деревням устраивали хороводы и пели хвалебные песни, которыми христиане прославляли, как были научены, во-первых, Бога Вседержителя, а затем благочестивого императора со всеми его боголюбезными детьми.

(8) Забыты были прежние бедствия и нечестие; все наслаждались настоящими благами и, сверх того, ожидали будущих. Всюду были обнародованы человеколюбивейшие постановления победоносного государя и законы, свидетельствующие о его щедрости и истинном благочестии.

(9) Уничтожены были все следы тирании; твердая и никем не оспариваемая царская власть принадлежала Константину и его сыновьям. Изгладив все следы нечестия прежних властителей и осознав, что столько благ даровано им Богом, они проявили свою любовь к добру и к Богу, благодарность Богу и благочестие, обнаруживая эти добродетели перед людьми в своих делах.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

---

notes

Примечания

1

Еретики.

2

Христиане.

3

Ученики Непота.